

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 130.2+230.1

DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10213

А. К. Клементьев

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ НИКОЛАЕВИЧА БУЛГАКОВА (1924–1937 гг.)

Аннотация. Споры по поводу учения прот. Сергия Николаевича Булгакова о Святой Софии, Премудрости Божией, продолжались в среде русских и не только русских богословов и любителей богословия в годы, разделившие две мировые войны, и возобновлялись не раз в зарубежной русской печати и в последующее время. В них оказались втянуты представители всех групп, сложившихся внутри Русской Церкви после физического разделения ее клира и паствы между территориями захваченной большевиками России и остального мира. На несколько лет споры эти стали едва ли не единственной объединяющей темой, публично обсуждавшейся этими группами, каждая из которых спешила заявить собственные права суждения и осуждения богословских построений парижского священника-философа и фактического руководителя самого успешного из возникших после антихристианского погрома 1917 года высшего православного учебного учреждения. Обсуждаемый же ими автор продолжал, тем не менее, работать нисколько не сообразуясь с многочисленными указами, определениями и суждениями со стороны, вследствие чего внушительное философское и богословское наследие прот. Булгакова и се-

годня привлекает внимание значительной аудитории, а мысли его обличителей и хулителей едва ли способны вызвать продуктивный интерес. В полемике вокруг построений прот. С. Булгакова приняли участие многие видные церковные работники минувшего столетия, а архиепископ Серафим (Соболев) и вовсе создал целую литературу, перепечатаваемую его почитателями и в наши дни. Споры 1920-х — 1930-х годов все же сказались на судьбе наследия прот. С. Булгакова — его главное сочинение «Премудрость Божия» остается неизданным на языке оригинала. Между тем лишь митрополит Евлогий (Георгиевский), в юрисдикции которого и протекала педагогическая и пастырская работа прот. С. Булгакова, смог организовать спокойную и достаточно продолжительную коллективную работу по изучению богословского творчества о. Сергия, очевидно соотносясь в первую очередь с интересами церковной пользы.

Результаты работы «Комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова» до сего времени оставались, в основной своей части, неопубликованными и неизвестно, отложились ли все материалы работы этой Комиссии в каком-либо одном архивном собрании. Собираанию документов, которые печатаются сегодня, значительные усилия посвятил большой почитатель прот. С. Н. Булгакова профессор Никита Алексеевич Струве, за долгие годы отыскавший их и получивший их копии у различных частных владельцев и в общественных собраниях. Эта публикация, ставшая возможной единственно вследствие длительной работы, сделанной Н. А. Струве, посвящена его памяти.

Ключевые слова: *протоиерей Сергей Николаевич Булгаков; протоиерей Сергей Иванович Четвериков; учение прот. С. Н. Булгакова о Софии, Премудрости Божией; Комиссия по делу о сочинениях профессора протоиерея Сергия Булгакова.*

Цитирование. *Клементьев А. К.* Материалы к истории полемики о творчестве профессора протоиерея Сергия Николаевича Булгакова (1924–1937 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 275–370. DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10213

Первая попытка систематизировать публикации, относящиеся к работе Комиссии для изучения и оценки богословского творчества прот. С. Н. Булгакова и охарактеризовать документы, составленные участниками этой комиссии, была предпринята игуменом Геннадием (Эйкаловичем) около сорока лет назад¹. Заметно дополнила его работу

¹ См.: *Геннадий (Эйкалович), игум.* Дело прот. Сергия Булгакова (Историческая канва

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

статья, содержащая сведения, извлеченные А. Е. Климовым из документов архивного фонда Г. Флоровского в библиотеке Принстонского университета². Однако все почти основные материалы, как появившиеся в процессе работы членов комиссии, так и итоговые документы ее деятельности до сего дня в печати встречать не приходилось³. В год 75-летия кончины прот. Сергия Николаевича Булгакова публикуем основные документы, выработанные комиссией, изучавшей его богословские сочинения в 1935–1937 годах.

I

«Вчера, 26-го, в день апостола Иоанна Богослова, собравшиеся у меня А. В. Карташев, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, В. В. Зеньковский, С. С. Безобразов и Г. В. Флоровский постановили учредить православное братство имени Божественной Софии и признать это собрание учредительным (при условии утверждения церковной властью), на мою долю выпадает быть главою этого братства. Да благословит Господь, и да наставит нас сама Божественная София, Премудрость Божия. Странно думать человеческой мыслью о свершившемся начинании. Если есть на то воля Божия, то это есть историческое, даже всемирно историческое событие...

И как будто нарочно в мой дом вступила икона Божественной Софии [...] и горит она и светит снова в моем было погасшем сердце...», — записал прот. С. Н. Булгаков 27 сентября 1923 г.⁴ Так было положено на-

---

спора о Софии). Сан-Франциско, 1980. [2]+45 с.

² См.: Климов А. Е. Г. В. Флоровский и С. Н. Булгаков. История взаимоотношений в свете споров о софиологии // С. Н. Булгаков: религиозно-философский путь. М., 2003. С. 86–114.

³ Впрочем, игумен Геннадий, не имевший в своем распоряжении даже номеров парижского «Церковного вестника Западно-Европейской епархии», опубликовал три документа, оказавшиеся доступными ему, скорее всего, случайно: Акт Совещания епископов православных русских церквей в Западной Европе от 26, 27 и 29 ноября 1937 г., Особое мнение прот. С. Четверикова и Г. Флоровского от 6 июля 1937 г. (в обратном и достаточно вольном переложении с английского языка) и подписанное двенадцатью членами комиссии преподавателей Православного богословского института в Париже письмо с выражением поддержки прот. С. Н. Булгакову в связи с появлением осуждающего его богословское творчество указа митр. Сергия (Страгородского). См.: Геннадий (Эйкалович), игум. Дело прот. Сергия Булгакова... С. 33–45.

⁴ Братство Св. Софии. Материалы и документы 1923–1939 / сост. Н. А. Струве; подг. текста и примеч. Н. А. Струве, Т. В. Емельяновой. М.; Париж: Русский путь — YMCA-Press, 2000. С. 3.

чало возрождению братства, успешно действовавшего в России до отъезда его участников за границу.

Первое собрание учредителей Православного братства во имя Св. Софии, Премудрости Божией, состоялось в Праге 18/31 января 1924 г. в день св. Афанасия Великого. Присутствовали: о. С. Булгаков, Г. В. Вернадский, В. В. Зеньковский, П. И. Новгородцев, Г. В. Флоровский. Председательствовал о. С. Булгаков. Первое собрание Совета Братства прошло 20/1 — 2/II 1924 г. С этого времени заседания стали регулярными.

Первое заседание Совета братства в Париже состоялось 30 июля нового стиля 1924 г. Присутствовали: о. С. Булгаков, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, кн. Г. Н. Трубецкой, а также члены братства Л. А. Зандер и А. В. Ельчанинов. Б. П. Вышеславцев был принят в братство. Затем с 31 июля по 2 августа прошли три заседания, в которых приняли участие о. С. Булгаков, П. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, А. В. Ельчанинов, Л. А. Зандер, В. В. Зеньковский, А. В. Карташев, кн. Г. Н. Трубецкой.

С этого момента братство действовало в Праге и в Париже, а проведение заседаний определялось местонахождением его председателя, готовившегося к окончательному переезду в Париж.

По-видимому, именно возобновление этого, основанного весной 1918 г. в Петрограде по личному разрешению митрополита Вениамина (Казанского), братства, в Праге объединившего лишь нескольких участников, стало поводом для появления в белградском «Новом времени» большой статьи⁵ митрополита Киевского Антония (Храповицкого), из полемики с которым и возникло впоследствии так называемое «Дело протоиерея С. Н. Булгакова».

В начале статьи митр. Антония «Когда это кончится?», посвященной только что вышедшему сборнику «Проблемы русского религиозного сознания», автор упоминает о «совершенно неисправимом фантазерстве тех, кто считает себя генералами от науки и литературы». По его мнению, «главная беда его [В. С. Соловьева] последователей в том, что они опускали и опускают без внимания его ценные философские выводы и его некоторые даже богословские и библейские наблюдения, а подхватывают его парадоксы, из коих над некоторыми он сам смеялся и еще более смеялся над читателями, которые принимали эти парадок-

---

⁵ Антоний (Храповицкий), митр. Когда это кончится? // Новое время. Белград, 1924. 4 сент. (№ 1005). С. 2.

сы и шаржи всерьез; да не только принимали всерьез, но почитали их наивысшим проявлением его творчества и его таланта, несравненно высшим, чем его философские труды и выводы, в которых-де не было ничего особенного. Так приблизительно выражались отцы профессора Булгаков, Флоренский и Соловьев-племянник. Парадоксы эти и шаржи появились в стихотворениях Соловьева-дяди, которые также названные литераторы ставят выше его диссертаций и трактатов⁶. Этим и ограничивалось в данном случае рассуждение митр. Антония об участии прот. Сергия Булгакова в распространении нового учения о Софии.

Ответное заявление самого Булгакова появилось в белградском же «Вечернем времени» месяц спустя и, что примечательно, в виде открытого письма, адресованного не автору воспринятого прот. Булгаковым в качестве обвинения упоминания его имени, а митр. Евлогию, что сообщало этому письму вид попытки оправдательного разъяснения собственному епархиальному начальству:

«Ваше Высокопреосвященство, высокочтимый и дорогой Владыка! Считаю себя вынужденным в качестве клирика, находящегося в Вашем каноническом ведении, обратиться к Вам со следующим почтительнейшим заявлением, которое желал бы, если бы к тому представилась возможность, [довести] и до сведения Святейшего Патриарха Тихона. В Белградской газете “Новое время” от 4-го сентября 1924 года помещен фельетон Митрополита Антония под заглавием: «Когда это кончится?». Здесь характеризуются взгляды некоторых инакомыслящих писателей, в числе коих названо и мое имя. Всем им, а следовательно, в частности, и мне, приписано, что “они с легкой руки Вл. С. Соловьева *выдумали четвертую ипостась св. Троицы*, назвали ее именно Премудростью или Софией, или душой мира, женственным началом в Божестве”, причем “это богословское фантазерство” приводит “к основанию целой ереси, нарушающей основной догмат общехристианской веры о трех ипостасях в едином Божестве”.

Далее, в белградской же газете “Старое время” в фельетоне Мглинского, в связи со слухами об основании Духовной академии в Париже, также называется мое имя с присоединением того, что я “вкуче с другими выдумал четвертую ипостась св. Троицы”.

По этому поводу честь имею установить перед Вашим Высокопреосвященством тот факт, что я никогда *в таком виде учения* о св. Софии,

⁶ Антоний (Храповицкий), митр. Когда это кончится? С. 2.

премудрости Божией, не излагал и даже не разделял, напротив, в своих богословских чтениях усиленно старался выяснить *противоположный* тезис, именно, что Св. София *не есть четвертая* ипостась во Св. Троице.

Также ни в какой зависимости от соответствующих учений Вл. Соловьева взгляды мои не стоят, а взгляды на Софию, как особую женскую ипостась в Божестве, я вовсе не разделяю.

Посему приведенное мною обвинение является явным плодом богословского недоразумения. Испрашивая Вашего благословения и святых молитв, остаюсь Вашего Высокопреосвященства послушник прот. С. Булгаков»⁷.

В тот же день, 4 сентября, явно под впечатлением прочитанного 19-летний соучредитель только что созданного братства св. Фотия Алексей Ставровский, весьма увлекшийся новым течением общественной мысли, наименовавшим себя «Евразийством», обратился к прот. С. Булгакову с посланием, в коем среди прочего утверждал: «И думалось мне, что те, кто восстают на сие исповедничество, имеют в корне противоречащее евразийскому созерцание Православия, действительности и необходимой деятельности. И в таком настроении пребывал я до тех пор, покуда Бог не привел меня на собрание в Аржеронне, к встрече с Вами⁸, где это чувство, вызывавшее во мне подчас даже негодование, сменилось исключительно благодаря Вашему полному духовной энергии, жизни и глубины облику, ощущением бессмысленности и нечестивости споров, ссор и разлада, и полной идентичности нашего общего мирозерцания. Мне стало совершенно ясно, что разлада в православном движении быть не должно и не может. Мне кажется, что пресловутый “спор” между “софийцами” и “евразийцами”, поскольку первые находятся под вашим могучим влиянием, может быть имеет основание в разномыслии по некоторым частным богословским и каноническим вопросам, но, как вражда или даже противопоставление одних другим, не может иметь место. Таково, конечно, мое суждение. Я очень болезненно воспринимаю, что Вы, осуждая евразийство за подмену православия, по-моему, смешиваете на-

⁷ Письмо прот. С. Н. Булгакова // Вечернее время. Белград, 1924. 3 октября (20 сентября). (№ 137). С. 3.

⁸ На Христианском студенческом съезде, проходившем 26–30 июля 1924 г. в замке Château d'Argeronne во Франции, прот. С. Н. Булгаков сделал доклад «Аскетизм в условиях студенческой жизни». Опубликовано в: Христианство и современная жизнь. Духовный мир студенчества. Paris, [1925]. С. 33–38.

ционалистические стремления современности с евразийством, стоящим выше этого и рассматривающим и ценящим нацию именно как носительницу православия. Россия евразийцами не мыслится неправославной. Неправославная Россия не есть Россия. Она ничто, она — хуже, нежели ничто, она — зло. [...] Думается мне, и в этом отношении для меня чрезвычайно ценна духовная поддержка Владыки митрополита Евлогия, с которым мне пришлось довольно много беседовать обо всем этом, что напрасны обвинения евразийства. Напрасны также, каковы бы они ни были (кроме разве частных богословских и канонических разногласий, что всегда является показателем богословского, скажу, вкуса в людях), осуждения априори “софийцев” (да простите Вы мне за откровенность суждения, ибо не мне судить обо всем этом) наличествует стремление к твердости, зрению в заочных областях, благодатному проникновению в область божественной мудрости; у евразийцев — жажда ограждения, защиты, жертвенного подвига, проникновения православием вселенной и в первую очередь России [...] Где же тут противоречие. В чем разногласие. Не суть ли сии движения взаимно друг друга дополняющие течения последнего остатка русских православных людей. Частные богословские споры, если они возможны, не могут служить поводом к разногласиям в единой православной деятельности»⁹.

1 октября, увидев в обращении Ставровского «дружески протянутую руку, которую приемлю с благословением», о. Сергей ответил Ставровскому обширным посланием, в котором «намеренно очертил те грани и уклоны, которые мне неприемлемы в евразийстве». Он указал, что письмо служит для него «радостным свидетельством того, что или мои опасения были преувеличены, или в самом евразийстве начинает прощупываться глубина и широта или, вероятно, и то и другое, но только факт тот, что мои опасения и сомнения умолкают перед вашими разъяснениями. В том смысле и направлении, как Вы берете эти начала, они не вызывают с моей стороны возражений, и нам просто не о чем спорить, а нужно дружно и любовно сеять и жать на православной русской ниве, ибо поистине делателей мало»¹⁰.

⁹ Письмо А. В. Ставровского прот. С. Н. Булгакову от 4 сентября 1924 г. помещено в приложении к статье: Колеров М. А. Братство Св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 159–160.

¹⁰ Письмо прот. С. Н. Булгакова к А. В. Ставровскому от 1 октября 1924 г. // Там же. С. 161–162.

По-видимому, это письменное знакомство способствовало приему Ставровского на пропедевтический курс открывшегося вскоре Свято-Сергиевского православного богословского института, где оказывается и его сотоварищ по газетному обличению вероотступников Сергей Николаевич Матвеев. Полтора года спустя А. В. Ставровский покинул¹¹ Богословский институт вслед за Матвеевым¹². Полагаем, что решение оставить институт возникло у него и в силу отношения к нему соучеников, которое Константин Струве определял как «вполне человеческое нежелание примириться с озорством и садизмом Матвеева и Ставровского»¹³.

Именно Ставровскому суждено было сыграть несколько лет спустя заметную роль в многополярной травле декана института прот. С. Н. Булгакова, начатой в середине 1930-х годов и его стараниями.

Через полтора месяца последовало ответное письмо митр. Антония о. Сергию, помещенное с редакционным предисловием белградским «Вечерним временем»: «В номере 137 “Веч[ернего] вр[емени]” было напечатано письмо о. Сергия Булгакова, который будет читать лекции в Париже, по поводу статьи митр. Антония, тягостной для о. Сергия. На это письмо митр[ополит] отвечает следующим письмом в редакцию “Нов[ого] врем[ени]”: “На днях я узнал, что я невольно явился причиной огорчения уважаемого и любимого мною протоиерея С. Н. Булгакова, который заявил протест в газете ‘Вечернее Время’ против указания на него как последователя соловьевской идеи о мнимой Четвертой

---

¹¹ 30 сентября / 3 октября 1926 г. решено было «студента Алексея Ставровского считать уволенным согласно прошению, в выдаче диплома об окончании пастырских курсов отказать, так как пройденный Ставровским первый курс Богословского Института Пастырских курсов не представляет». (Здесь и далее сведения о студентах и отрывки из протоколов заседаний Правления Богословского института приводятся по машинописной «Летописи жизни Богословского института», составленной прот. И. Верником на основании различных документов из архивов епархии и института, а также студенческих записей).

¹² Сергей Николаевич Матвеев, стипендиат института, живший на Подворье, «выбыл из слушателей во время Рождественского перерыва 1925/6». 17 августа 1926 г. постановлено было «в виду прекращения им посещения лекций» «студента Сергея Матвеева из списков Богословского Института — исключить».

¹³ Письмо К. П. Струве к прот. С. Н. Булгакову от 26/VII — 8/VIII 1926 г. (Архив Н. А. Струве. Париж). См.: Дни и труды Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в письмах Константина Петровича Струве (1925–1928 гг.) // Вестник РХД. № 207 (I – 2017). С. 194–223; № 209 (I – 2018). С. 66–97.

Ипостаси Св. Троицы — Софии, и совершенно отрицает свое соприкосновение с таким ложным учением, в чем, впрочем, его укорял, сколько помню, и кн. Е. Н. Трубецкой.

Во всяком случае, не имея никаких оснований не доверять о. Сергию, я, не входя в рассуждения о том, теперь ли он только освободился от такой ошибочной мысли о Четвертой ипостаси, или эта мысль ему была чужда и раньше, — от души приветствую и его православие, и его благочестивую настроенность, и его доброе влияние на верующих студентов и желаю ему всяческих успехов на ученом и пастырском поприще деятельности. Митр[ополит] Антоний»¹⁴.

А уже на следующий день в парижской «Русской газете» появляется подписанная теми же Ставровским, Сергеем Матвеевым и Михаилом Энденом письмо, поносящее русского докладчика, рассказывавшего о «Велеградском съезде»¹⁵. Такое заявление, исходящее от юнцов, не прошедших даже полноценного гимназического курса и за время странствий между Крымом и Парижем успевавших лишь пересаживаться за парты разноязычных средних школ нескольких стран¹⁶, выглядело от-

---

¹⁴ Письмо митрополита Антония [Храповицкого] // Вечернее время. Белград, 1924. 13 ноября (31 октября) (№ 170). С. 4.

¹⁵ Матвеев С., Ставровский Ал., Энден М. [Письмо в редакцию] // Русская газета. Париж, 1924. 14 нояб. (№ 173). С. 4. На этот посвященный объединению Восточной и Западной Церквей католический церковный съезд в столице Моравии Велеграде были приглашены и многие православные, большинство из которых, в том числе епископ Тихон (Лященко), прот. С. И. Четвериков, кн. гр. Н. Трубецкой и сам о. С. Булгаков не сочли для себя возможным участвовать в его работе, причину чего о. Сергей разъяснил в опубликованном в Париже тремя месяцами ранее послании участникам съезда. «При этом нужным считаю подчеркнуть, — писал о. С. Булгаков, — что я познакомил с этим письмом и получил принципиальное его одобрение от друзей моих, входящих вместе со мной, в состав православного братства имени Св. Софии, премудрости Божией. Поэтому оно выражает не одно только мое личное мнение, но и ряда лиц, вместе со мною тяжело переживающих факт церковного разделения». Основным препятствием к объединению о. Сергей называл «униатский прозелитизм в местах скопления русского беженства, заставляющий смыкать фронт и вместо сближения переходить к самообороне» (Булгаков С. Н., прот. К Велеградскому съезду // Последние новости. Париж, 1924. 13 авг. (№ 1319). С. 4). «Последние новости» отмечали, что письмо «произвело очень большое впечатление» на участников съезда (Велеградский конгресс // Последние новости. Париж, 1924. 20 авг. (№ 1324). С. 3).

¹⁶ На вопрос предложенной А. В. Карташевым анкеты «Где и когда учился» Ставровский ответил: «В Петрограде, в Ялте, в Константинополе, в Софии, в Берлине,

кровенно нелепо и вызвало месяц спустя насмешливую отповедь обвиненного ими во всех грехах русского докладчика Н. Клименко¹⁷.

Подобные открытые письма, помещаемые в распространяемых в большинстве стран русского рассеяния самых читаемых русских газетах, могли иметь важное значение потому, что именно в это время в русских кругах шла деятельная работа по выплате средств за протестантский храм и несколько примыкавших к нему строений на Крымской улице в Париже, приобретенных для устройства нового русского прихода и высшего православного богословского учебного заведения. Всякое публично выраженное как виднейшим русским иерархом эмиграции, так и случайным корреспондентом сомнение в православности взглядов человека, предназначенного это учреждение возглавить, могло иметь тяжкие последствия для всего начинания.

Не оставались в стороне и разделившие судьбу о. Сергия «коллеги» по высылке из советской России. Вскоре приглашенный к сотрудничеству с Богословским институтом экстраординарный профессор Пепье в Париже. С 1915 г. по 1921 г. окончил курс наук в классической гимназии», не указав даже наименования учебных заведений. На вопрос «Что и по какому учебнику учил из церковн[ой] истории» ответил: «До шестого кл[асса] проходил в нормальных условиях Закон Божий, в частности Историю Церкви по учебнику Прот. П. Смирнова. В Берлинском Университете несколько месяцев эпизодически слушал лекции на богословском факультете». На вопрос «Что изучал или читал из области Истории Церкви (или церковной литературы, богословия...)» ответил «[...] В области богословия читал: по [...] патристике — Творения Григория Богослова; догматике — Хомякова Церковь Одна, и нек[оторые] др[угие] статьи». (Частное собрание).

¹⁷ Доклад, по его словам, «носил чисто-описательный характер». Н. Клименко утверждал, что «говорил о глубоко-примирительном духе, в каком велись заседания конгрессов, о почтительно-сочувственном и искреннем внимании со стороны виднейших представителей Католицизма к трагическим судьбам нашей Родной Церкви, о глубоко удовлетворении, с каким (в начальной, примирительной части письма), — и о том скорбном недоумении, с каким (в его полемической части) было выслушано на конгрессе известное письмо прот. Булгакова и его группы». Он оставил и описание самого хода возникших прений: «Вытащив из боковых карманов тетрадки с заранее написанным текстом, двое из них начали читать оттуда “ответы”, в которых участники конгрессов объявлялись “изменниками Церкви и родины” и предавались проклятию чуть ли не до седьмого колена». Автор отмечал, что ему «был послан молодыми людьми упрек в непонимании сущности христианства» и что, отдав 23 года жизни религиозно-моральным исканиям, он едва ли нуждается «в детских указаниях на то, как я должен понимать христианство» (см.: *Клименко Н. [Письмо в редакцию] // Русская газета. Париж, 1924. 10 дек. (№ 195). С. 4.*

троградского университета и профессор Петроградского богословского института Л. П. Карсавин¹⁸, деятельный участник Петроградского братства Святой Софии, в Парижское одноименное братство не приглашенный, не преминул лягнуть братство в своем берлинской журнале «Вестник православия»: «Не в создании каких-то неведомых русской церкви монашеских или светских орденов, или ставропигиальных братств заключается наша цель. Это все — интеллигентские мечты и затейки. Надо стать христианами не на словах только»¹⁹.

Впрочем, раздавались из той же группы и отклики вполне доброжелательные. «Но вот о чем я считаю своим долгом специально запросить Вас, — писал Булгакову Семен Людвигович Франк, — еп[ископ] Тихон²⁰, чувствуя трудность или даже невозможность защищать решение Собора чисто формально-канонически, пустил в ход дикую версию, подхваченную доверчивыми и темными людьми, что весь раскол по существу вызван фактом, что митр. Евлогий находится под влиянием братства св. Софии, в руках которого находится и академия, а братство это — бесспорно еретическое, свободомыслящее, масонское и т. п. Утверждают даже, что по уставу братства члены его обязаны слепым повиновением Вам, как его главе, а так как митр. Евлогий тоже состоит членом братства, то и он повинуется Вам (!!!), а Вы уже не верите в Св. Троицу, так как провозгласили четвертую ипостась — Св. Софию. Почему, собственно, при этом положении надо было выделить *германские* приходы из епархии митр. Евлогия, остается все-таки непонятным, но это не апрофондируется. Все это, конечно, так чудовищно глупо, что по существу не заслуживает ни малейшего внимания, но — увы — у нас с этим приходится практически считаться. Каждый момент с меня могут потребовать ответа о сущности, цели и делах братства.

По этому именно поводу я обращаюсь к Вам со след[ующими] вопросами — 1) не найдете ли Вы нужным, ссылаясь на эти слухи (которые у нас в Берлине, несмотря на свою глупость или, м. б., именно вследствие ее, пользуются большой популярностью) опубликовать в газетах 1) в кратких

¹⁸ Клементьев А. К. Педагогическая и общественно-церковная деятельность Л. П. Карсавина в годы жизни в Германии и Франции (1922–1926) // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 386–421.

¹⁹ Карсавин Л. П. Единое на потребу // Вестник православия. Берлин-Тегель, 1924. Сент.-окт. (№ 1). С. 12.

²⁰ Епископ Берлинский Тихон (Лященко).

чертах природу, происхождение, состав и цели братства 2) его полную непричастность к разногласию между митр[ополитами] Антонием и Евлогием. Это, м. б., было бы желательно, п[отому] ч[то] усиленно подчеркивается, что братство “тайное” 2) не уполномочите ли Вы меня, в случае *крайней к тому необходимости*, если придется, публично рассказать о братстве, (конечно, в самых общих чертах, не затрагивая тем заседаний братства)?

На меня эта глупость действует так тошнотворно, что я лично склонен скорее всего игнорировать ее и отвечать на нее молчанием. Но иногда, м. б., нужно эту личную брезгливость преодолевать, если это необходимо для пользы дела»²¹.

Франку вторил и признанный теоретик раннего евразийства кн. Н. С. Трубецкой: «Глубокоуважаемый отец Сергей! Мне только что переслали из Парижа номер газеты “Отечество” (29 авг[уста] 1926), в котором г-н Тальберг “разоблачая” якобы “скрытую работу” Братства Святой Софии, в подтверждение своих слов ссылается на мое письмо к Вам (1924 г.) и приводит из этого письма цитаты.»²²

По этому поводу я считаю долгом заявить Вам, что ни я, ни кто-либо из ответственных евразийцев никогда не давал г-ну Тальбергу ни моего помянутого письма, ни разрешения это письмо использовать; далее, г-н Тальберг ни непосредственно, ни через третьих лиц ко мне за таким разрешением никогда не обращался; наконец, что, хотя я и сейчас не отказываюсь от этих суждений, которые я высказал в помянутом письме по поводу имевшегося в то время в моем распоряжении текста устава братства, я решительно отвергаю все те обвинения, которые пытаются возвести на Братство Святой Софии г-н Тальберг.

Я глубоко огорчен тем, что мое письмо к вам послужило орудием для человека, совершенно чуждого церковной жизни и старающегося использовать эту церковную жизнь только для целей политиканства.

²¹ Письмо С. Л. Франка к прот. С. Н. Булгакову от 7 сентября 1926 г. из Берлина в Париж. (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).

²² В статье Н. Д. Тальберга «Скрытая работа» (Отечество. Париж, 1926. 29 авг. (№ 12). С. 3) цитируется письмо кн. Н. С. Трубецкого к прот. С. Н. Булгакову от февраля 1924 г. Ознакомившись с полученным уставом Братства Святой Софии, кн. Трубецкой писал Булгакову: «Братство создает особую иерархию и сосуществование этой особой братской иерархии с иерархией канонической создает совершенно недопустимое с православной точки зрения положение. [...] Совершенно помимо воли учредителей “Братства Св. Софии” это учреждение может привести многих к антиепископальному настроению близкому к “Живой церкви”». Вскоре Тальберг выпустил брошюру «Церковный раскол» (Париж, 1927).

Испрашивая вашего пастырского благословения, остаюсь искренне уважающий Вас, кн. Н. С. Трубецкой. 29/IX 1926»²³.

Споры об учении о. Сергия вошли и в его отношения с епископом Вениамином (Федченковым), служившим под началом Булгакова в Свято-Сергиевском богословском институте в должности инспектора, не раз поражавшего и коллег, и воспитанников своими труднообъяснимыми выходками — истерическими проповедями на неподходящие темы, нелепыми рекомендациями и продолжительными исчезновениями.

18/31 марта 1927 г. Архиерейский Синод в Сремских Карловцах выпустил подписанное семью архиереями Послание, в котором митр. Евлогий обвинялся в потворстве церковным модернистам, избрании исповедующих эти убеждения лиц в число своих ближайших сотрудников и приглашении к преподаванию в Богословском институте «в качестве преподавателей лиц, или высшего богословского образования не получивших, или таких, православие которых для Синода и Собора весьма сомнительно [...] Они же возвещают нам новое учение о Софии, как о женственном начале в Боге. Иногда это женственное начало является у них особым существом или Ипостасью, хотя и не единосущным Св. Троице, но и не совершенно чуждым ей. А иногда — не Ипостасью, а только, как они выражаются, ипостасностью, которая, однако, способна ипостазироваться, т. е. становиться Ипостасью. Причем в первом случае София является у них существом, превысим Богоматери, от которой приемлет даже почитание, а в последнем она почти отождествляется с Богоматерью»²⁴. Это было не первое выраженное проявление неприятия его богословского творчества. Двумя годами ранее, 5 апреля 1925 г., на пути из Парижа в Прагу сам о. Сергей свидетельствовал о подобном же отношении своих сотоварищей по парижскому Братству Святой Софии: «Еду израненный и избитый. Нежданно-негаданно подвергся распинанию в своем собственном братстве, притом не только со стороны

²³ Письмо кн. Н. С. Трубецкого к прот. С. Н. Булгакову от 29 сентября 1926 г. (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).

²⁴ Окружное послание Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. Сремски Карловцы, 1927. № 17/18 (122/123). С. 2–4. То же в: *Грabbе Ю. П.* Корни церковной смуты. Парижское братство Св. Софии и розенкрейцеры. Београд, 1927. Приложение. С. 27–30. Источником этих утверждений указывались сочинения С. Н. Булгакова «Свет не вечерний» (М., 1917), «Ипостась и ипостасность. (Scolia к Свету Невечернему)» (Прага, 1925) и «Купина неопалимая» (П., 1927) (Там же).

далеких, как Арсеньева²⁵, но и друга моего, котор[ому] я так обязан, — Г. Н. Трубецкому — все за эту статью о Софии»²⁶. 3 мая 1927 г. митр. Евлогий потребовал от прот. С. Булгакова и А. В. Карташева обстоятельных объяснений по содержанию этого послания. «Докладная записка» прот. Булгакова, датированная днем Св. Пятидесятницы, и обширное «Объяснение» Карташева от 19 июня были напечатаны в ноябре 1927 г.²⁷

Тем не менее, о. Сергей сохраняет добрые отношения со многими из зарубежных русских иерархов, он состоит в эпизодической переписке и с митрополитом Антонием, которому посылает регулярно свои книги и получает отзывы критические, но по тону вполне дружественные. Интерес к его творчеству сохраняется, и подписавший вышеприведенное «Окружное послание» митр. Антоний 24 июня 1927 г., спустя три месяца, сообщает: «Многоуважаемый отец Сергей! Вчера получил Вашу брошюру об Иоанне Крестителе и благодарю Вас за присылку ея; но пока не могу ничего сказать о ее содержании, ибо увидев ее, Пр[еосвященный] Гавриил схватил и унес для прочтения. Вот “Неопалимую Купину” я всю прочитал [...]»²⁸. 8 марта 1928 г. архиеп. Анастасий (Грибановский) сообщал о Сергию из Иерусалима: «Пользуюсь случаем, чтобы исполнить запоздалый долг поблагодарить Вас за присылку авторского экземпляра “Купины Неопалимой”. Я давно уже заготовил Вам письмо, в котором я изложил свои

---

²⁵ Позже Н. С. Арсеньев облек свои возражения по поводу воззрений о. С. Булгакова в печатную форму (*Арсеньев Н. Мудрование в богословии?* Warszawa, 1936. 6 с.), по поводу чего почти сразу обратился к нему с пространном сбивчиво-почтительным письмом (XIII).

²⁶ То есть за статью «Ипостась и ипостасность». Запись от 23 марта / 5 апреля 1925 г. в Пражской записной книжке. 1924–1925 гг. (см.: Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма. М., 2011. С. 130).

²⁷ *Карташев А. В. Объяснение. Объяснение о. протоиерея С. Булгакова // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1927. 17/30 нояб. (№ 5). С. 14–30. «Объяснение» о. С. Булгакова было перепечатано: Докладная записка, представленная профессором прот. Сергием Булгаковым митрополиту Евлогию весной 1927 г. // О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 54–64.*

²⁸ Письмо митрополита Антония (Храповицкого) прот. С. Н. Булгакову от 24 июня (ст. ст.) 1927 г. (Рукопись. Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж). Можно предположить, что вместе с книжкой об Иоанне Крестителе прот. Булгаков доставил митрополиту Антонию и копию своего «Объяснения» митрополиту Евлогию.

впечатления от чтения этого, а также и последующего Вашего богословского опыта (“*Друг Жениха*”), но, признаюсь, опасение быть неправильно понятым Вами при *нынешних обстоятельствах* удержало меня от его отсылки»²⁹. Месяц спустя тот же корреспондент, говоря о возникшем в Зарубежной Церкви разделении отмечал: «Не знаю, в какой мере мы сходимся с Вами во взглядах на современное положение Зарубежной Церкви, но я не мог не изложить пред Вами своей точки зрения, выстраданной за время смуты. Я привык доверять Вашей искренности, Вашему углубленному каноническому сознанию и Вашей ревности о благе Церкви и думаю, что Вы неспособны только поверхностно скользить по этому серьезному вопросу или отделяться от него общими давно потерявшими реальный смысл фразами, как это приходится, к сожалению, наблюдать в известной части зарубежных церковных кругов»³⁰.

В том же году в Белграде выходит брошюра гр. Ю. П. Граббе «Корни церковной смуты. Парижское братство св. Софии и розенкрейцеры», в следующем — никем, кажется, не отмеченная статья иеромонаха Иоанна (Максимовича) «Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли»³¹. В 1929 г. белградское «Новое время» печатает «Открытое письмо о. Сергию Булгакову» достаточно известной писательницы Елизаветы Глуховцовой, упрекавшей прот. Булгакова в бессердечном молчании о гонениях на Русскую Церковь во время международной конференции в Швейцарии, где он был единственным представителем этой Церкви³². 29 июня 1929 г. уже успевший прочесть новую книгу о. Сергия «Лествица Иаковля»³³ архиеп. Анастасий сообщает в Париж: «Досточтимый о. протоиерей Сергей Николаевич! Душевно тронут Вашим новым, хотя уже знакомым мне литературным при-

²⁹ Письмо архиеп. Кишиневского Анастасия (Грибановского) прот. С. Н. Булгакову от 24 февраля / 8 марта 1928 г. из Иерусалима (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института, Париж. Рукопись).

³⁰ Письмо архиеп. Кишиневского Анастасия (Грибановского) прот. С. Н. Булгакову от 11/24 апреля 1928 г. из Иерусалима. (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института, Париж. Рукопись).

³¹ Отдельный оттиск из белградской газеты «Голос верноподданного». (Частное собрание).

³² Глуховцова Е. Открытое письмо о. Сергию Булгакову // Новое время. Белград, 1929. № 2511. С. 1–2. (Отдельная вырезка).

³³ Булгаков С. Н., прот. Лествица Иаковля. Об ангелах. Париж, 1929. 229 с.

ношением. Признаюсь, я изумляюсь той исключительной энергии, с какою Вы возделываете данный Вам авторский талант: я едва успеваю следить за выходящими произведениями Вашего пера. Конечно, в Вашем возрасте уже нелегко создавать что-нибудь заново: гораздо чаще Нам приходится подводить итоги прожитого и формулировать то, что надумано, но не записано или не издано было ранее. Однако и такая работа требует большого напряжения телесных и духовных сил»³⁴. В 1930 г. появляется брошюра того же Иоанна (Максимовича) «Учение о Софии, Премудрости Божией»³⁵. Общее число мелких упоминаний об о. Сергии в русских изданиях свободного мира в 1925–1930 гг. исчисляется несколькими десятками³⁶.

Указом Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского) и временного при нем Синода от 26 декабря 1930 г. предшествующий их же указ от 10 июня 1930 г. был обращен к исполнению, Епархиальное управление митрополита Евлогия в Париже упразднено, а выселенному поляками в Литовскую Республику и пребывающему во временной столице страны — Каунасе митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому), чья юрисдикция фактически распространялась на немногие приходы в Литве и остальной Европе, поручено было принять в свое временное ведение подчинившихся этому указу, причем митр. Елевферий уже 14/27 января 1931 г. обратился поименно к духовенству парижского церковного Управления с посланием, в котором исчислял все вины митр. Евлогия и призывал духовенство перейти под управление из Москвы.

3 февраля митр. Елевферий приехал в Париж, 4-го они с митр. Евлогием дважды встречались для не принесшего результата обсуждения

³⁴ Письмо архиеп. Кишиневского Анастасия (Грибановского) прот. С. Н. Булгакову от 16/29 июня 1929 г. из Иерусалима. (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института, Париж. Рукопись).

³⁵ *Иоанн (Максимович), еп.* Учение о Софии, Премудрости Божией. Варшава, 1930. Эту брошюру митр. Антоний направил митр. Евлогию при своем письме от 21 ноября / 4 декабря 1935 г., приложенном к тексту «Определения Архиерейского Собора...».

³⁶ «Даже спорные суждения автора наводят читателя на возвышенные размышления», — утверждал в рецензии на книгу Булгакова «Лествица Иаковля» Петр Константинович Иванов, известный парижский праведник, возложивший на себя заботу об одиноких русских больных, прозябавших в госпиталях Парижа и ближайших окрестностей (*Иванов П.* Лествица Иаковля // Возрождение. 1929. 28 март. (№ 1395). С. 3. Его же рецензии на книги Булгакова «Купина неопалимая» и «Друг Жениха» помещены в № 730 и 772 «Возрождения» за 1927 г.).

сложившегося положения. Впрочем, митр. Елевферий допускал, что у возникшего конфликта «есть не два решения, а больше»³⁷.

5 февраля 1931 г. митр. Евлогий отправился в Константинополь, получил грамоту Вселенского Патриарха о приеме своей епархии под управление Вселенской Церкви, каковую привез в Париж 24 февраля, и уже 25 февраля огласил в Париже текст грамоты, сопроводив ее своим пояснительным посланием³⁸. Документы эти, как указывал официальный печатный орган епархии, «рассеяли нависший над нами мрак и осветили наше церковное положение непрерываемым светом Высшего авторитета Вселенской православной Церкви»³⁹.

20 мая 1931 г. в Париже был получен от митр. Сергия (Страгородского) очередной указ, налагающий запрещение в священнослужении на митр. Евлогия, сослужащих ему епископов и все вверенное ему духовенство, на что 29 мая митр. Евлогий выступил с разъяснением о том, что пребывание в юрисдикции Вселенского Патриарха с 17 февраля 1931 г. «совершенно ограждает» подчиненное ему духовенство от этого запрещения⁴⁰.

9 июля 1931 г. митрополит Елевферий поименно рассылает из Каунаса обширное и весьма сбивчивое обличающе-зазывающее письмо, в котором убеждает духовенство оставить юрисдикцию митрополита Евлогия и присоединиться к Московскому Патриархату⁴¹, причем умудряется договориться в нем до безблагодатности таинств, совершаемых

³⁷ Митрополит Елевферий в Париже // Последние новости. 1931. 5 февр. (№ 3606). С. 2.

³⁸ I. Грамота Его Святейшества Вселенского Патриарха Фотия II от 17 февраля 1931. II. Архипастырское Послание Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия от 25 февраля 1931. III. Циркулярное распоряжение Епархиального управления от 28 февраля 1931. Париж, 1931. 7 с.

³⁹ Доклад приходского совета Александро-Невской Свято-Троицкой церкви приходскому собранию о положении Западно-Европейской Русской Православной Церкви в отчетном 1930 году // Церковный вестник Западно-европейской епархии. Париж, 1931. № 3. С. 30.

⁴⁰ Обращение Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1931. № 6. С. 1–2.

⁴¹ *Елевферий (Богоявленский), митр. Литовский и Виленский*. Его высокоблагословению о. протоиерею Сергию Булгакову. Письмо от 26-VI/9-VII 1931 г. (Листовка. Машинописный текст. Частное собрание). *Тот же текст* (без индивидуального обращения) опубликован в: Письмо митрополита Елевферия к духовенству Западноевропейских русских православных церквей // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1931. № 11. С. 14–15.

духовенством митр. Евлогия, принятым под омофор Вселенского Патриарха. Этому утверждению митр. Евлогий посвящает специальный очень подробный ответ, в котором кратко и определенно высказывает то отношение к московскому большевистско-церковному союзу, которое его паства сохранит на десятилетия и которым в значительной мере будет определяться церковная позиция прот. Сергия Булгакова⁴².

Появление же адресованного лично о. Сергию экземпляра письма митр. Елевферия в виде тиражированной на мимиографе листовки, которая распространялась по Парижу, свидетельствовало лишь о том, сколь большое значение придавали привлечению его на свою сторону враждующие группировки внутри Русской Церкви. Однако домогательства митр. Елевферия успеха не возымели⁴³...

На этом первый период разговоров вокруг соответствия взглядов прот. С. Н. Булгакова учению Православной Церкви в целом завершился...

II

1935 год ознаменовался опубликованием монографии жительствовавшего в Софии архиепископа Серафима (Соболева), попытавшегося из-

---

⁴² «Нам ведомы попытки Вашего Высокопреосвященства “богословски” обосновать необходимость “приличного” отношения к безбожной власти кремлевских насильников. В предположении полного нашего невежества и помрачения Вы писали в одном из своих писем в наше рассеяние, что выступления против большевиков есть “попытка известной части эмиграции если не отвергнуть, то игнорировать Богооткровенную истину”, при чем указывали на известное место послания ап. Павла и предупреждали, как бы не попасть в грех противления слову Божию. Смеем заверить, Ваше Высокопреосвященство, что при всех наших немощах и мы читаем слово Божие и получаемся в нем. И не “известная” только часть эмиграции, а вся верующая эмиграция, кроме перебежчиков, сменовеховцев, “попутчиков” и прочих большевизанов одинаково считает кремлевских нынешних властителей слугами дьявола и предтечами антихриста. Мы помним, что “несть власти, аще не от Бога”, но помним, что Богом же будет попущено приятие власти и последнему ратоборцу зла — антихристу, — и потому мы знаем твердо, что есть власть — Божий служитель и есть власть зверя. И кто же дерзнет сказать, что власть международной шайки всевозможных преступников, засевших в Кремле, — это “Божий служитель, не без ума меч носящий”?». См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Голос пастыря. (Ответ на письма митрополита Елевферия) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1931. № 11. С. 8.

⁴³ Свою церковную позицию митр. Елевферий попытался изложить в вышедшем в Каунасе без обозначения места издания многословном и очень путаном трактате «Церковный парижский откол», датированном 22 июня 1931 г. [22 с.].

учить богословские построения прот. С. Н. Булгакова⁴⁴ и выпустившего еще два посвященные его трудам сочинения в 1936 и 1937 годах⁴⁵. Именно его усилиями Архиерейский Синод вновь обратится к личности декана Парижского Богословского института, которому посвятит в том же году специальное «Определение»...

В начале лета 1935 г. становится известно, что митрополит Евлогий получил подписанное Сербским Патриархом Варнавой (Росичем) приглашение принять участие в Соборе зарубежных русских епископов: «Патриарх Варнава написал мне приглашение на 27 сент[ября] / 10 окт[ября] приехать в Карловцы. Не знаю, каково будет целование сие»⁴⁶, сообщал митрополит в Прагу епископу Сергию (Королеву).

«После шума против о. С. Булгакова в 1927 г. агитация искателей ересей нашла себе новый центр в самом Париже, в Братстве св. Фотия, патриарха Константинопольского, ставшем богословским вождем будущей московско-советской юрисдикции, — вспоминал А. В. Карташев, — Зачинатель братства — внук протоиерея, настоятеля придворного Адмиралтейского собора, о. Ставровского, А. В. Ставровский⁴⁷, пробывший в составе I курса новооткрытого Богословского института в течение полутора лет, затем ставший в 1930 г. епархиальным сотрудником митр. Елевферия как экзарха Москвы в Ковне, тогда еще столице свободной Литвы. [...] Братство св. Фотия нашло себе ученую силу в лице молодого квалифицированного философа и добровольца-богослова, сына проф. Н. О. Лосского, Влад[имира] Ник[олаевича] Лосского.

⁴⁴ *Серафим (Соболев), архиеп.* Новое учение о Софии, Премудрости Божией. София, 1935. 514 с.

⁴⁵ *Серафим (Соболев), архиеп.* Протоиерей С. Н. Булгаков как толкователь Священного Писания. София, 1936. 24 с.; *Он же.* Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. София, 1937. 123 с.

⁴⁶ Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 22 июля 1935. (Частное собрание).

⁴⁷ Дальнейшая жизнь Алексея Ставровского (1905–1972) весьма примечательна. Оставшись в Литве, он не пожелал принять участия в ее начавшейся в 1940 г. советизации, уклонился от поступления в Красную армию или отъезда в эвакуацию, предпочтя этому сотрудничество с немецкой оккупационной администрацией, следствием чего стал переезд в Аргентинскую Республику по окончании мировой войны. Здесь он посвятил себя разрушению приходов Русской Зарубежной Церкви и, приобретя стойкую репутацию церковного афериста, вынужден был уехать в Испанию, где, как и в Аргентине, занимался в том числе и журналистской работой, и богословием.

Симптоматично для духовных судеб эмиграции, что молодое поколение ее, отталкиваясь от революции, инстинктивно влеклось к консерватизму, причудливо сочетая в нем разные дозы пробольшевизма (сменовеховство, евразийство, младоросство). Параллельно этому внутрироссийская Церковь, вынуждаемая официально признавать политический большевизм и загнанная в рамки одного только культа, весь свой пафос вложила тоже в консерватизм. [...] Советская церковь и ее юрисдикции за границей СССР с одной стороны и карловацкая юрисдикция с другой явились единым фронтом. Более подвижный бюрократический аппарат малой количественно московской юрисдикции оказался даже быстрее в действии, чем более сложный соборный аппарат юрисдикции Карловацкой. Осуждающий богословие о. Сергия Булгакова указ Москвы в 1935 г. предупредил такое же осуждение со стороны карловцев»⁴⁸.

Датированный 7 сентября 1935 г. «Указ Московской Патриархии преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию»⁴⁹, подписанный лишь самим митр. Сергием и управляющим делами прот. А. Лебедевым, вызвал появление завершенной в октябре 1935 г. прот. С. Булгаковым обширной «Докладной записки», представленной митрополиту Евлогию. Изложенное в ней сводилось к четырем главным положениям, сформулированным автором после основного текста, причем прот. Булгаков особо подчеркивал: «Доклад м[итрополита] Сергия его синоду на предмет осуждения моего учения о Софии заведомо *не* основан на знакомстве с подлинными моими сочинениями, которое заменяется доставленными ему выписками из них. [...] Доклад имеет характер скорее богословской полемики, в которой, к тому же, собственные богословские мнения м-та Сергия не всегда являются бесспорными с точки зрения Православия»⁵⁰. «От кого-то я получил Вашу отповедь и просмотрел, — сообщал Булгакову из Софии профессор Н. Н. Глубоковский в конце декабря. — Мне кажется бесполезным спорить со слепым о цветах. В

⁴⁸ *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 13–14. (Авторизованная машинопись. Частное собрание).

⁴⁹ О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 5–19.

⁵⁰ Докладная записка, представленная в октябре 1935 г. Его Высокопреосвященству митрополиту Евлогию профессором прот. Сергием Булгаковым // О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова... С. 51.

таких условиях я бы просто привел инвективы супостатов и вопреки сему кратко и точно сформулировал свои основные тезисы, не входя в полемику, ибо такое опровержение не есть принципиальное оправдание, поскольку само свидетельствует о некоторой смущающей спорности. А организацию общегословского протеста я считаю необоснованной и бесполезной»⁵¹.

Наряду с югославянским королем Александром Караджорджевичем патриарх Варнава почитался могущественным покровителем русской эмиграции, и проигнорировать его приглашение митрополит Евлогий ни при каких условиях не мог. 3 октября 1935 г. он извещает еп. Сергия о решении ехать в Сербию⁵² в сопровождении назначенного годом ранее митрополитом всей Америки и Канады Сан-Францисского архиепископа Феофила (Пашковского), вскоре проявившего себя едва ли не самым бескомпромиссным охранителем самостоятельности заграничной Русской Церкви, который до Парижа добраться предполагал лишь к 21–22 октября: «Мне одному туда ехать нет смысла; надобно иметь согласованность и контакт с Америкой; поэтому буду ждать его прибытия, и тогда вместе двинемся в путь»⁵³.

12 ноября 1935 г. митр. Евлогий пишет о. Сергию из Карловцев и впервые упоминает о возможности создания специальной Комиссии для изучения его богословских сочинений: «Дорогой о. протоиерей. Мое пребывание в Сербии по разным причинам очень затянулось. Обстановка церковная для нас здесь очень сложная и тяжелая. С одной стороны искреннее и горячее желание мира со стороны патриарха [Сербского патриарха Варнавы. — А. К.] и всего народа, а с другой — старое, неизжитое “Карловацкое” настроение, которое во что бы то ни стало стремится подчинить меня себе и под видом единения ведет прежнюю борьбу. Большим козырем в этой борьбе является Ваше “софианство”, обличенное и в Ука-

---

⁵¹ Богданова Т. А. Письма профессора Николая Никаноровича Глубоковского протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову // Вестник Русского христианского движения. № 203 (I–2015). С. 53.

⁵² Месяцем ранее митр. Евлогий известил Вселенского Патриарха Фотия о полученном от патриарха Варнавы приглашении. 30 сентября из Константинополя ему было послано письмо патриарха с благословением принять участие в организуемом в Сербии совещании: К миру в Церкви. Грамота Вселенского Патриарха // Возрождение. 1935. 29 окт. (№ 3800). С. 1–2.

⁵³ Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 3 октября 1935. (Частное собрание).

зе м[итрополита] Сергия и в книге арх[иепископа] Серафима (514 страниц!), где с Вами разделяет ту же участь и о. прот. П. Флоренский. Книга дов[ольно] примитивна, но с большим запасом собранного материала. Она действует именно своею простотою; она представляет из себя как бы сводку справок и написана по такому методу «Вот учение Св. Отцов, а вот совсем другое учение о. С. Булгакова». Арх[иерейский] Собор слушает а[рхиепископа] Серафима и готовит ко мне какое-то обращение по этому поводу. Конечно, он судить Вас непосредственно не может, ибо Вы не состоите в подчинении ему. Но, вероятно, обратит мое внимание на Ваше учение. Нужно что-нибудь сделать. Меня смутило полученное сегодня письмо П. Ф. Андерсона, который, оказывается, вел по этому поводу одновременную переписку с К. Дугласом⁵⁴, а сей последний звонит во все колокола, указывает на поднявшуюся будто бы тревогу в кругах Сербской и Румынской Ц[ерквей] и в Англиканской (даже Пресвитерианской) и т. д. Я здесь этого шума не слышу и думаю, что дело кем-то искусственно раздувается... Успокойте Д. И. Лаури⁵⁵, который теперь является местоблюстителем П. Ф. Андерсона⁵⁶, а в его лице и всех наших иностранных друзей, что никакая опасность Правосл[авной] Церкви не угрожает, что это Ваше частное учение и что Вы дадите исчерпывающий ответ по получении и прочтении книги А[рхиепископа] Серафима, которую я привезу в Париж. Может быть, хорошо бы образовать компетентную комиссию для разбора этого дела, но из кого ее составить, где взять компетентных богословов. Об этом поговорим лично по моем возвращении в Париж. [...] Очень я устал, измучился. М[ожет] б[ыть], под влиянием этого не так крепко защищал свои порядки, при организованном противодействии. Но все же можно бы сказать: слава Богу, если бы чувствовалась с противоположной стороны искренность. [...] а о формах *управы* нужно еще говорить много. Я их не приму без согласия своей паствы (еписко-

---

⁵⁴ Каноник John Albert Douglas (1868–1956) — в 1933–1952 гг. настоятель церкви St. Michael Paternoster Royal в Лондоне, член англикано-православного «Содружества св. Албания и св. Сергия». Наиболее деятельный организатор британской помощи Русской Церкви в эмиграции, в том числе сбора средств для содержания Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже.

⁵⁵ Donald A. Lowrie (Дональд Иванович Лаури, 1899–1974) — секретарь YMCA, один из организаторов русского издательства YMCA-Press. Доктор богословия.

⁵⁶ Paul B. Anderson (Павел Францевич Андерсон, 1894–1982) — секретарь YMCA для русской эмиграции, главный организатор русского издательства YMCA-Press.

пов, клириков и мирян) и без благословения *всей* Всел[енской] Церкви. От Патриарха Вселен[ского] не отойду, — в этом моя опора и ограждение; иначе, по выражению одного моего приятеля, меня проглотили бы без остатка. П[атриарх] Варнава трогателен своею исключительною любовью к Р[усской] Церкви и вообще к России. Я искренно сказал ему, что он любит нашу Ц[ерковь] больше, чем мы сами любим ее...»⁵⁷

Желанное всем примирение было достигнуто 6/19 ноября 1935 г., когда в Сремских Карловцах митрополиты Антоний, Евлогий, Феофил, Анастасий (Грибановский) и епископ Димитрий (Вознесенский) подписали «Обращение к пастве. Возлюбленной во Христе русской православной пастве, в рассеянии сущей»⁵⁸. Те же архиереи подписали «Временное Положение о Русской Православной Церкви за границей»⁵⁹ и митрополит Евлогий отбыл из Сербии.

Следует отметить, что еще 22 октября 1935 г. парижское «Возрождение» известило, что «на Архиерейском Соборе в Сремских Карловцах между другими делами идет и суждение о новом учении прот. С. Булгакова о Софии, премудрости Божией»⁶⁰, а 23 октября появилось надежное сообщение рижской газеты «Сегодня» о том, что «сенсацией ближайших заседаний собора явится осуждение известного философа профессора протоиерея Булгакова за еретическое учение о Софии», изложенное Н. П. Рклицким в заметке с кричащим заголовком «Проф. протоиерей Булгаков будет осужден как еретик за свое учение о Софии»⁶¹. 16 ноября 1935 г. виднейший работник РСХД в Прибалтике И. А. Лаговский писал о Сергию из Тарту и о впечатлении от этой статьи и сложившейся ситуации в целом: «Трудно сказать с какой скорбью прочел сообщение в одной из местных (Рижская газета “Сегодня” — вырезку прилагаю) сообщение о том, что “известный профессор — протоиерей С. Булгаков

⁵⁷ Письмо митр. Евлогия (Георгиевского) прот. С. Н. Булгакову от 12 ноября 1935 г. из Сремских Карловцев в Париж. (Архив Свято-Сергиевского православного богословского института, Париж. Рукопись).

⁵⁸ Церковный вестник Западно-Европейской епархии. №11 и 12, ноябрь-декабрь 1935. С. 5–8.

⁵⁹ Там же. С. 8–11.

⁶⁰ Осуждение проф. прот. С. Булгакова // Возрождение. 1935. 22 окт. (№ 3793). С. 3.

⁶¹ Р[клицкий] Н. Проф. протоиерей Булгаков будет осужден как еретик за свое учение о Софии. О принятии в Православную Церковь сирийцев из Индии. (От белградского корреспондента «Сегодня» // Сегодня. Рига, 1935. 23 окт. (№ 293).

будет осужден”. А потом — получил от В. В. Зеньковского сообщение о том, что м. Сергей — по доносу — “анализу” Ставровского — “произнес осуждение”. Впрочем, об этом было и в газете. Трудно передать скорбь от всего этого. Какая-то слепая, “лоснящаяся от благочестия” и гордая “непогрешимостью середняка” или самоуверенностью невежд: рычит безликость, “шамает” то, что выше нея и непонятно ей, “решит и вяжет”. Помогите Вам Господи. А на массу церковную слова “собор иерархов”, ересь и т. п. “страховитости” действуют, как масло на волны — стихают в безмолвном преклонении “пред мудростью” посвященных и ненавидят “еретика”, дерзнувшего привести было “волны” в движение. Тяжко. Так минутами тяжело, что вспоминаешь последний вздох Соловьева — “Тяжела ты, работа господня”. [...] Но между прочим — меня поразило, как многие и здесь отнеслись к слуху о Вашем “осуждении” — большинство, конечно, испытало некоторое “благочестивое радование” старушки, сжигавшей Гусса, но меньшинство — было взволновано и приняло это, как боль и скорбь своего сердца. [...] Но особенно меня просто переворачивает то, что за анализы берутся такие деятели православия, как “Ставровский”, никогда, собственно, и прикосновения к богословствованию не имевший и иметь не могущий — без знания, без школы, без подвига жизни. Действительно — “базар”, посягающий на “место святое”. Я лично очень хочу написать митрополиту Сергию, как нелепо и неосмотрительно он доверился проходимцу от богословия. [...] Я все-таки верю, что со стороны митрополита было наивное и добросовестное заблуждение, незнание того, что за фигура Ставровский и какова ценность его “анализов”. Хотя вообще “случай типичен” для нашей эпохи, для общей безответственности и легковерия вместе с склонностью к самым категорическим и решительным суждениям. Поэтому [...] надо, чтобы были сделаны усилия для того, чтобы дать материал тем, у кого есть интерес, кто не хочет быть только “послушным стадом”, кто хочет и сам знать и разбираться»⁶².

В декабре 1935 г. митр. Евлогию доставили из Сремских Карловцев при письме митр. Антония (Храповицкого) от 21 ноября / 4 декабря 1935 г. «Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 17/30 октября 1935 года о новом учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией», составленное

⁶² Клементьев А. К. Письма Ивана Аркадьевича Лаговского протоиерею Сергию Булгакову (1927–1939) // Вестник Русского христианского движения. № 203 (I – 2015). С. 70–72.

сразу после его отъезда из Карловцев по материалам доклада выделенной из состава Собора «Комиссии для рассмотрения нового учения протоиерея Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией», которым решено было не только «1) Признать учение профессора Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией, е р е т и ч е с к и м»⁶³, но и создавалась некая небывалая постоянная группа для персональной борьбы с его богословским творчеством: «5) Дальнейшее опровержение лжеучений прот. Булгакова поручить Преосвященному Берлинскому Тихону, преосвященному Шанхайскому Иоанну, преосвященному Хайларскому Димитрию и члену всероссийского Собора гр. Павлу Михайловичу Граббе»⁶⁴.

И если перечисленные преосвященные Берлинский⁶⁵ и Хайларский⁶⁶, выпускники Императорских духовных академий, авторы солидных диссертаций, монографий и учебников (первый — бывший экстраординарный профессор Киевский духовной академии, вошедший в состав Ученого комитета при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей⁶⁷, второй — фактически руководивший работой

⁶³ «Постановление...» С. 24 (авторизованная машинопись; правка руки управляющего Синодальной канцелярией гр. П. М. Граббе. Частное собрание).

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Берлинский архиепископ Тихон (Лященко). См.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // *Православный путь*. Джорданвилль, 2006. С. 101–198; *Клементьев А. К.* Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского (в его переписке с проф. Н. Н. Глубоковским) // *Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII–XXI вв.* СПб.: Изд-во РНБ, 2007. С. 106–118.

⁶⁶ Хайларский епископ Димитрий (Вознесенский) (см.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Путь Хайларского святителя (Очерк жизни и трудов Николая Феодоровича Вознесенского, протоиерея гг. Харькова, Благовещенска и Харбина, в монашестве Димитрия, архиепископа Хайларского, викария Харбинской епархии) // *Православный путь*. Джорданвилль, 2005. С. 7–90); *Они же.* Путь Хайларского святителя // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. Вып. 37–38. СПб., 2009. С. 70–149. Здесь же и публикация документов — с. 152–154).

⁶⁷ *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010. С. 785. С момента своего создания Ученый комитет при Архиерейском Синоде (в первоначальный состав его при возглавлении митр. Антонием (Храповицким) входили профессор Н. Н. Глубоковский, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий, М. В. Зызыкин, Н. С. Арсеньев и еп. Тихон (Лященко)) усвоил себе право присуждения ученых степеней по богословию (см.: Ученый комитет при Архиерейском Синоде. Объяснительная

богословского факультета Университета святого Владимира в Харбине) действительно зарекомендовали себя серьезными учеными, то какое касательство к богословской науке имели преосвященный Шанхайский Иоанн (Максимович) и граф П. М. Граббе остается неясным.

Парижские соработники о. Сергия реагировали на октябрьское «Определение» весьма деятельно, и уже 2 декабря 1935 г. «Лига православной культуры» оповестила, что «в помещении русского женского общежития (77, рю Лурмель) организуются лекции, посвященные софиологии. 1 лекция: 9 декабря, в 20 час. 30 мин. на тему «Проблема софиологии» — проф. В. В. Зеньковский. 2 лекция: 23 декабря, в 20 час. на тему: «Учение о. Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией» — проф. Л. А. Зандер. 3 лекция: «Боговоплощение» (кенозис) — проф. Г. П. Федотов. 4 лекция: «Искушение» — проф. К. В. Мочульский. 5 лекция: «Гнозис, философия и богословие» — проф. Б. П. Вышеславцев. О Времени последних трех лекций будет объявлено особо. Входная плата в пользу больных и бедных — 1 фр. 50 с. за каждую лекцию; за серию — 5 фр.»⁶⁸

Уже в январе 1936 г. прот. С. Булгаков ответил на постановление из Карловцев новой, адресованной митр. Евлогию обширной Докладной запиской, которую озаглавил «Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией»⁶⁹.

«Определение» это, в силу формально состоявшегося воссоединения Заграничной Русской Церкви, не могло быть оставлено без ответа. Последовавший же 27 декабря 1935 г. совсем уж бессмысленный второй Указ⁷⁰ из Москвы едва ли можно объяснить каким-то особым интересом самоназначившегося Местоблюстителя к богослов-записка // Церковная жизнь. Белград. № 1–2, 1939. С. 12. Здесь же опубликовано «Положение об Ученом комитете»). Этот комитет и присвоил магистерскую степень еп. Серафиму (Соболеву) именно за его первое сочинение против богословия прот. С. Булгакова. Однако это стало возможным лишь после кончины двух наиболее почтенных его членов — митр. Антония (Храповицкого) и профессора богословского факультета Софийского университета Н. Н. Глубоковского, после чего работой комитета руководил еп. Берлинский Тихон.

⁶⁸ Лига православной культуры // Последние новости. 1935. 2 декабря (№ 5366). С. 3.

⁶⁹ Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией (по поводу определения Архиерейского Собора в Карловцах): докладная записка митрополиту Евлогию проф. прот. Сергия Булгакова. [Январь 1936 г.] // Путь. 1936. № 50. Приложение. 24 с.

⁷⁰ Указ Московской Патриархии преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию. 27 декабря 1935 г. № 2267. Paris, [1935]. 12 с. [Издание прихода Московского Патриархата на ул. Petel в Париже].

ским построениям парижского протоиерея. Приходится сомневаться даже в том, что опубликованные за предшествовавшее десятилетие книги о. Сергия были физически доступны их московским оценщикам. Во всяком случае, В. Н. Лосский сам определенно свидетельствовал о том, что митр. Сергий книги Булгакова, на основании содержания которой выносилось осуждающее автора решение, не читал. Правда, это признание сделано было лишь в датированной 27 октября 1935 г. маленькой листовке-разъяснении от имени Братства св. Фотия, а в его же брошюру 1936-го года «Спор о Софии» удивительным образом не попало: «Блажен[енный] М[итрополит] Сергий, желая ознакомиться с содержанием “Агнца Божия”, сообщил об этом Преосв. Елевферию, Митр. Литовскому и Виленскому. М[итрополит] Елевферий поручил своему секретарю (то есть Ставровскому. — А. К.) сделать ряд наиболее существенных извлечений из текста книги. Одновременно подробный доклад об учении прот. С. Булгакова был поручен им и нашему братству. Доклад из Литвы, состоявший почти исключительно из цитат “Агнца Божия”, был послан в Москву почти немедленно. Подробный разбор учения о. С. Булгакова Братством св. Фотия еще не закончен. Мы должны были ограничиться пока обширным письмом к Блажен[ному] М[итрополиту] Сергию, в котором, установив общий характер доктрины и заключающийся в ней вред, указали на необходимость решительной борьбы с ней. М[итрополит] Сергий нашел доставленный ему до сих пор материал достаточным для заключений. 24 августа 1935 г. он сообщил совещанию Московской патриархии свое суждение об учении прот. С. Булгакова, на основании коего и был составлен указ (от 7 сентября 1935 г. № 1651)»⁷¹.

Хотя В. Лосский и заявлял о том, что «разбор учения о. С. Булгакова Братством св. Фотия еще не закончен», уже в следующем абзаце той же листовки утверждал: «Доколе заблуждения о. С. Булгакова не осуждены, они губительно действуют на умы и сердца верующих и на самого о. Сергия, а также являют в ложном свете учение Церкви на инославном Западе»⁷².

Усердие А. Ставровского и В. Лосского сообщило обоим репутацию доносчиков, от которой им предстояло отмываться в течение десяти-

⁷¹ Лосский В. Разъяснение Братства св. Фотия по поводу суждения Московской Патриархии о богословии протоиерея С. Н. Булгакова. (Отдельная листовка, датированная 14 / 27 октября 1935 г. [Париж]. [С. 1–4]).

⁷² Там же.

тилетий. Именно поэтому уже в брошюре «Спор о Софии»⁷³ В. Лосский сделал особую оговорку: «Слова “донесение”, “донос”, обозначают сообщение по начальству о делах тайных, скрываемых почему-либо теми, на кого доносят. Книги о. С. Булгакова не являются “подпольной литературой”, — но печатались и продавались открыто. Называть “донесением” сообщение их содержания, сделанное по запросу м[итрополита] Сергия, по меньшей мере, неуместно»⁷⁴. При этом В. Лосский, лучше чем большинство его соотечественников информированный о положении Церкви на подсоветских территориях, не хотел признать, что для запертого в условиях советского тюремного государства митр. Сергия и его ближайшего окружения изданная в эмиграции вышеназванная книга прот. Булгакова, как и любая русская несоветская книга, являлась именно «подпольной», то есть противозаконно изданной, а следовательно, литературой, не допускаемой советскими властями для свободного распространения и ознакомления. В этой ситуации предоставление митр. Сергию (которому митр. Елевферий скорее всего не смог или почему-либо не пожелал доставить экземпляры книги о. Булгакова «Агнец Божий» и иных его сочинений) не *полного текста книги* прот. Булгакова, а лишь подобранных согласно собственным представлениям исполнителей архиерейского задания ее фрагментов однозначно смотрелось целенаправленным доносом о ереси, соответствие которого действительно содержанию богословских построений прот. С. Булгакова митр. Сергий, возможно, действительно не имел способа проверить...⁷⁵

Полагаем, что основным мотивом к появлению подписанного теми же митр. Сергием (Страгородским) и прот. А. Лебедевым второго, повторно разжевывающего отдельные мысли прот. Булгакова Указа, стало появление «Определения Архиерейского Собора», вслед которому Московской Патриархии надо было хоть как-то высказаться, несмотря на то, что официально Заграничный Синод и почитался ею самочинным и незаконным, то есть не обладающим вообще никакими юридическими правами суждения о чем-либо, имеющем касательство к церковной деятельности, сборищем.

---

⁷³ Лосский В., Б. Ф. Спор о Софии. «Докладная записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии. Париж, 1936. 88 с.

⁷⁴ Там же. С. 6.

⁷⁵ Во всяком случае, именно об этом писали очень многие знавшие митр. Сергия лично.

Представляется, что едва дышавшая к этому времени Московская Патриархия не столько выступала за чистоту православного богословствования, сколько, за счет широкой известности о. Сергия Булгакова и в эмиграции, и в России, дважды нашла хотя бы какой-то повод напомнить о своем существовании окружающему миру и заявить вновь о своих, теперь уже призрачных, правах на происходящее в церковном хозяйстве митрополита Евлогия. Сперва Указом от 7 сентября 1935 г. — в преддверии предполагаемой и чаемой большей частью эмиграции в Европе поездки митр. Евлогия на объединительное церковное собрание в Сремские Карловцы, а затем — новым Указом от 27 декабря 1935 г., после состоявшегося уже объединения Зарубежного Синода в Сремских Карловцах и епархии митр. Евлогия (тем самым повторно отстранившегося от каких-либо отношений с подсоветской церковной структурой теперь уже в рамках вновь единой Заграничной Русской Церкви)... Иное основание для появления этих странных распоряжений не представить, поскольку сама форма обращенных в никуда «Указов», приданная этим документам, лишала их какого-либо *действительного* смысла⁷⁶, что очевидно из подытоживших второй «Указ» слов: «...остаться при определении от 24 августа 1935 года, о чем дать указы Преосвященным Архиереям»⁷⁷. На принадлежавшем А. В. Карташеву экземпляре изданной приходом Московской юрисдикции на ул. Petel брошюры с текстом этого Указа рукою Карташова слева от этих слов приписано: «Какие и где его архиереи?»⁷⁸ И действительно, к концу 1938 года все почти архиереи и управляющий делами московского Синода митр. Сергия умрут сами или будут расстреляны. Уцелеют лишь трое, включая самого митр. Сергия.

Перемирие митр. Евлогия и Зарубежного Синода оказалось недолговечным, что стало очевидным уже весной следующего года: «... начинаю готовиться к Епархиальному Собранию, — сообщал митрополит Евлогий в Прагу 2 мая 1936 г. — Чем больше приближается срок его, тем становится тошнее. Придется выворачивать все нутро, объяснять неудачу нашего примирения и объединения. И многое я тут напутал. Очень это сознаю и

---

⁷⁶ Вероятно, только очевидной бессмысленностью московской оценки возможно объяснить появление пытающейся ее обосновать брошюры Владимира Лосского «Спор о Софии».

⁷⁷ Там же. С. 12.

⁷⁸ Частное собрание.

очень этим угнетен. Во всяком случае буду искренен до конца. Карловцы поставили мне капканы и, ходя посреде сетей многих, я быв звероуловлен. Нужно выпрямить линию и внести полную ясность в дело хотя бы путем самобичевания. А тут еще осложнение с делом о. прот. С. Булгакова. Много у него, конечно, суемудрия, но все же он не еретик, как определил его Карловацкий Собор. В этом смысле буду его защищать, не взирая на все громы и молнии. Не могу отдать его на растерзание. И вот почему так трудно до конца объединиться с Карловцами, — другого они духа. Как я разочаровался в м[итрополите] Анастасии!»⁷⁹

«Почти одновременно с этим пришло, — писал А. В. Карташев, — к митр. Евлогию прямое обращение со стороны Архиерейского Собора из Югославии, с просьбой “побудить прот. Сергия Булгакова к публичному отречению от своего еретического учения”. Так как даже патриарх Сербский Варнава передал доклад соборной комиссии на заключение профессоров Богословского факультета Белградского университета, то и в Париже для этой цели митр. Евлогий учредил такую же ученую комиссию»⁸⁰ под председательством настоятеля кафедрального Александро-Невского собора в Париже (1898–1936), кандидата (1878) и бывшего преподавателя древних языков (1880–1883) СПбДА протопресвитера Иакова Смирнова и назначил в нее преподавателей Парижского Свято-Сергиевского богословского института: магистра истории религии (1917) и доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета (1925–1939) игумена Кассиана (С. С. Безобразова), доктора философии (1923) и профессора по кафедре патрологии (1926–1939) священника Георгия Васильевича Флоровского, профессора по кафедрам Священного Писания Ветхого Завета (1925–1947), всеобщей истории Церкви и истории Русской Церкви (1925–1960) А. В. Карташева, доктора философии и про-

---

⁷⁹ Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 2 мая 1936 г. (Частное собрание). Отметим, что сам о. Сергей прежде не был склонен относить митрополита Евлогия к числу сторонников своих богословских теорий: «На софийные темы долго не приходилось разговаривать, — писал он 29 декабря 1929 г. В. А. и Л. А. Зандерам, — но Владыка иногда заходит на мой имяславческий семинар. (Владыка ведь имяславец, хотя это и соединяется у него со софиеборством)». (Из переписки о. Сергия Булгакова с Л. А. и В. А. Зандер // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1971. № 101–102 (III–IV). С. 74).

⁸⁰ *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 16–17. (Авторизованная машинопись. Частное собрание).

фессора по кафедре философии, истории русской философии, психологии и апологетики (1926–1962) В. В. Зеньковского, доцента (1931–1939) по кафедре Священной истории Ветхого Завета и древнееврейского языка Б. И. Сове и от духовенства: кандидата (1896) МДА и духовника РСХД (1928–1941) прот. Сергия Ивановича Четверикова (он же и заместитель председателя) и кандидата (1904) СПбДА, настоятеля церкви в Булонь-Бийанкуре прот. Иакова Николаевича Ктитарева. «Комиссия после ряда заседаний, в которых отдельные члены предлагали свои то писанные, то устные доклады по взятым ими на себя вопросам, признав сложность дела, поспешила весной 1936 г. представить митр. Евлогию предварительный итог своих работ, не считая своих работ законченными. Комиссия в своем докладе добросовестно резюмирует разнообразные мнения ее членов, не скрывая их различий по существу, но расходится в последнем практическом выводе с Карловацким собором: в преждевременном и бесполезном квалифицировании писаний о. Сергия Булгакова еретическими, а его самого еретиком, хотя отдельные члены и высказывали свою горечь и боль от соблазнительности богословия о. Сергия Булгакова. [...] В пределах данной комиссии не оказалось ни единого члена, который бы тотально подписывался под богословствованием о. Сергия Булгакова. По частям все критиковали и отклоняли его столь широким фронтом, что реакция на него приближалась внешне к реакции югославского собора. Но было глубокое духовное различие в том, что здесь не было духа вражды ни к самому делу богословского творчества, ни к личности творца. Не было привходящего “отынуды” ожесточения. “Отынуды”, ибо питающей его почвой была большая психология искания виновников революционного несчастья. Всякое новаторство воспринималось как предтеча ненавистной революции. В этой психологии и покорившийся большевикам (конечно, с внутренним отвращением) митр. Московский Сергей, и бурно на свободе фрондирующие против них карловацкие иерархи парадоксально объединились. Трудную роль бесстрастного арбитра понес на себе богословский центр, созданный митр. Евлогием. Критикуя построения о. С. Булгакова по всей линии без всякого увлечения ими, сами работники и ревнители богословия со всей решительностью восстали на защиту чистого принципа свободы богословских исследований, несмотря на одинаковую со всеми психологию вражды к богохульной революции и пошлomu рационалистическому ли-

берализму. Дело шло о том: быть или не быть подлинной, духовно-свободной от политики, православной науке [...]»⁸¹.

«Весной 1936 г. заседания Комиссии были редки по болезни Председателя о. Иакова Смирнова. Летом он скончался»⁸², — вспоминал Карташев⁸³. Результаты первого этапа работы комиссии были сведены в «Отзыв комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова»⁸⁴ и рассмотрены Совещанием епископов 14 июля 1936 г. под председательством митрополита Евлогия, в составе: архиепископа Александра [Немоловского, Брюссельского и Бельгийского], епископа Сергия [Королева, Пражского] и епископа Иоанна [Леончукова, Херсонесского]: «Слушали: Доклад Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия по делу протоиерея С. Булгакова следующего содержания:

“Дело о неправильных богословских мнениях протоиерея С. Булгакова возникло вследствие донесения членов Фотиевского братства Ставровского и Лосского Заместителю Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола Митрополиту Сергию, который осудил означенные мнения, признав их противоречащими учению Православной Церкви. Еще в более резкой форме осуждены эти мнения в 1935 году Карловацким Архиерейским Собором, который признал их на основании книги архиепископа Серафима, необинуясь, еретическими и предложил мне потребовать от протоиерея С. Булгакова отречения от этих мнений. Признавая такое осуждение протоиерея С. Булгакова и со стороны митрополита Сергия, и со стороны Архиерейского Собора в Карловцах, без предварительного истребования от обвиняемого объяснений, преждевременным и поспешным, ибо на всяком суде обвиняемый имеет право сказать слово в свое оправдание, я потребовал от протоиерея С. Булгакова объяснения по поводу обвинений. Он представил мне две записки в оправдание своих учений. Не довольствуясь этим, я учредил особую комиссию из компетентных лиц — частью из профессоров

⁸¹ *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 17–20.

⁸² «Умирает наш добрейший и почтеннейший Протопресвитер о. Иаков. Дни его уже сочтены», — сообщал митр. Евлогий в Прагу (Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 11 июня 1936. (Частное собрание)). Протопресвитер Иаков Георгиевич Смирнов скончался 13 июля 1936 г. в Париже.

⁸³ *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 28.

⁸⁴ Проект и окончательный вариант этого «Отзыва» публикуются ниже (II и III).

Богословского института, частью из представителей нашего городского духовенства с академическим образованием — для рассмотрения этого дела. В этом случае я следовал примеру глав других Православных Церквей и, прежде всего, Сербского Патриарха Варнавы, который также учредил особую богословскую комиссию для этого дела”.

К сожалению, комиссия не успела, за недостатком времени, представить мне свой доклад в законченном виде и нуждается в продолжении своих занятий для всестороннего обследования богословских мнений протоиерея С. Булгакова. Можно сказать, что в суждениях комиссии обозначились два течения: одни ее члены (большинство), хотя и не разделяют взглядов протоиерея С. Булгакова, но не видят в них того, чтобы они колебали основы православного церковного учения; другие (меньшинство) утверждают, напротив, что богословские мнения протоиерея С. Булгакова, расходясь с учением Православной Церкви, возбуждают в верующих тревогу и соблазн. Однако ни та, ни другая сторона не решаются назвать протоиерея С. Булгакова еретиком, подлежащим церковной каре. Вследствие этого я воздерживаюсь от окончательного суждения о богословском учении протоиерея С. Булгакова и предложил комиссии продолжать работу ее для более полного и всестороннего обследования этого учения, что должно подготовить основание для осуждения о нем церковной власти.

Обсудив доложенное, совещание епископов заявляет прежде всего что, во-первых:

- а) оно не разделяет взгляды протоиерея С. Булгакова и
- б) оно смотрит на него в свете евангельского изречения: по плодам их узнаете их (Мф 7, 16).

О. протоиерей С. Булгаков известен как благочестивый священник, молитвенный и учительный, горячо любящий Святую Церковь священнослужитель, усердный проповедник и духовник. Очень трудно представить, чтобы этот ревностный пастырь мог быть еретиком. В его сочинениях есть отступления от истины, но у него нет упорного противления истине; он не враг, не противник Церкви, которой он отдал все свои силы, он ее смиренный и преданный, хотя, может быть, в некоторых вопросах заблуждающийся, священнослужитель,

во-вторых, — Комиссия не представила своего заключения об учении протоиерея С. Булгакова.

Постановили:

На основании вышеизложенного Совецание епископов определяет:

- а) отложить свое решение по вопросу о богословском учении протоиерея С. Булгакова до представления комиссией полного, исчерпывающего доклада об этом учении и
- б) предложить комиссии ускорить представление означенного доклада»⁸⁵.

После вынесения этого решения работа комиссии продолжилась, «и распоряжением митр. Евлогия 20 июля председателем был назначен прот. о. Сергей Четвериков, — писал Карташев, — последний за это время усердно проштудировал все труды о. Сергия Булгакова и, как натура интеллектуально несродная о. С. Булгакову, видимо, почувствовал потребность добросовестно признаться, что вся система о. С. Булгакова и по проблемам, и по методам их решения, и по результатам чужда ему и неприемлема. Такое впечатление производит его объемистый трактат, полный недоумений и тревоги (на 48 стр[аницах]), датированный 20.IX. 1936 г. и врученный Комиссии под заглавием: “План работы Комиссии по делу о сочинении проф. прот. о. Сергия Булгакова в наступающем году”⁸⁶. Видимо, логика Карловацкого определения с ее механическими цитатами из св. отцов сильно импонировала о. С. Четверикову⁸⁷. Он снова поднимает все вопросы, часть которых была уже, казалось, спростана с плеч Комиссии. О. С. Четвериков не считает нас судьями, а только экспертами, призванными дать обоснованное и, по возможности, исчерпывающее заключение о тех обвинениях, какие возводятся на о. С. Булгакова Карловацким собором иерархов. И даже больше того, эти обвинения должны явиться для нас только поводом к тому, чтобы

---

⁸⁵ Журнал Совецания епископов православных русских церквей в Западной Европе, состоявшегося 14 июля 1936 года в Париже // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1936. № 8–9. С. 17–18.

⁸⁶ К тексту этого трактата или не предназначенного к опубликованию и лишь намечающего возможный порядок работы комиссии доклада, как именовал его сам прот. С. Четвериков, он приложил публикуемое ниже письмо (VII), дополняющее также публикуемый нами Список вопросов, подлежащих рассмотрению Комиссией (VIII).

⁸⁷ Отметим, что именно в такой манере писал свои остающиеся неопубликованными богословские работы Полтавский архиепископ Феофан (Быстров), сотрудником которого несколько времени состоял о. С. Четвериков. В той же манере составлено и его собственное и также неизданное до сего дня последнее большое сочинение.

разобраться в богословских воззрениях о. С. Булгакова, составить о них ясное суждение. Но для того, чтобы выполнить эту задачу с исчерпывающей полнотой и объективностью, недостаточно знать только одни обвинения... Для всех членов Комиссии является обязательным детальное знакомство со всеми сочинениями о. С. Булгакова, заключающими в себе пререкаемые мнения.

Устно о. С. Четвериков в первом заседании под его председательством для выражения этой своей мысли употребил даже более сильное выражение: “Это дело по своей важности достойно того, чтобы мы посвятили ему свою жизнь!”. Конечно, *Salus reipublicae est suprema lex*, но никто в Комиссии не одержим был такой паникой защиты от ересей и страхом за судьбы русского православия. Тем более не склонен посвящать свою жизнь, поддаваясь на провокацию лагеря политических страстей, прикрывающего себя ревностью о догматической истине. Но сам о. С. Четвериков был трогательным примером того, как добросовестный и религиозно искренний человек мог быть духовно встревожен этой искусственно и не без задних целей поднятой тревогой за церковную истину»⁸⁸.

Отметим, что уже к началу 1936 г. прот. С. Булгаков завершил свое самое значительное сочинение — рукопись «Премудрость Божия», которое уже в следующем году станет доступным читателям во всем мире в английском переводе⁸⁹. Оригинальный же текст русский так и останется в рукописи, которую, скорее всего в силу нежелания усугублять тягостное взаимное недопонимание, о. Сергей так и не отдаст в набор...

Протоиереем С. Четвериковым были подготовлены доклад и приложенное к нему письмо для членов комиссии, в тексте которых были сформулированы 18 вопросов о содержании учении о. С. Булгакова, письменные ответы на которые членам комиссии предлагалось представить к 1-го января 1937. Сам же прот. Четвериков еще осенью 1935 г. отказывался от окончательного суждения о доктрине прот. С. Булгакова в ее целом по ее неясности. При этом он указывал, что если бы автор позволил отождествить Софию, Премудрость Божию, просто с Промыслом Божиим, проникающим все творение, то и он охотно бы принял всю доктрину, как согласованную с учением Церкви. «Но Софию, как

⁸⁸ Карташев А. В. Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 28–30.

⁸⁹ *Bulgakov S. The Wisdom of God. A Brief Summary of Sophiology / Pref. by the Rev. Frank Gavin. New York; London, 1937. 223 p.*

некое живое Существо, — заявлял прот. Четвериков, — посредствующее начало в творении мира, соединенное с Богом некоею неипостасною любовью, — таковую Софию я отвергаю и учение о ней признаю чуждым Православной Церкви, идущим из каких-то чуждых Церкви источников, и потому вижу в нем не сомненную ересь.

Точно так же и учение о. С. Булгакова о соединении естеств в Богочеловеке, поддерживающее и оправдывающее учение Аполлинария, осужденное Вселенскими Соборами, я почитаю ересью уже по тому одному, что таковой оно признано Вселенскою Церковью»... «Наконец, я вижу неправоту и, скажу прямо, еретический уклон о. С. Булгакова и в том, что у него нет достаточно бережливого отношения к сохранению церковного единомыслия, что выше и дороже церковного единомыслия он ставит свободу своего индивидуального богословского творчества... Этим объясняется его низкая и отрицательная оценка всех тех богословских мнений, которые расходятся с его собственным мнением»... «Несмотря, однако, на все только что сказанное, я не могу и не хочу считать о. С. Булгакова еретиком, так как я не вижу в нем основной черты еретического духа — враждебного отношения к Церкви и упорного, гордого противопоставления обще-церковному сознанию своего индивидуального мнения как единой якобы подлинной и бесспорной истины. Я вижу, наоборот, в о. Сергии Булгакове наличие духа смирения и готовности рассматривать свои богословские взгляды, как свое частное мнение, могущее быть и ошибочным, и требующим исправления.

Но если я не считаю о. Сергия еретиком, все же присущий ему дух обособленности и индивидуализма в его догматическом богословствовании я считаю тревожным явлением, над которым ему самому и всем другим следует серьезно задуматься, чтобы этот чрезмерный индивидуализм не привел к печальным последствиям», — писал о. С. Четвериков 1 сентября 1935 года⁹⁰.

Следует сказать, что едва вступив в должность помощника председателя учрежденной митр. Евлогием комиссии о. С. Четвериков обратился с письмом к самому о. Сергию Булгакову, перечислив все неприемлемые для него положения, встреченные в сочинениях последнего⁹¹.

---

⁹⁰ Доклад о. С. Четверикова от 1 сентября 1935 г. цитируется по: *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 33–34.

⁹¹ Письмо от 5 ноября 1935 г., публикуемое ниже (I).

По-видимому все или почти все материалы, авторами которых являлись участники комиссии, не только рассылались ими друг другу, но сам прот. С. Четвериков доставлял копии документов для сведения и о. Сергию Булгакову, начиная уже с цитированного выше своего первого, датированного 20 сентября 1936 г., доклада, посланного Булгакову, скорее всего, уже при письме от 13 сентября «для того, что не хочу, чтобы между мною и Вами существовала по этому поводу какая-нибудь неясность»⁹².

В том же 1936 г. берлинский житель о. Иоанн (Шаховской) публикует в своем издательстве «За Церковь» анонимный полуграфоманский трактат «Разговор семи православных о Софии», в котором, по мнению близкого сотрудника митрополита Антония и старательного белградского рецензента П. С. Лопухина, «очень ярко показывает [...] неправославность софианства в самом основном принципе христианства — смирении»⁹³. Давний же корреспондент о. Сергия — архиепископ Анастасий (Грибановский) призывает не оправдывать «еретические домыслы о. Булгакова во имя мнимой свободы богословского творчества»⁹⁴.

По-видимому, первым поступил в марте 1937 г. подробный (20 машинописных страниц) ответ на предложенный вопросы В. В. Зеньковского, заключавшего, что: «6. Ни одно из положений православной догматики не устраняется и не колеблется софиологической доктриной о. Сергия Булгакова. 7. Софиологическая доктрина о. С. Булгакова может почитаться церковно-допустимым теологуменом»⁹⁵. Представленный в мае 1937 г. доклад игумена Кассиана (Безобразова) представлял собою разбор и критику формулировок Булгакова, касающихся факта и догматического смысла Вознесения Господня. Он не признавал опыт о. Булгакова ясным и удовлетворительным и специфически софиологический подход к проблеме Вознесения о. Кассиан признавал по-своему удачным и остроумным, хотя и не единственно возможным, предпочитая догматико-символическое истолкование Вознесения, не нуждающе-

⁹² Письмо от 13 сентября 1936 г., публикуемое ниже (I).

⁹³ Лопухин П. С. О софианстве // Святая Земля. Иерусалим, 1936. № 6. С. 136. Он же отмечает, впрочем, что известный своей искренностью и чуткостью к правде Челябинский архиепископ Гавриил (Чепур) признавал прот. С. Булгакова «знающим истинное воодушевление от горних помышлений» (Там же. № 10, октябрь 1936. С. 220).

⁹⁴ Анастасий (Грибановский), митр. Православной русской пастве в рассеянии сущей // Святая Земля. Иерусалим. 1936. № 11. С. 246.

⁹⁵ Карташев А. В. Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 36.

еся в софиологии⁹⁶. А. В. Карташев, озаглавивший свой доклад «О мнимом аполлинаризме», высказал особое суждение по пункту обвинения о. Булгакова в единомыслии с Аполлинарием, указав, что «он в этом пункте не новатор, а восточный ультра-консерватор»⁹⁷.

Ни в одном из известных нам частных архивов не отложились *все* подготовительные или итоговые документы. Наибольшее число их сохранилось среди бумаг прот. С. И. Четверикова, исполнявшего должность председателя комиссии в продолжение почти всего срока ее работы, вплоть до заключительного ее заседания, коим ее деятельность и завершилась.

А. Е. Климов утверждает, что нежелание Флоровского активно сотрудничать с комиссией и принять участие в составлении итогового документа о ее работе привело к самоустранению прот. С. Четверикова от руководства ею и передаче такового архим. Кассиану (Безобразову): «Четвериков заявил, что откажется от председательства, если Флоровский не перестанет уклоняться от участия, и, поскольку тот оставался неумолим, Четвериков исполнил свои намерения. В письме к Флоровскому от 30 марта 1937 г. он пишет о чувстве облегчения от того, что ему не надо больше “рыться в ухищрениях софианства”. Уход Четверикова снял препятствие к единогласию, и Комиссия под председательством архим. Кассиана (Безобразова) довольно скоро закончила свою работу»⁹⁸.

Однако сохранившиеся документы свидетельствуют об обратном — прот. С. Четвериков никому не передавал руководства комиссией: он до конца сам лично координировал ее работу и «по соглашению с Вас[илием] Вас[ильевичем Зеньковским]»⁹⁹ решил назначить на 22 июня 1937 года на rue Daru «заключительное собрание нашей комиссии с целью, во-1-х, заслушать поступившие тезисы, а, может быть, и доклады, во-2-х, принять заключительную резолюцию, проекты которой я или пришлю дополнительно, или оглашу в комиссии, и затем, с благословения Владыки-митрополита, если оно последует, заключим занятия комиссии молитвою»¹⁰⁰. Он же тремя днями позже уточнял, что «митрополит выра-

⁹⁶ *Карташев А. В.* Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 38.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Климов А. Е. Г. В.* Флоровский и С. Н. Булгаков ... С. 101.

⁹⁹ Письмо на почтовой карточке прот. С. Четверикова Б. И. Сове от 15 июня 1937. (Частное собрание).

¹⁰⁰ Письмо на почтовой карточке прот. С. Четверикова Б. И. Сове от 15 июня 1937. (Частное собрание).

зил желание, чтобы мы собрались на Rue Daru во вторник не в 8 ½ ч. вечера, а в 5 часов. Вероятно, он предполагает сам присутствовать на нашем заключительном Собрании»¹⁰¹. Также он подготовил и собственноручно отредактировал машинописный текст «Заключительного доклада председателя комиссии», подписав его в последний день ее работы: «Председатель Комиссии протоиерей Сергей Четвериков 1937. 22.VI»¹⁰².

«На этом, — указывал Карташев, — приостановились с лета 1937 г. работы Комиссии. Ее председатель нашел благовременным подвести некий формальный итог и “испросить благословение” митрополита “на окончание работы Комиссии”. С течением времени охладел искусственно возбужденный пыл у искателей ересей¹⁰³. Балканская и Европейская юрисдикции, отдалившись друг от друга, привыкали жить раздельной жизнью. [...] Так на многоточии оборвалось “дело” о. Сергия Булгакова»¹⁰⁴.

Одобрить результаты работы комиссии призвано было руководимое митр. Евлогием Совецание епископов: «Все еще не могу точно определить мой доклад для Совецания епископов. Мне нужно для него сделать обстоятельный, мотивированный доклад о сочинениях сегодняшнего именинника; но ни времени, ни сил не имею чтобы выполнить как следует эту работу. Вероятно, все же это Совецание состоится в конце окт[ября] или в начале ноября. [...] Мы все так потрясены похищением ген[ерала] Миллера. С дьявольскою ловкостью большевики делают свое злое дело в эмиграции»¹⁰⁵, — пишет митр. Евлогий в Прагу 8 октября 1937. «Соображаясь с обстоятельствами, я решил отложить Совецание епископов на более далекий срок, а именно — назначить его

¹⁰¹ Письмо на почтовой карточке прот. С. Четверикова Б. И. Сове от 18 июня 1937. (Частное собрание).

¹⁰² Текст публикуется ниже (IX).

¹⁰³ И в Сербской Церкви настороженность в отношении творчества о. С. Булгакова постепенно улеглась. 16 февраля 1939 г. заведовавший Патриаршей библиотекой в Белграде В. Маевский сообщал о. Сергию, что «управа Патриаршей библиотеки решила обратиться к Вам с просьбой, если возможно, прислать в нашу библиотеку для научного использования в ней Вашей книги “Агнец Божий”, как равно и других трудов». (Письмо В. Маевского прот. С. Н. Булгакову от 16 февраля 1939 г. Фотокопия. Частное собрание).

Карташев А. В. Дело протоиерея С. Н. Булгакова. С. 39–40.

¹⁰⁴ Там же. С. 39–40.

¹⁰⁵ Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 8 октября 1937. (Частное собрание).

на 11/24 ноября и следующие дни с таким расчетом, чтобы окончить все дела к воскресенью 15/28 ноября»¹⁰⁶, — уточняет он 16 октября 1937.

В результате СовеЩание проходит 26, 27 и 29 ноября 1937 г., причем «в основу суждений СовеЩания был положен Заключительный доклад председателя Комиссии прот. С. Четверикова. К этому был присоединен доклад члена Комиссии — архим. Кассиана, которому было поручено сделать более полную сводку всей работы комиссии»¹⁰⁷. «СовеЩание, согласно с комиссией», отвергло обвинения о. С. Булгакова в еретичестве, поскольку «сочинения о. С. Булгакова еще недостаточно изучены, что о них еще не было высказано авторитетного суждения церковной власти, но и потому еще, что это учение о. С. Булгакова еще не получило окончательной обработки. Преждевременно поэтому выносить тяжкие обвинения в ереси». СовеЩание призвало о. Булгакова «со всею тщательностью пересмотреть свое богословское учение о Св. Софии, в ясных, общедоступных формах разъяснить пререкаемые места своего учения, приблизить их к православному пониманию и изъять из них то, что порождает смущение в простых душах, которым недоступно богословско-философское мышление»¹⁰⁸.

Несмотря на очевидную важность этого постановления, оно не попало на страницы официального епархиального издания, но о содержании его широкая публика узнала из газетной публикации: «СовеЩание епископов, основываясь на заключениях комиссии, отвергло обвинение о. С. Булгакова в ереси. Православная Церковь не воспрещает постановку новых вопросов, способствующую раскрытию Божественной истины, при условии, однако, чтобы такая постановка не противоречила догматам Церкви. Источник учения о. С. Булгакова находится в Св. Писании и в творениях св. отцов. В развитии своего учения о. С. Булгаков, правда, допустил некоторые отступления и неправильности. Однако эти отступления и неправильности не колеблют основ православной церкви. СовеЩание епископов нашло, что “они являются частным мнением, не противопоставляемым церковным догматам, но предлагаемым лишь в качестве домысла на суд богословской науки и Церкви”.

¹⁰⁶ Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 16 октября 1937. (Частное собрание).

¹⁰⁷ Протокол Акта СовеЩания епископов православных русских церквей в Западной Европе от 26, 27 и 29 ноября 1937 г. (Машинопись. Без пагинации. Частное собрание).

¹⁰⁸ Там же. Полный текст опубликован: *Геннадий (Эйкалович), игум.* Дело прот. Сергия Булгакова... С. 33–35.

Ни наука, ни церковь о трудах о. С. Булгакова еще не высказались. Само учение о. С. Булгакова не приняло еще окончательной формы. А потому совещание епископов, отвергнув обвинение в ереси, признало суждение о “частном мнении” о. С. Булгакова преждевременным. Допуская, что в учении о. Булгакова содержатся некоторые заблуждения, совещание епископов, однако, полагает, что они “не могут затемнить высоких заслуг прот. С. Булгакова, как богослова и церковного деятеля”. Оно предлагает автору “пересмотреть свое учение” в определенных пунктах, приблизить их к православному пониманию и “изложить, во избежание соблазнов, ясным языком, доступным для среднего церковного сознания”.

— Я глубоко удовлетворен решением совещания, — заявил нам митр. Евлогий. — Действительно, протоиерей С. Булгаков всегда был и остается смиренным и послушным служителем церкви, к которой он пришел путем огромного подвига всей своей жизни»¹⁰⁹.

О своем отношении к жизни и ученому труду протоиерея Булгакова митрополит Евлогий определенно высказался в поздравительном письме за год до кончины о. Сергия 14 июля 1943 года:

«Дорогой и глубокоуважаемый о[тец] Сергий. Сегодня, во время богослужения, вспомнил о Вашем юбилее, который является завершением и увенчанием Вашего славного жизненного пути, — особенно того периода, который начинается — от Марксизма к идеализму и... Славный путь, но какой трудный, тернистый, даже, скажу, крестный. Пред моими глазами прошел последний период Вашей жизни — Ваше пастырство и ученые богословские труды. И опять сколько страдания, как распинали и оскорбляли Вас в самых высоких переживаниях Вашей души!

Но Дух Святой — Утешитель давал Вам силу переносить эти испытания даже иногда благодушно. Позвольте выразить мое глубокое уважение Вашему духовному образу и молитвенно пожелать, чтобы Божественно Утешитель всегда почивал на Вас, — пришел и вселился в Вас, отгоняя все сопротивные силы.

Да благословит Господь тихий вечер Вашей жизни.

Глубоко уважающий Вас, митрополит Евлогий»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Н. П. В. Совещание епископов в Париже. Новый статут Бельгийской епархии. Суждение о «ереси» о. Сергия Булгакова // Последние новости. 1935. 2 декаб. (№ 5366). С. 3.

¹¹⁰ Письмо митр. Евлогия к прот. С. Н. Булгакову от 14 июня 1943 г. (Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).

Булгаков ответил столь же искренне и с явным удовольствием, в немногих словах и, возможно, в последний раз свидетельствуя свою преданность стремлению к свободному познанию Истины:

«Сегодня чувствую потребность прежде всего благодарить Вас, как нашего канонического главу и ректора Богословской Школы за высокую честь, которую я почтен в день моего священнического двадцатипятилетия, вместе с благодарением ко всей моей братии, но прежде всего к Вам лично.

И еще раз исповедую, что мое богословствование, на непогрешительность которого никогда я не притязал и не притязая, зарождалось пред престолом Господним и хотело быть искреннейшим и дерзновенным моим славословием Господу в меру сил, мне данных. Поэтому, если оно и было для многих пререкаемым, но я исповедую его как свой долг служения Церкви. Будучи, по воле Божией, связан с Вашим церковным водительством, я сознавал и сознаю в какие трудности я лично Вас тем вовлекал. Однако радуюсь и об этом, ибо чрез то свидетельствовалась та искренность и свобода православной мысли, которая составляет духовную доблесть “Парижского богословия” и всего нашего богословского труда.

Своим милостивым актом по отношению ко мне вы ныне, вместе с моими дорогими собратиями и сотрудниками, пред всем христианским миром, в этот день Св. Духа, подтверждаете это исповедание: духа не угашайте, ибо где дух Господень, там свобода.

Поэтому, во всем глубоком сознании своего недостойнства, свидетельствую, что не могло быть для меня в этот день большего удовлетворения и лучшего привета, нежели это признание правомерности моего богословского труда на ниве церковной»¹¹¹.

Год спустя, 13 июля 1944 года протоиерей Сергей Николаевич Булгаков скончался в Париже, в окружении близких друзей, в том числе и автора бесчисленных икон Святой Софии, Премудрости Божией — Юлии Николаевны Рейтлингер, в серии рисунков запечатлевшей лицо о. Сергия в последние часы его жизни...

Сведения об авторе и издателе. Клементьев Александр Константинович — историк, архивист, автор исследований по истории Русской Православной Церкви в эмиграции (Россия, г. Санкт-Петербург).

E-mail: niteroy@rambler.ru

¹¹¹ Черновик ответа прот. С. Н. Булгакова митр. Евлогию на письмо от 14 июня 1943 г. (Без даты. Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).

Список литературы

1. А. П. Л. Эмигрантская жизнь. 1. — Бульвар Монпарнас, 10 // Последние новости. 1935. 17 март. (№ 5106). С. 5.
2. Анастасий (Грибановский), митр. Православной русской пастве в рассеянии сущей // Святая Земля. Иерусалим. 1936. № 11. С. 244–249.
3. Антоний (Храповицкий), митр. Когда это кончится? // Новое время. Белград, 1924. 4 сент. (№ 1005). С. 2.
4. Арсеньев Н. Мудрование в богословии? Warszawa, 1936.
5. Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский: судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010.
6. Богданова Т. А. Письма профессора Николая Никаноровича Глубоковского протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову // Вестник Русского христианского движения. № 203 (I-2015). С. 45–58.
7. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // Православный путь. Джорданвилль, 2006. С. 101–198.
8. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Путь Хайларского святителя (Очерк жизни и трудов Николая Феодоровича Вознесенского, протоиерея г. Харькова, Благовещенска и Харбина, в монашестве Димитрия, архиепископа Хайларского, викария Харбинской епархии) // Православный путь. Джорданвилль, 2005. С. 7–90.
9. Братство Св. Софии. Материалы и документы 1923–1939 / сост. Н. А. Струве; подг. текста и примеч. Н. А. Струве, Т. В. Емельяновой. М.; Париж: Русский путь — YMCA-Press, 2000.
10. Булгаков С. Н., прот. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. I. Paris: YMCA-Press, 1933.
11. Булгаков С. Н., прот. Аскетизм в условиях студенческой жизни // Христианство и современная жизнь. Духовный мир студенчества. Paris. [1925] С. 33–38.
12. Булгаков С. Н., прот. Ипостась и ипостасность. (Scolia к Свету Невечернему) // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890 — 3 января — 1925. Прага: Пламя, 1925. С. 353–371.
13. Булгаков С. Н., прот. К Велеградскому съезду // Последние новости. Париж, 1924. 13 авг. (№ 1319). С. 4.
14. Булгаков С. Н., прот. Купина Неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж: YMCA-Press, 1927.
15. Булгаков С. Н., прот. Письмо к А. В. Ставровскому от 1 октября 1924 г. // Колеров М. А. Братство Св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925). В: Вопросы философии. 1994. № 10. С. 161–162.
16. Велеградский конгресс // Последние новости. Париж, 1924. 20 авг. (№ 1324). С. 3.
17. Геннадий (Эйкалович), игум. Дело прот. Сергия Булгакова (Историческая канва спора о Софии). Сан-Франциско, 1980.

18. Глуховцова Е. Открытое письмо о Сергии Булгакову // Новое время. Белград, 1929. № 2511. С. 1–2.
19. Граббе Ю. П. Корни церковной смуты. Парижское братство Св. Софии и розенкрейцеры. Београд, 1927.
20. Грамота Его Святейшества Вселенского Патриарха Фотия II от 17 февраля 1931. II. Архипастырское послание Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия от 25 февраля 1931. III. Циркулярное распоряжение Епархиального управления от 28 февраля 1931. Париж, 1931.
21. Доклад приходского совета Александро-Невской Свято-Троицкой церкви приходскому собранию о положении Западно-Европейской Русской Православной Церкви в отчетном 1930 году // Церковный вестник Западно-европейской епархии. Париж, 1931. № 3. С. 30.
22. Докладная записка, представленная в октябре 1935 г. Его Высокопреосвященству митрополиту Евлогию профессором прот. Сергием Булгаковым. [Октябрь 1935 г.] // О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 20–53.
23. Докладная записка, представленная профессором прот. Сергием Булгаковым митрополиту Евлогию весной 1927 г. [Пятидесятница 1927 г.] // О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 54–64.
24. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Голос пастыря. (Ответ на письма митрополита Елевферия) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1931. № 11. С. 8.
25. *Елевферий (Богоявленский), митр. Литовский и Виленский.* Его Высокоблагословению о протоиерею Сергию Булгакову. Письмо от 26-VI / 9-VII 1931 г. (Листовка. Машинописный текст. Частное собрание).
26. *Елевферий (Богоявленский), митр.* Церковный парижский откол. [Каунас], 1931.
27. Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией (по поводу определения Архиерейского Собора в Карловцах): докладная записка митрополиту Евлогию проф. прот. Сергия Булгакова. [Январь 1936 г.] // Путь. 1936. № 50. Приложение. 24 с.
28. Журнал Сопещения епископов православных русских церквей в Западной Европе, состоявшегося 14 июля 1936 года в Париже // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1936. № 8–9. С. 17–18.
29. *Зайцев Б. К.* Бульвар Монпарнас, 10 // Возрождение. 1929. 18 февр. (№ 1357). С. 3.
30. Из переписки о Сергии Булгакова с Л. А. и В. А. Зандер // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1971. № 101–102 (III–IV). С. 71–84.
31. *Иоанн (Максимович), еп.* Учение о Софии, Премудрости Божией. Варшава, 1930. То же: Джорданвилль, 1993.
32. *Иоанн (Максимович), иером.* Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозно-философской мысли. Отд. отт. из белградской газеты «Голос верноподданного». (Частное собрание). То же: Джорданвилль, 1993.

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

33. [Иоанн (Шаховской), иером.]. Разговор семи православных о Софии. Берлин, 1936.
34. К миру в Церкви. Грамота Вселенского Патриарха // Возрождение. 1935. 29 окт. (№ 3800). С. 1–2.
35. Карсавин Л. П. Единое на потребу // Вестник православия. Берлин-Тегель, 1924. Сент.-окт. (№ 1). С. 4–13.
36. Карташев А. В. Дело протоиерея С. Н. Булгакова. 40 с. (Авторизованная машинопись. Частное собрание).
37. Карташев А. В. Объяснение. Объяснение о протоиерея С. Булгакова // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1927. 17/30 нояб. (№ 5). С. 14–30.
38. Клементьев А. К. Дни и труды Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в письмах Константина Петровича Струве (1925–1928 гг.) // Вестник Русского христианского движения. № 207 (I–2017), С. 194–223; № 209. (I–2018). С. 66–97.
39. Клементьев А. К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского (в его переписке с проф. Н. Н. Глубоковским) // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII–XXI вв. СПб.: Изд-во РНБ, 2007. С. 106–118.
40. Клементьев А. К. Педагогическая и общественно-церковная деятельность Л. П. Карсавина в годы жизни в Германии и Франции (1922–1926) // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 386–421.
41. Клементьев А. К. Письма Ивана Аркадьевича Лаговского протоиерею Сергию Булгакову (1927–1939) // Вестник Русского христианского движения. № 203 (I–2015). С. 59–91.
42. Клименко Н. [Письмо в редакцию] // Русская газета. Париж, 1924. 10 дек. (№ 195). С. 4.
43. Климов А. Е. Г. В. Флоровский и С. Н. Булгаков. История взаимоотношений в свете споров о софиологии // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь. М., 2003. С. 86–114.
44. Колеров М. А. Братство Св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143–166.
45. Лопухин П. С. О софианстве // Святая Земля. Иерусалим, 1936. № 6. С. 133–139; № 10. С. 219–225.
46. Лосский В., Б. Ф. Спор о Софии. «Докладная записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии. Париж, 1936.
47. Матвеев С., Ставровский Ал., Энден М. [Письмо в редакцию] // Русская газета. Париж, 1924. 14 нояб. (№ 173). С. 4.
48. Митрополит Елевферий в Париже // Последние новости. 1931. 5 февр. (№ 3606). С. 2.
49. Н. П. В. Совецание епископов в Париже. Новый статут Бельгийской епархии. Суждение о «ереси» о. Сергия Булгакова // Последние новости. 1935. 2 декаб. (№ 5366). С. 3.
50. О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 5–19.

51. Обращение Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1931. № 6. С. 1–2.
52. Окружное послание Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости. Сремски Карловцы, 1927. № 17/18 (122/123). С. 2–4. *То же в: Граббе Ю. П.* Корни церковной смуты. Парижское братство Св. Софии и розенкрейцеры. Београд, 1927. Приложение. С. 27–30.
53. Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 17/30 октября 1935 года о новом учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии-Премудрости Божией. 29 с. (Авторизованная машинопись. ПРАВКА РУКИ УПРАВЛЯЮЩЕГО СИНОДАЛЬНОЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ ГР. П. М. ГРАББЕ. Частное собрание).
54. Осуждение проф. прот. С. Булгакова // Возрождение. 1935. 22 окт. (№ 3793). С. 3.
55. Письма митрополита Евлогия (Георгиевского) епископу Пражскому Сергию (Королеву) от 22 июля 1935 г., 3 октября 1935 г., 2 мая 1936 г., 11 июня 1936 г., 16 октября 1937 г. (Частное собрание).
56. Письма прот. С. Четверикова Б. И. Сове от 15 июня 1937 г. и 18 июня 1937 г. (Фотокопия. Частное собрание).
57. Письмо В. Маевского прот. С. Н. Булгакову от 16 февраля 1939 г. (Фотокопия. Частное собрание).
58. Письмо К. П. Струве к прот. С. Н. Булгакову от 26/VII — 8/VIII 1926 г. (Архив Н. А. Струве. Париж).
59. Письмо митрополита Антония (Храповицкого) прот. С. Н. Булгакову от 24 июня (ст. ст.) 1927 г. (Рукопись. Архив Свято-Сергиевского Православного богословского института. Париж).
60. Письмо митрополита Антония [Храповицкого] // Вечернее время. Белград, 1924. 13 ноября (31 октября) (№ 170). С. 4.
61. Письмо митрополита Елевферия к духовенству Западноевропейских русских православных церквей // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж, 1931. № 11. С. 14–15.
62. Письмо прот. С. Н. Булгакова // Вечернее время. Белград, 1924. 3 октября (20 сентября). (№ 137). С. 3.
63. Протокол Акта Совещания епископов православных русских церквей в Западной Европе от 26, 27 и 29 ноября 1937 г. (Машинопись. Без пагинации. Частное собрание).
64. *Р[клицкий] Н.* Проф. протоиерей Булгаков будет осужден как еретик за свое учение о Софии. О принятии в Православную Церковь сирийцев из Индии. (От белградского корреспондента «Сегодня» // Сегодня. Рига, 1935. 23 окт. (№ 293).
65. *Серафим (Соболев), архиеп.* Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. София, 1937. *То же:* Джорданвилль, 1993.
66. *Серафим (Соболев), архиеп.* Новое учение о Софии, Премудрости Божией. София, 1935.

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

67. *Серафим (Соболев), архиеп.* Протоиерей С. Н. Булгаков как толкователь Священного Писания. София, 1936. *То же*: Джорданвилль, 1993.
68. *Тальберг Н. Д.* Скрытая работа // Отечество. Париж, 1926. 29 авг. (№ 12). С. 3.
69. Указ Московской Патриархии преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию. 7 сентября 1935 г. № 1651. Paris, [1935]. *То же* // О Софии, Премудрости Божией. Указ Московской Патриархии и докладные записки проф. прот. Сергия Булгакова Митрополиту Евлогию. Париж, 1935. С. 5–19. *То же*: Джорданвилль, 1993.
70. Указ Московской Патриархии преосвященному митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию. 27 декабря 1935 г. № 2267. Paris, [1936].
71. *Bulgakov S.* The Wisdom of God. A Brief Summary of Sophiology / Pref. by the Rev. Frank Gavin. New York; London, 1937.

Alexander K. Klementiev

MATERIALS ON THE HISTORY OF POLEMICS FOR THE WORKS OF PROFESSOR ARCHPRIEST SERGEI NIKOLAEVICH BULGAKOV (1924–1937)

Abstract. Disputes over the doctrine of archpriest Sergius Bulgakov about Hagia Sophia, the Wisdom of God, held by Russian and foreign theologians and theology enthusiasts and continuing during the interwar period were reactivated more than once in the Russian overseas media thereafter. Representatives of all the groups existing within the Russian Church after the physical separation of its clergy and laity between the territories seized by the Bolsheviks and the rest of the world were drawn into the debate. It was perhaps the only topic publicly discussed by these people which united them; the disputes lasted for several years and resulted in the fact that each group was eager to state their own rights of judgment and condemnation of theological constructions of the Parisian priest and philosopher and the actual leader of the most successful Orthodox higher educational institution founded after the anti-Christian pogrom of 1917. In spite of everything, the criticized author continued to work, ignoring numerous judgments from outside. And now the impressive philosophical and theological heritage of Fr. Sergius Bulgakov attracts attention of a large audience, whilst the ideas of his accusers and detractors can hardly generate some interest. Many prominent church leaders of the past century took part in the polemics over Bulgakov's conclusions; archbishop Seraphim (Sobolev) even created a number of works reprinted by his admirers up to the present day. Nevertheless, the disputes of the 1920's–1930's had a negative impact on the literary heritage of archpriest Sergius Bulgakov — his main work "The Wisdom of God" has not been published in the source language yet. Meanwhile, the only person who organized a peaceful and fairly long collective work on the study of theological works of archpriest Sergius, in accordance with the church interests first of all was Metropolitan Eulogius (Georgievsky), within whose jurisdiction the pedagogical and pastoral work of professor Bulgakov was carried out. The results of the work of the "Commission on the Writings of Archpriest S. Bulgakov" in its main

part has remained unpublished until now, and it is not yet clear whether all the Commission materials are deposited in its entirety in any archival collection. Significant efforts to collect the documents that are being printed today were made by a great admirer of archpriest S. Bulgakov, professor Nikita Struve, who searched for and obtained copies of these documents from various private owners and public collections for years. This publication, which has become possible due to the lengthy efforts of N. A. Struve, is dedicated to his memory.

Keywords: *Archpriest Sergei Nikolaevich Bulgakov, Archpriest Sergei Ivanovich Chetverikov, S. Bulgakov's doctrine about Sophia the Wisdom of God, Commission on the Writings of Professor Archpriest Sergius Bulgakov.*

Citation. Materialy k istorii polemiki o tvorchestve professora protoiereia Sergiia Nikolaevicha Bulgakova (1924–1937 gg.) [Materials on the History of Polemics for the Works of Professor Archpriest Sergei Nikolaevich Bulgakov (1924–1937)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2019, no. 2 (26), pp. 275–370. DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10213

About the author. Klementiev Alexander Konstantinovich — historian, archivist, author of studies on the History of the Russian Orthodox Church in exile (Russia, Saint Petersburg). *E-mail:* niteroy@rambler.ru

References

1. A. P. L. Emigrantskaia zhizn'. 1. — Bul'var Monparnass, 10 [Emigrants' Life. Boulevard Montparnasse, 10]. *Poslednie novosti — Latest News*, 1935, March 17, no. 5106, p. 5.
2. Anastas (Gribanovsky), mitr. Pravoslavnoi russkoi pastve v rasseianii sushchei [To the Orthodox Russian Flock Living in the Scattering]. *Sviataia Zemlia — The Holy Land*. Jerusalem, 1936, no. 11, pp. 244–249.
3. Antony (Khrapovitsky), mitropolit. Kogda eto konchitsia? [When Will It End?]. *Novoe vremia* [New Time]. Belgrade, 1924, September 4, no. 1005, p. 2.
4. Arseniev N. *Mudrovaniie v bogoslovii?* [Wisdom in Theology?]. Warsaw, 1936.
5. Bogdanova T. A. *N. N. Glubokovskii: sud'ba khristianskogo uchenogo* [N. N. Glubokovsky: Destiny of a Christian Scholar]. Moscow; Saint Petersburg, 2010.
6. Bogdanova T. A. Pis'ma professora Nikolaia Nikanorovicha Glubokovskogo protoiereiu Sergiiu Nikolaevichu Bulgakovu [Letters of Professor Nikolai Nikanorovich Glubokovsky to Archpriest Sergey N. Bulgakov]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, no. 203 (I–2015), pp. 45–58.
7. Bogdanova T. A., Klementiev A. K. Put' Khailarskogo sviatitelia (Ocherk zhizni i trudov Nikolaia Feodorovicha Voznesenskogo, protoiereia gg. Khar'kova, Blagoveshchenska i Kharbina, v monastestve Dimitriia, arkhiepiskopa Khailarskogo, vikariia Kharbinskoi eparkhii) [The Path of a Hailar Saint (Essay on the Life and Works of Nikolai Feodorovich Voznesensky, Archpriest of Kharkov, Blagoveshchensk and Harbin, Monastic Name — Dimitry, the Archbishop of Hailar, Vicar of the Harbin Diocese)]. *Pravoslavnyi put' — Orthodox Way*. Jordanville, 2005, pp. 7–90.

8. Bogdanova T. A., Klementiev A. K. Zhizn' i trudy protoiereia Timofeia Ivanovicha Liashchenko, v monashestve Tikhona, arkhiepiskopa Berlinskogo [The Life and Works of Archpriest Timofey Ivanovich Lyashchenko, Monastic Name — Tikhon, the Archbishop of Berlin]. *Pravoslavnyi put'* [Orthodox Way]. Jordanville, 2006, pp. 101–198.
9. Bulgakov S. The Wisdom of God. A Brief Summary of Sophiology / Pref. by the Rev. Frank Gavin. New York, London, 1937.
10. Bulgakov S. N., prot. *Agnets Bozhii. O Bogochelelovechestve. Chast' I* [The Lamb of God. About God-manhood. Part I]. Paris, YMCA-Press, 1933.
11. Bulgakov S. N., prot. Asketizm v usloviakh studencheskoi zhizni [Asceticism in Student Life]. *Khristianstvo i sovremennaia zhizn'. Dukhovnyi mir studenchestva* [Christianity and Modern Life. The Religious World of Students]. Paris, [1925], pp. 33–38.
12. Bulgakov S. N., prot. Ipostas' i ipostasnost'. (Scolia k Svetu Nevechernemu) [Hypostasis and Hypostaticity: Scholia to the Unfading Light]. *Sbornik statei, posviashchennykh Petru Burngardovichu Struve ko dniu tridtsatipiatiletii ego nauchno-publitsisticheskoi deiatel'nosti* [Collection of Articles Devoted to Petr Burngardovich Struve to the Day of the Thirty-fifth Anniversary of His Scientific and Journalistic Activities. 1890 — January, 3 — 1925]. Prague, Plamia, 1925, pp. 353–371.
13. Bulgakov S. N., prot. K Velegradskomu s'ezdu [To the Velehrad Congress]. *Poslednie novosti* [Latest News]. Paris, 1924, August 13, no. 1319, p. 4.
14. Bulgakov S. N., prot. *Kupina Neopalimaia. Opyt dogmaticheskogo istolkovaniia nekotorykh chert v pravoslavnom pochitanii Bogomateri* [The Burning Bush: On the Orthodox Veneration of the Mother of God]. Paris, YMCA-Press, 1927.
15. Bulgakov S. N., prot. Pis'mo k A. V. Stavrovskomu ot 1 oktiabria 1924 g. [Letter to A. V. Stavrovsky Dated October 1, 1924]. Kolerov M. A. Bratstvo Sv. Sofii: «vekhovtsy» i evraziitsy (1921–1925) [Brotherhood of St. Sophia: 'vekhovtsy' and 'evraziitsy' (1921–1925)]. In: *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 1994, no. 10, pp. 161–162.
16. Doklad prikhodskogo soveta Aleksandro-Nevskoi Sviato-Troitskoi Tserkvi prikhodskomu sobraniuu o polozhenii Zapadno-Evropeskoi Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v otchetnom 1930 godu [Report of the Parish Council of the Alexander Nevsky Holy Trinity Church About the Situation of the West-European Russian Orthodox Church on the Parish Session for the Reporting Year 1930]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeskoi eparkhii— Church Bulletin of the West-European Diocese*, 1931, no. 3, p. 30.
17. Dokladnaia zapiska, predstavlenaia v oktiabre 1935 g. Ego Vysokopreosviashchenstvu mitropolitu Evlogiiu professorom prot. Sergiem Bulgakovym [Oktiabr' 1935 g.] [Report of Professor Archpriest Sergius Bulgakov Presented to His Eminence, Metropolitan Eulogius in October 1935 [October, 1935]]. *O Sofii, Premudrosti Bozhiei. Ukaz Moskovskoi Patriarkhii i dokladnye zapiski prof. prot. Sergiia Bulgakova Mitropolitu Evlogiiu* [About Sophia, the Wisdom of God. Decree of the Moscow Patriarchate and Memos of Professor Archpriest Sergius Bulgakov to Metropolitan Eulogius]. Paris, 1935, pp. 20–53.
18. Dokladnaia zapiska, predstavlenaia professorom prot. Sergiem Bulgakovym mitropolitu Evlogiiu vesnoi 1927 g. [Piatidesiatnitsa 1927 g.] [Report Submitted by Professor Archpriest Ser-

gius Bulgakov to Metropolitan Eulogius in Spring of 1927 [Pentecost, 1927]]. *O Sofii, Premudrosti Bozhiei. Ukaz Moskovskoi Patriarkhii i dokladnye zapiski prof. prot. Sergiia Bulgakova Mitropolitu Evlogiiu* [About Sophia, the Wisdom of God. Decree of the Moscow Patriarchate and Memos of Professor Archpriest Sergius Bulgakov to Metropolitan Eulogius]. Paris, 1935, pp. 54–64.

19. Eلفery (Bogoyavlensky), mitropolit Litovskii i Vilenskii. Ego vysokoblagosloveniiu o. protoiereiu Sergiiu Bulgakovu. Pis'mo ot 26–VI / 9–VII 1931 g. (Listovka. Mashinopisnyi tekst. Chastnoe sobranie) [To His Highly Blessed Fr. Archpriest Sergius Bulgakov. Letter Dated 26 –VI / 9–VII, 1931 (Leaflet. Typewritten text. Private collection)]. To zhe (bez individual'nogo obrashcheniia): Pis'mo mitropolita Eلفeriia k dukhovenstvu Zapadno-Evropeiskikh Russkikh Pravoslavnykh Tserkvei [Idem (Without personal addressee): Letter from Metropolitan Eلفery to the Clergy of the West-European Russian Orthodox Churches]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii — Church Bulletin of the West-European Diocese*, 1931, no. 11, pp. 14–15.

20. Eلفery (Bogoyavlensky), mitropolit. *Tserkovnyi parizhskii otkol* [Parisian Church Breakdown]. [Kaunas], 1931.

21. Eshche k voprosu o Sofii, Premudrosti Bozhiei (Po povodu opredeleniia Arkhiereiskogo Sobora v Karlovtsakh): dokladnaia zapiska mitropolitu Evlogiiu prof. prot. Sergiia Bulgakova [More to the Question of Sophia, the Wisdom of God (Regarding the Definition of the Bishops' Council in Karlovtsy): Report of Professor Archpriest Sergius Bulgakov to Metropolitan Eulogius]. *Put' — The Way*, 1936, no. 50, Appendix, 24 pp.

22. Evlogii (Georgievskii), mitropolit. Golos pastyria (Otveta na pis'ma mitropolita Eلفeriia) [Shepherd's Voice (Response to the Letters of Metropolitan Eleutherius)]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii — Church Bulletin of the West-European Diocese*, 1931, no. 11. p. 8.

23. Gennady (Eykalovich), igumen. *Delo prot. Sergiia Bulgakova (Istoricheskaia kanva spora o Sofii)* [Case of Archpriest Sergius Bulgakov (Historical Outline of the Dispute About Sophia)]. San Francisco, 1980.

24. Glukhovtsova E. Otkrytoe pis'mo o. Sergiiu Bulgakovu [An Open Letter to Fr. Sergius Bulgakov]. *Novoe vremia — New Time*. Belgrade, 1929, no. 2511, pp. 1–2.

25. Grabbe Yu. P. *Korni tserkovnoi smuty. Parizhskoe bratstvo sv. Sofii i rozenkreitsery* [Roots of the Church Unrest. Paris Brotherhood of St. Sophia and Rosicrucians]. Beograd, 1927.

26. *Gramota Ego Sviateishestva Vselenskogo Patriarkha Fotiia II ot 17 fevralia 1931. II. Arkhi-pastyrskoe poslanie Vysokopreosviashchennishego mitropolita Evlogiia ot 25 fevralia 1931. III. Tsirkuliarnoe rasporyazhenie Eparkhial'nogo upravleniia ot 28 fevralia 1931* [Diploma of His Holiness the Ecumenical Patriarch Photius II on February 17, 1931. II. Archpastoral Epistle of His Eminence Metropolitan Eulogius on February 25, 1931. III. Circular Order of the Diocesan Administration on February 28, 1931]. Paris, 1931.

27. Iz perepiski o. Sergiia Bulgakova s L. A. i V. A. Zander [From the Correspondence of Fr. Sergius Bulgakov with L. A. and V. A. Zander]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, nos. 101–102 (III–IV — 1971), pp. 71–84.

28. John (Maximovich), episkop. *Uchenie o Sofii, Premudrosti Bozhiei* [Doctrine of Sophia, the Wisdom of God]. Warsaw, 1930. And: Jordanville, 1993.

29. John (Maximovich), ierom. Pochitanie Bogoroditsy i Ioanna Krestitelia i novoe napravlenie russkoi religiozno-filosofskoi mysli [Veneration of the Virgin and John the Baptist and the New Direction of Russian Religious and Philosophical Thought]. *Golos vernopoddannogo — Voice of the Loyal One*. Otd. ott. [Separate Issue from the Belgrade Newspaper “Golos vernopoddannogo” (Private Collection)]. Jordanville, 1993.
30. [Ioann (Shakhovskoi), ierom.]. *Razgovor semi pravoslavnykh o Sofii* [Conversation of the Seven Orthodox on St. Sophia]. Berlin, 1936.
31. K miru v Tserkvi. Gramota Vselenskogo Patriarkha [For Peace in the Church. Diploma of the Ecumenical Patriarch]. *Vozrozhdenie — The Revival*, 1935, October 29, no. 3800, pp. 1–2.
32. Karsavin L. P. Edinoe na potrebu [“Few Things Are Needed — or Indeed Only One”]. *Vestnik pravoslaviia — Bulletin of Orthodoxy*. Berlin–Tegel, 1924, September — October, no. 1, pp. 4–13.
33. Kartashev A. V. *Delo protoiereia S. N. Bulgakova* [The Case of Archpriest S. N. Bulgakov]. (Avtorizovannaia mashinopis'. Chastnoe sobranie) [Authorized typewriting. Private collection].
34. Kartashev A. V. Ob”iasnenie. Ob”iasnenie o. protoiereia S. Bulgakova [Explanation. Explanation of Fr. Archpriest S. Bulgakov]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii — Church Bulletin of the West-European Diocese*, 1927, November 17/30, no. 5, pp. 14–30.
35. Klementiev A. K. Dni i trudy Sviato-Sergievskogo pravoslavnogo bogoslovskogo instituta v Parizhe v pis’makh Konstantina Petrovicha Struve (1925–1928 gg.) [Days and Works of the St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris Through the Letters of Konstantin Petrovich Struve (1925–1928)]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, 2017, no. 207, pp. 194–223; 2018, no. 209, pp. 66–97.
36. Klementiev A. K. Pedagogicheskaia i obshchestvenno-tserkovnaia deiatel’nost’ L. P. Karsavina v gody zhizni v Germanii i Frantsii (1922–1926) [Pedagogical, Social and Clerical Activities of L. P. Karsavin During His Life in Germany and France (1922–1926)]. *Istoricheskie zapiski — Historical Notes*. Moscow, 2008, issue 11 (129). pp. 386–421.
37. Klementiev A. K. Pis’ma Ivana Arkad’evicha Lagovskogo protoiereiu Sergiiu Bulgakovu (1927–1939) [Letters of Ivan Arkadyevich Lagovsky to Archpriest Sergius Bulgakov (1927–1939)]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, no. 203 (I–2015), pp. 59–91.
38. Klementiev A. K. Zhizn’ i trudy protoiereia Timofeia Ivanovicha Liashchenko, v monashestve Tikhona, arkhiepiskopa Berlinskogo (v ego perepiske s prof. N. N. Glubokovskim) [The Life and Works of Archpriest Timofey Ivanovich Lyashchenko, Monastic Name — Tikhon, the Archbishop of Berlin (In His Correspondence with Professor N. N. Glubokovsky)]. *Rukopisnoe nasledie deiatelei otechestvennoi kul’tury XVIII–XXI vv.* [Handwritten Heritage of National Culture Figures of the 18th–21st cc.]. Saint Petersburg, RNB, 2007, pp. 106–118.
39. Klimenko N. [Pis’mo v redaktsiiu] [Letter to the Editor]. *Russkaia gazeta — Russian Newspaper*. Paris, 1924, December 10, no. 195, p. 4.
40. Klimov A. E. G. V. Florovskii i S. N. Bulgakov. Istoriiia vzaimootnoshenii v svete sporov o sofiiologii [G. V. Florovsky and S. N. Bulgakov. History of Relationships in the Light of Dis-

- putes About Sophiology]. *S. N. Bulgakov: Religiozno-filosofskii put'* [S. N. Bulgakov: Religious and Philosophical Way]. Moscow, 2003, pp. 86–114.
41. Kolerov M. A. Bratstvo Sv. Sofii: «vekhovtsy» i evraziitsy (1921–1925) [Brotherhood of St. Sophia: the Vekhovtsy and Eurasians]. *Voprosy filosofii — Issues of Philosophy*, no. 10, 1994, pp. 143–166.
42. Lopukhin P. S. O sofianstve [On the Doctrine of Divine Sophia]. *Sviataia Zemlia — The Holy Land*. Jerusalem, 1936, no. 6, pp. 133–139; no. 10, pp. 219–225.
43. Lossky V., B. F. *Spor o Sofii. «Dokladnaia zapiska» prot. S. Bulgakova i smysl Ukaza Moskovskoi Patriarkhii* [Debate About Sophia. “Memorandum” of Archpriest S. Bulgakov and the Meaning of the Moscow Patriarchate Decree]. Paris, 1936.
44. Matveev S., Stavrovsky Al., Enden M. [Pis'mo v redaktsiiu] [Letter to the Editor]. *Russkaia gazeta — Russian Newspaper*. Paris, 1924, November 14, no. 173, p. 4.
45. Mitropolit Elevferii v Parizhe [Metropolitan Elevfery in Paris]. *Poslednie novosti* [Latest News], 1931, February 5, no. 3606, p. 2.
46. N. P. V. Soveshchanie episkopov v Parizhe. Novyi statut Bel'giiskoi eparkhii. — Suzhdenie o «eresi» o. Sergiia Bulgakova [Bishops Meeting in Paris. The New Statute of the Belgian Diocese. — Judgment of the “Heresy” of Fr. Sergius Bulgakov]. *Poslednie novosti* [Latest News], 1935, December 2, no. 5366, p. 3.
47. *O Sofii, Premudrosti Bozhiei. Ukaz Moskovskoi Patriarkhii i dokladnye zapiski prof. prot. Sergiia Bulgakova mitropolitu Evlogiiu* [About Sophia, the Wisdom of God. Decree of the Moscow Patriarchate and Memos of Prof. Archpriest Sergius Bulgakov to Metropolitan Eulogius]. Paris, 1935, pp. 5–19.
48. Obrashchenie Vysokopreosviashchennishego mitropolita Evlogiia [Appeal of His Eminence Metropolitan Eulogius]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii* [Church Bulletin of the West-European Diocese], 1931, no. 6, pp. 1–2.
49. Okruzhnoe poslanie Arkhiereiskogo Sinoda Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi zagranitse [District Epistle of the Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia]. *Tserkovnye vedomosti* [Church Statements]. Sremski Karlovci, 1927, no. 17/18 (122/123), pp. 2–4. Idem. in: Grabbe Yu. P. Kornii tserkovnoi smuty. Parizhskoe bratstvo sv. Sofii i rozenkreitsery [Roots of the Church Unrest. Paris Brotherhood of St. Sophia and Rosicrucians]. Beograd, 1927. Appendix, pp. 27–30.
50. *Opredelenie Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Zagranitse ot 17/30 oktiabria 1935 goda o novom uchenii protoiereia Sergiia Bulgakova o Sofii, Premudrosti Bozhiei. 29 s. (Avtorizovannaia mashinopis'. Pravka ruki upravliaiushchego sinodal'noi kantseliariei gr. P. M. Grabbe. Chastnoe sobranie)* [The Definition of the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church Abroad from October 17/30, 1935 on the New Doctrine of Archpriest Sergius Bulgakov About Sophia, the Divine Wisdom. 29 p. (Authorized typewriting. Edited by Mr. P. P. Grabbe, manager of the Synodal office. Private collection)].
51. Osuzhdenie prof. prot. S. Bulgakova [Conviction of Prof. Archpriest S. Bulgakov]. *Vozrozhdenie* [The Revival], 1935, October 22, no. 3793, p. 3.

52. Pis'ma mitropolita Evlogiia (Georgievskogo) episkopu Prazhskomu Sergiiu (Korolevu) ot: 22 iulia 1935, 3 oktiabria 1935, 2 maia 1936, 11 iunია 1936, 16 oktiabria 1937 (Chastnoe sobranie) [Letters of Metropolitan Eulogius (Georgievsky) to the Bishop of Prague Sergius (Korolev) Dated: July 22, 1935; October 3, 1935; May 2, 1936; June 11, 1936; October 16, 1937 (Private collection)].
53. Pis'ma prot. S. Chetverikova B. I. Sove ot 15 iunია 1937 i 18 iunია 1937. (Fotokopiia. Chastnoe sobranie) [Letters of Archpriest S. Chetverikov to B. I. Sove Dated June 15, 1937 and June 18, 1937. (Photocopy. Private collection)].
54. Pis'mo K. P. Struve k prot. S. N. Bulgakovu ot 26/VII — 8/VIII 1926 g. (Arkhiv N. A. Struve. Parizh) [Letter of K. P. Struve to Fr. Sergius N. Bulgakov Dated 26 / VII — 8 / VIII 1926 (Archives of N. A. Struve. Paris)].
55. Pis'mo mitropolita Antoniiia (Khrapovitskogo) prot. S. N. Bulgakovu ot 24 iunია (starogo stilia) 1927 g. (Rukopis'. Arkhiv Sviato-Sergievskogo Pravoslavnogo bogoslovskogo instituta. Parizh) [Letter from Metropolitan Antony (Khrapovitsky) to Archpriest S. N. Bulgakov Dated June 24 (old style), 1927. (Manuscript. Archive of the St. Sergius Orthodox Theological Institute. Paris)].
56. Pis'mo mitropolita Antoniiia [Khrapovitskogo] [Letter of Metropolitan Antony [Khrapovitsky]]. *Vechnnee vremia* [Evening Time]. Belgrade, 1924, November 13 (October 31), no. 170, p. 4.
57. Pis'mo V. Maevskogo prot. S. N. Bulgakovu ot 16 fevralia 1939 g. (Fotokopiia. Chastnoe sobranie) [Letter of V. Maevsky to Archpriest S. N. Bulgakov on February 16, 1939. (Photocopy. Private collection)].
58. Pis'mo mitropolita Elevferiia k dukhovenstvu Zapadnoevropeiskikh russkikh pravoslavnykh tserkvei [Letter of Metropolitan Elevfery to the Clergy of the West European Russian Orthodox Churches]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii — Church Bulletin of the West-European Diocese*. Paris, 1931, no. 11, pp. 14–15.
59. Pis'mo prot. S. N. Bulgakova [Letter of Archpriest S. N. Bulgakov]. *Vechnnee vremia — Evening Time*. Belgrade, 1924. October, 3 (September, 20), no. 137, p. 3.
60. Protokol Akta Soveshchaniia episkopov pravoslavnykh russkikh tserkvei v Zapadnoi Evrope ot 26, 27 i 29 noiabria 1937 g. (Mashinopis'. Bez paginatsii. Chastnoe sobranie) [Minutes of the Act of Meeting of the Bishops of Orthodox Russian Churches in Western Europe from the 26th, 27th and 29th of November, 1937 (Typescript. Without pagination. Private collection)].
61. R.[klitskiy] N. Prof. protoierei Bulgakov budet osuzhden, kak eretik, za svoe uchenie o Sofii. O priniatii v Pravoslavnuui Tserkov' siriitsev iz Indii. (Ot belgradskogo korrespondenta «Segodnia» [Prof. Archpriest Bulgakov will Be Convicted, as a Heretic, for His Doctrine About Sophia. On the Admission of the Syrians from India to the Orthodox Church (From Belgrade Correspondent of “Today”). *Segodnia — Today*. Riga, 1935, 23 October, no. 293.
62. Seraphim (Sobolev), arkhiep. *Novoe uchenie o Sofii, Premudrosti Bozhiei* [New Doctrine of Sophia, the Wisdom of God]. Sofia, 1935.
63. Seraphim (Sobolev), arkhiep. *Protoierei S. N. Bulgakov kak tolkovatel' Sviashchennogo Pisaniia* [Archpriest S. N. Bulgakov as an Interpreter of the Holy Scriptures]. Sofia, 1936. Idem.: Jordanville, 1993.

64. Seraphim (Sobolev), arkhiep. *Zashchita sofianskoi eresi protoiereem S. Bulgakovym pred litsom Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Zarubezhnoi Tserkvi* [Protection of the Sophian Heresy by Archpriest S. Bulgakov Before the Council of Bishops of the Russian Church Abroad]. Sofia, 1937; Idem.: Jordanville, 1993.
65. Struve N. A., Emelianova T. V. (eds.). *Bratstvo Sv. Sofii. Materialy i dokumenty 1923–1939* [Brotherhood of St. Sophia. Materials and Documents of 1923–1939]. Moscow; Paris: *Russkii put' — Russian Way*. YMCA-Press, 2000.
66. Tal'berg N. D. *Skrytaia rabota* [Hidden Work]. *Otechestvo — Fatherland*. Paris, 1926. August, 29 (no. 12), p. 3.
67. *Ukaz Moskovskoi Patriarkhii preosviashchennomu mitropolitu Litovskomu i Vilenskomu Elevferiiu. 7 sentiabria 1935 g. no. 1651* [Decree of the Moscow Patriarchate to His Grace, Metropolitan Elevfery of Lithuania and Vilna. September 7, 1935, no. 1651]. Paris, [1935]. Idem.: *O Sofii Premudrosti Bozhiei. Ukaz Moskovskoi Patriarkhii i dokladnye zapiski prof. prot. Sergiia Bulgakova Mitropolitu Evlogiiu* [About Sophia the Wisdom of God. Decree of the Moscow Patriarchate and Memos of Prof. Archpriest Sergius Bulgakov to Metropolitan Eulogius]. Paris, 1935, pp. 5–19; Idem.: Jordanville, 1993.
68. *Ukaz Moskovskoi Patriarkhii preosviashchennomu mitropolitu Litovskomu i Vilenskomu Elevferiiu* [Decree of the Moscow Patriarchate to His Grace Metropolitan Elevfery of Lithuania and Vilna]. December 27, 1935, no. 2267. Paris, [1936].
69. *Velegradskii kongress* [Congress of Velehrad]. *Poslednie novosti — Latest News*. Paris, 1924, August 20, no. 1324, p. 3.
70. Zaitsev B. K. *Bul'var Monparnass, 10* [Boulevard Montparnasse, 10]. *Vozrozhdenie — The Revival*, 1929, February 18, no. 1357, p. 3.
71. *Zhurnal Soveshchaniia episkopov pravoslavnykh russkikh tserkvei v Zapadnoi Evrope, sostoiavshegosia 14 iuliia 1936 goda v Parizhe* [Journal of the Session of the Bishops of Orthodox Russian Churches in Western Europe, Held in Paris on July 14, 1936]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskoi eparkhii— Church Bulletin of the West-European Diocese*, 1936, nos. 8–9, pp. 17–18.

Таким образом, в канун 75-летия праведной кончины протоиерея С. Н. Булгакова всем интересующимся становятся доступны публикуемые ниже основные документы¹, относящиеся к событиям работы комиссии, призванной изучить богословские построения этого выдающегося педагога и церковного ученого:

I. Шесть писем протоиерея Сергия Ивановича Четверикова протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову, 1935–1943 гг. (5 закрытых и 1 открытое письмо. Рукопись. Фотокопия).

II. Отзыв Комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова. Проект. (Авторизованная машинопись. Правка чернилами руки прот. С. И. Четверикова. Фотокопия).

III. Отзыв Комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова. (Машинопись. Фотокопия).

IV. Основные вопросы для доклада комиссии. (Машинопись. Фотокопия).

V. Доклад о работе комиссии по поводу «Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей о новом учении прот. Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией». (Авторизованная машинопись. Правка и вставки руки прот. С. И. Четверикова. Фотокопия).

VI. Тезисы к докладу прот. С. Четверикова. (Доклад «О плане работы»). (Авторизованная машинопись. Правка руки прот. С. И. Четверикова. Фотокопия).

VII. Членам комиссии по делу о сочинениях профессора протоиерея о. Сергия Булгакова. Письмо прот. С. И. Четверикова от 20 сентября 1936 г. (Машинопись. Собственноручная подпись прот. С. И. Четверикова. Фотокопия).

VIII. [Список вопросов, подлежащих рассмотрению комиссией, составленный прот. Сергием Четвериковым. Извлечен из «Плана работы Комиссии по делу проф. прот. о. Сергия Булгакова в наступающем году. 20 сентября 1936», приведенного в работе А. В. Карташева «Дело протоиерея С. Н. Булгакова» (Машинопись. Частное собрание)].

IX. Заключительный доклад председателя комиссии. 22 июня 1937 г. (Авторизованная машинопись. Правка и подпись руки прот. С. И. Четверикова. Фотокопия).

Публикуем также и некоторые адресованные прот. С. Н. Булгакову письма, свидетельствующие об отношении его не участвовавших в работе комиссии современников к полемике по поводу его богословских построений.

X. Два письма архиепископа Ниццкого Владимира (Тихоницкого) протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову, 1927–1928 гг. (Рукопись. Фотокопия).

XI. Пять писем епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову, 1926–1931 гг. (Рукопись. Фотокопия).

¹ Документы публикуются: № I–VII, IX и XIII — по фотокопиям, предоставленным Н. А. Струве (Париж); № VIII — по машинописному подлиннику из частного собрания; № X–XII, XIV — по фотокопиям документов из Архива Свято-Сергиевского Православного богословского института (Париж).

ХII. Письмо архиепископа Чикагского Леонтия (Туркевича) протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову, 1935 г. (Рукопись. Фотокопия).

ХIII. Письмо Николая Арсеньева протоиерею С. Булгакову [1936 г.]. (Рукопись. Фотокопия).

ХIV. Письмо С. Л. Франка протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову, 1939 г. (Рукопись. Фотокопия).

Документы публикуются согласно правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением всех особенностей в написании отдельных слов, имен собственных, топонимов и географических названий. Подчеркнутые сплошной линией слова выделены курсивом, подчеркнутые дважды — разреженным курсивом, подчеркнутые прерывистой линией выделены разрядкой, подчеркнутые волнистой линией — полужирным курсивом. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках.

I

Письма протоиерея Сергия Ивановича Четверикова
протоиерею Сергию Николаевичу Булгакову
(1935–1943)

1

1935.5.XI

+

Дорогой о[тец] Сергей! Я не видел и не читал постановления м[итрополита] Сергия по поводу Ваших богословских трудов и не собираюсь вместе с другими выступать печатно с выражением порицания м[итрополиту] Сергию или сочувствия Вам. Я нахожу, что такого рода выступления не захватывают вопроса во всей его глубине и не разрешают, а усложняют спор. Поэтому и предпочитаю обратиться непосредственно к Вам и высказать Вам свой взгляд на данный печальный случай.

Из того, что я состою членом комитета по печатанию Ваших книг, Вы видите, что я отношусь сочувственно к появлению Ваших книг в печати. Это не значит, что я разделяю все Ваши мысли и считаю их правильными. Например, Ваше учение о природе человека, совпадающее с учением Аполлинария, я не считаю правильным. Не оспоривая (sic!) Вашего учения о Софии, как о внутреннем Содержании Божественной Жизни, я считаю неправильным допускаемое Вами олицетворение этой внутренней жизни и возможность личных отношений между Богом и Софией. Я считаю неверным и Ваше отношение к Отцам Церкви, не свободное от некоторого самовозношения. Найдется, несомненно, и многое другое, в чем я окажусь несогласным с Вами и в чем я вижу даже отступление Ваше от чистоты православной мысли.

И тем не менее я приветствую появление в печати Ваших трудов. Я не боюсь за Православие. Но я приветствую Ваши книги потому, что они будят богословскую мысль. Даже не соглашаясь с Вами, я углубляю и уясняю свои собственные богословские понятия при чтении Ваших сочинений. И я чувствую, что это чтение приносит мне пользу. Я верю, что Ваши книги, как это ни странно, готовят богословскую

мысль к тому моменту, когда Ваши неправильные мнения будут преодолены, а правильные усвоены, и это послужит на пользу Церкви.

Но я не могу не удивляться тем из наших профессоров-богословов, и особенно тем из наших ученых иерархов, которые, считая Ваши мысли неверными и даже неправославными, уклоняются от их печатного опровержения. Может быть, они так поступают потому, что не чувствуют себя достаточно научно подготовленными, чтобы возражать Вам. Если же это происходит от малодушия или лености, или из ложно понятых товарищеских отношений, то это очень печально. Мне кажется, что и Вы сами были бы рады услышать серьезную критику Ваших мнений.

Но еще печальнее и даже возмутительно выслушивать от лиц высокостоящих легкомысленные обвинения, основанные не на непосредственном знакомстве с Вашими книгами, а на донесениях других случайных лиц, надлежащим образом не проверенных. В этом случае удивительное легкомыслие соединяется с недобросовестностью, и такое отношение к Вашим трудам заслуживает только осуждения.

Вот то, что мне хотелось высказать Вам по поводу происшедшего обстоятельства, чтобы дать Вам ясное понятие о моем отношении к нему и к Вам.

Искренно любящий и глубоко уважающий Вас
Недост[ойный] прот[оиерей] Сергей Четвериков

2

1936.13.IX

Дорогой о. Сергей!

В следующее воскресенье, 20 сентября, литургию на 10 Bd Montparnasse² обещал служить Владыко-митрополит, который хочет, до перемещения церкви на Olivier³, послужить последний раз на Монпарнасе. Я был бы очень рад, если бы Вы согласились послужить в этот день в нашей церкви вместе с Владыкой. Не откажите сообщить мне об этом. О часе службы сообщу Вам потом.

Псылаю Вам свой доклад, составленный мною для комиссии, занимающейся рассмотрением обвинений, возводимых на Вас Собором Карловацких иерархов. Я по-

² Крестовоздвиженский храм располагался в гараже во дворе особняка на бульваре Монпарнас, дом № 10. В самом доме размещались: Технический Русский институт (с двумя факультетами — академическим и заочного образования), Русское студенческое христианское движение, Религиозно-философская академия, издательство и несколько мелких учреждений (О деятельности Технического института см.: А. П. Л. Эмигрантская жизнь. 1. — Бульвар Монпарнас, 10 // Последние новости. 1935. 17 март. (№ 5106). С. 5). Одно из самых живых описаний монпарнасского дома оставил Борис Зайцев в своем очерке, не указанном, кажется, ни в одной из его библиографий: «Так существует это своеобразное учреждение — на земле французской, при участии американцев (тоже союзов молодежи), наполняясь Русью, русским. У Монпарнасса есть свой облик. [...] На Монпарнассе чувствуешь себя в воздухе приветливой свежести, культуры просвещенности и доброты. Это православно-интеллигентное место. В нем нет ни сумрака, ни допотопности. Просто современная молодая жизнь, ставящая себе целью самовоспитание и самопросвещение, наконец — вообще просто достойное человеческое бытие: Монпарнас не монастырь. Он готовит не монахов, не монахинь, но людей для мира, общества, сложной и трудной нашей социальной жизни, будущих делателей этой жизни, отцов, матерей — русских, православных и культурных. Именно воспитание любви к родной вере и к самой родине лежит в основе Монпарнасса» (Зайцев Б. К. Бульвар Монпарнас, 10 // Возрождение. 1929. 18 февр. (№ 1357). С. 3). Впоследствии здание было снесено.

³ Введенская церковь Русского студенческого христианского движения и сегодня продолжает существовать в том же здании по № 91, rue Olivier de Serres в 15-м округе Парижа.

А. К. Клементьев

сылаю его Вам для того, что не хочу, чтобы между мною и Вами существовала по этому поводу какая-нибудь неясность; то, что я не разделяю Ваших взглядов, несколько не отражается на моем отношении к Вам, в основе которого лежат не Ваши последние книги, а все прошлое нашего с Вами знакомства за истекшие более чем сорок лет. Это прошлое, наша наша [sic!] с Вами общая дружба с Новоселовым, Ваша религиозная работа среди русской интеллигенции — все это сделало Вас для меня дорогим человеком, и этого моего отношения к Вам не может поколебать мое разногласие с Вами в тех или других богословских мнениях.

Такова моя неизменная позиция по отношению к Вам. Но я хочу быть свободным и искренним в своих мнениях, каковы бы они ни были.

Я был бы очень счастлив, если бы и Вы не изменили ко мне своего дружеского и искреннего отношения.

С братскою любовью

Остаюсь протоиерей Сергей Четвериков

3

1936.16.IX

38. Rue Jeanne

Paris 15

+

Дорогой о. Сергей! Большое Вам спасибо за Ваше дружеское и сердечное письмо, снявшее тяжесть с моей души.

Если Вам неудобно будет не служить в Воскресенье на Подворьи, то и не приезжайте к нам. Мы будем знать, что Вы все-таки с нами молитесь.

Слово «соблазн» Вы не так истолковали. Это не было мое личное осуждение Вас. Я только отметил этим словом то чувство, которое имеется у некоторых людей в обществе и о котором я знаю от моих духовных детей (я имею в виду не Флоровских). Не примешивая никакого личного осуждения Вас, я не находил возможным не отметить то, что я заметил в обществе.

Я сам не люблю слова «ересь», отчасти по той безответственности и легкомыслию, с которыми оно некоторыми употребляется, отчасти же потому, что для других оно приобрело характер некоторого «почетного диплома», свидетельствующего о смелости, независимости и оригинальности мысли, свободной от традиционных установок.

Я же сам его употребляю, хотя и избегаю этого, в точном словопроизводственном его смысле, — индивидуального мнения, расходящегося с общецерковным учением и даже ему противопоставляемого. Такова, напр[имер], Ваша оценка Аполлинария, расходящаяся и даже противоречащая оценке Вселенских Соборов.

Но все-таки я слова «ересь» не люблю в виду того, что в наши дни оно опошлось и перестало быть страшным. Поэтому и слову «ересь» предпочитаю слова «истина и заблуждение»...

Если мы не увидимся, заочно желаю Вам благополучного и счастливого путешествия и такого же возвращения.

Любящий Вас протоиерей Сергей Четвериков

14.3.1939

Дорогой о. Сергей,

Секретариат Р.С.Х.Д с душевным волнением принял весть о Вашей болезни и о предстоящей Вам операции. Мы чувствуем глубокую потребность выразить Вам нашу любовь к Вам, нашу сердечную благодарность за все, что Вы с такой исключительной добротой несли нашему Движению. В эти дни, такие серьезные и ответственные, мы возносим наши молитвы Господу, чтобы Он дал Вам силы перенести операцию и восстановил Ваше здоровье.

Любящие Вас
протоиерей Сергей Четвериков
В. Зеньковский
Катя Меньшикова
Н. Тукальская
С. Верховский
А. Четверикова
Л. Зандер

Дорогой о. Сергей!

В этот серьезный момент Вашей жизни мне хочется еще прибавить несколько слов от себя.

Я думаю, мы могли бы уже праздновать 50-летний юбилей нашей первой встречи. Замечательно, что хотя мы редко встречались, шли разными путями, но между нами установилась какая-то тесная, внутренняя связь близости и дружеских чувств, которая никогда не теряла своей свежести, а каждая наша встреча переживалась нами всегда с большой радостью. Мне кажется, что причиной этого явления было то, что мы с Вами пережили одну и ту же общую духовную атмосферу конца 80-х и начала 90-х, атмосферу искания Бога и обращения к Богу и к Церкви. За все это время я никогда не терял Вас из виду, чему много содействовала и наша общая дружба с Мих[аилом] Алекс[андровичем]⁴.

Мне особенно хочется теперь именно еще раз сказать Вам и подтвердить, что никакие наши разномыслия нисколько не колебали и не колеблют и не ослабляют того чувства искренней дружбы и любви, какое я питаю к Вам с первых дней нашей встречи. Последняя наша встреча показала мне, что и я не тесно вмещаюсь в Вашем Сердце. Я очень счастлив сознавать эту нашу сердечную близость и именно в этом моменте Вашей жизни мне хочется Вам о ней сказать.

Наша любовь и дружба шире наших всех разномыслий. Помогите Вам Господь бодро и мужественно перенести предстоящую операцию и поскорее вернуться к Вашей семье и Вашей работе!

Сердечно любящий Вас
Прот[оиерей] С. Четв[ериков]
1939.14.III

---

⁴ М. А. Новосёловым.

1939

26.V

Дорогой о. Сергей!

Посылаю Вам мой сердечный привет и жалею, что не могу выразить Вам словами всей силы того сердечного сочувствия, с каким я следил за ходом Вашей болезни и молился о Вашем выздоровлении. Общие наши сердечные и постоянные молитвы услышаны были Богом, и Он возвратил Вас нам, и дал надежду Вашего окончательного выздоровления: Слава Богу за все — и за испытания, и за утешения! Я не иду к Вам, зная, что Вам нужен покой, но заочно братски целую Вас.

Сердечно любящий Вас
протоиерей Сергей Четвериков

7/20 XII.43

Дорогой о. Сергей! Поздравляю Вас и Елену Ив[ановну] с наступающим праздником Рождества Христова, с Новым Годом (ст[арого] ст[илия]) и с праздником Богоявления. Желаю Вам радостно и спокойно провести эти святые дни, а в Новом Году жить благополучно и в добром здравьи. Я не могу похвалиться — здоровье слабеет, старею, дряхлею. Видно, уж недолго мне гулять по этому белому свету! Ну, что же делать! Все-му есть свой срок. И на все воля Божия! Хотелось бы только довести до конца свою последнюю работу. А понадобится на это не меньше полугода. Живем мы благополучно, хотя я всю осень болел. Служу я теперь обычно только по будням. По праздникам церковь переполнена богомольцами, и мне трудно бывает служить. Большим моим утешением является моя маленькая внучка, трехлетняя, которая каждый день проводит со мною около часу, с которой мы очень дружны.

Будьте здоровы. Да хранит Вас Господь!

С любовью о Господе остаюсь пред[анный] Вам пр[отоиерей] С[ергий] Ч[етвериков]

Письмо на бланке открытого письма Словацкой почты.

Адрес получателя:

Rev. pere Serge Boulgakoff
93 Rue de Crimée
Paris XIX. France
Via: Deutschland.

Адрес отправителя:

Exp. S. Cetvericov
Bratislava. Karlova Ves
Vodaren
Slovensko

Два одинаковых почтовых штемпеля словацкой почты:

BRATISLAVA 1

22.XII.43-10

4d

Третий штемпель — поверх оригинальной марки — не читается.

Материалы первого этапа работы Комиссии (1935–1936 гг.)

II

Проект

Отзыв Комиссии

по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова

1. Комиссия, внимательно изучив аргументацию «Определения Архиерейского Собора Русской православной Церкви за границей от 17/30 октября 1935 года о новом учении прот. С. Булгакова о Софии-Премудрости Божией», приведенную в обоснование обвинения прот. С. Булгакова в ереси в его учении о Софии-Премудрости Божией, признает прежде всего необходимым отделить систему о. Сергия от некоторых прежних его построений и софиологических учений других лиц, с которыми его сближает терминология, создающая видимость пантеизма и гностических систем.

Комиссия не может присоединиться к обвинению прот. С. Б[улгакова] в ереси. По историческому опыту и убеждению православной Церкви не всякое учение новое или кажущееся новым, должно быть отвергаемо, как ересь, а только то, которое противоречит существу наших догматов, внутренне искажает их, представляет опасность для нашего спасения. Одних справок об известности или неизвестности его из документов предания недостаточно для объявления нового учения ересью. Оно является объектом академического обсуждения с перспективой, может быть, стать ересью, а может быть, и кафолическим преданием. Церковь осуждает только упорное и горделивое противопоставление церковному учению частных и личных мнений, выдаваемых за непогрешимую истину. Комиссия не считает доказанным диалектически и сотериологически, что данное учение есть ересь.

2. Обращая внимание на то, что все построения о. С. Б[улгакова] и особенно его основная книга «Агнец Божий» ставят своей целью разрешение вопроса догматического порядка, Комиссия подчеркивает, что привлечение им патристической экзегезы, литургического и иконографического материала и даже исторические экскурсы имеют целью согласовать с этим материалом его собственные богословские построения.

Воздавая должное о. С. Б[улгакову] в его стремлении опереться на данные церковного предания и подчеркивая его желание не расходиться с учением Церкви, Комиссия, однако, не может считать его доводы до конца убедительными, так как о. С. Б[улгаков] расходится со святоотеческою мыслию, которая в данном случае имеет характер *consensus patrum*. Как видно из патристической и литургической письменности, основная линия церковного предания, следуя св. Ап. Павлу, под именем Софии-Премудрости Божией разумело второе Лицо Пресв[ятой] Троицы — Логос. В таком смысле и истолковывалась VIII гл. Книги Притчей. Но наряду с этой главной магистра-

лью церковного Предания было и другое предание — малоазийское, представленное св. Феофилом Антиохийским и св. Иринеем Лионским, разумевшими под премудростью Божию Третью Ипостась Св. Троицы — Духа Святаго. Однако это мнение не было принято другими Отцами. Ссылки на иконографический материал могут установить лишь наличие споров, недоразумений, возникших сравнительно поздно.

3. Считая своим долгом высказаться в самой краткой форме по существу учения о. С. Б[улгакова], Комиссия исходит из того, что основополагающее значение принадлежит здесь двум проблемам. Прежде всего дело идет о соотношении Бога и тварного мира, как это выражено в учении некоторых св. отцов о первообразах, от века существующих в Боге и в то же время связанных (по мнению о. С. Б[улгакова], тождественных) с идеальными началами мира. В этом учении, которое исторически должно быть истолковано как христианская интерпретация платонизма, вошедшего в этой форме в состав христианской метафизики, заключается та проблема, которая ложится в основу учения о так называемой тварной софии или премудрости Божией, имеющей свой образ в тварном мире, и потому отличаемой в этом тварном своем образе от Премудрости Божией. Уже у св. Афанасия в его истолковании Премудрости Божией и премудрости сотворенной, что он относил ко двум природам в Богочеловеке, заложена связь указанной проблемы с христологией, как она была на веки утверждена в халкидонском определении о двух природах во Христе, неслиянно, но и нераздельно соединенных в едином Лице Богочеловека. Это учение о соединении в Богочеловеке божественной и тварной природы, божественного и тварного бытия ставит со всей силой вопрос о том, как возможно это сочетание разноприродных начал в Богочеловеке, т. е. ставит перед богословием задачу такого построения богословской системы, при котором неизъяснимая тайна соединения Божественного и тварного бытия могла бы все же вмещаться в систему основных догматических понятий.

Поскольку тварному миру, о котором сказано, что он «сотворен Премудростию» и носит образ ее в себе, усваивается именование тварной Софии, поскольку идеальные основы тварного мира связаны с первообразами ее в Боге, постольку наличествует проблема соотношения тварной Софии и Софии Божественной — в силу чего эта проблема в такой ее постановке получает внутреннюю связь с коренной для христианской догматики христологической проблемой.

4. Комиссия считает своим долгом указать те пункты, в которых она видит трудности согласования построений пр[отоиерея] С. Б[улгакова], с вероучением Церкви. Не входя в критику терминологии усвоенной о. С. Б[улгаков]ым, т. е. именованию тварного бытия в целом, как «тварной Софии», Комиссия не видит возможности принять отождествление Софии тварной и Софии Божественной или, что то же, отождествление идеальной стороны в мире с первообразами в Боге. Еще менее возможно принять отождествление Софии Божественной с Усией, т. е. сущностью в Боге. Это богословское построение, иначе говоря богословская гипотеза, имеет свои выгодные стороны при изъяснении христологического догмата, логически привело прот. С. Б[улгакова] к такому учению о творении мира, которое, по нашему разумению, не может быть оправдано ни богословски, ни философски.

5. Высказывая эти свои критические замечания, Комиссия имеет лишь в виду разграничить самые проблемы, которыми заняты догматические построения пр[отоиерея]

С. Б[улгакова], всю реальность и неустранимость которых невозможно отрицать, от тех их решений, какие предлагает пр[отоиерей] С. Б[улгаков]. Вместе с тем Комиссия своими критическими замечаниями имеет в виду подчеркнуть, что критика учения пр[отоиерея] С. Б[улгакова], признание его расхождения с святоотеческой традицией, невозможность согласиться с иконографическими и литургическими обоснованиями его построений, не дают все же оснований для признания их еретическими и оправдывает их характеристику, как теологуменов, не выходящих за пределы основных догматов православной Церкви.

Комиссия подчеркивает, что пр[отоиерей] С. Б[улгаков] не возводит своего учения на степень общецерковного, а видит в нем свое личное частное мнение, отнюдь не противоположаемое им общему учению Церкви и не выдаваемое им за непогрешимую истину, и потому, по собственному его признанию, подлежащее широкому, свободному и всестороннему рассмотрению и обсуждению, какового до сих пор еще не было. Ввиду сказанного Комиссия находит ненужным и бесполезным всякое поспешное церковное осуждение мнений пр[отоиерея] С. Б[улгакова] и тем более наложение на него каких-либо церковно-административных прещений и кар, могущих привести не к разъяснению, а только к еще большему запутыванию и обострению данного богословского спора.

6. Комиссия, представляя этот предварительный отзыв, считает долгом указать, что, если бы признано было необходимым представление более детального обоснования представляемого ею

Ее заключения, она ходатайствовала бы перед Его Высокопреосвященством о продлении ее занятий, каковые потребуют продолжительного времени.

III

Отзыв комиссии по делу о сочинениях прот. о. С. Булгакова

I. Комиссия, внимательно изучив аргументацию «Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей от 17/30 октября 1935 года о новом учении прот. С. Булгакова о Софии-Премудрости Божией», приведенную в подтверждение обвинения прот. С. Булгакова в ереси, не находит возможным признать убедительной эту аргументацию, считает обвинение прот. С. Булгакова в ереси недоказанным и потому отвергает его.

В обоснование этого вывода Комиссия считает долгом указать на следующее:

1. «Определение», приводя цитаты из различных трудов о. С. Булгакова, совершенно не считается с тем, что они написаны в разное время. После появления в свет «Агнца Божия», в котором о. С[ергий] Б[улгаков] излагает в законченной и систематической форме свои взгляды, ссылки на прежние сочинения о. С[ергия] Б[улгакова] хотя и сохраняют историческое значение, не могут быть использованы для определенного суждения и оценки учения о. С[ергия] Б[улгакова];

2. Обращаясь к существу аргументации «Определения», надо подчеркнуть, что основное обвинение о. С[ергия] Б[улгакова] в ереси сводится к тому, что «его учение имеет гностические корни». Ошибочно последовав за книгой арх. Серафима, искавшего

корней учения о. С[ергия] Б[улгакова] совсем не там, где их следовало искать, «Определение» настойчиво обвиняет о. С[ергия] Б[улгакова] в гностицизме. Но это обвинение не может быть оправдано ни по существу дела, ни в порядке историческом (ибо ни в одном труде о. С[ергия] Б[улгакова] нельзя найти следов влияния на него кого-либо из гностиков). Если же коснуться вопроса по существу, то достаточно указать следующее:

а) системы всех гностиков — системы теогонические (в учении об эманации или диалектическом процессе в Плироме), — в то время как о. С[ергий] Б[улгаков], следуя учению Церкви, везде категорически отвергает всякую теогонию и твердо исповедует догмат единосущия, не допускающий никакой теогонии;

б) В вопросе о творении мира системы гностиков сильно варьируют, но все же они постоянно отделяют бога, как абсолют, от Демиурга или творца мира, — в то время как о. С[ергий] Б[улгаков] твердо исповедует учение Церкви о том, что Бог, как Абсолют, и есть Творец мира;

в) хотя в учении о Софии о. С[ергий] Б[улгаков] и выдвигает идею о «посредстве между Богом и миром», но это учение не может быть сближаемо с гностицизмом, ибо для гностицизма вовсе не специфична идея посредства. (Корни идеи «посредства» лежат вообще в ветхозаветном богословии, как это превосходно раскрыто проф. Муретовым в его книге о Филоне).

Такой замечательный и в высшей степени осторожный историк, как Болотов, признает даже возможным поставить вопрос, имела ли идея посредства вообще руководящее значение в теогонической диалектике гностиков.

г) Что касается, наконец, обвинения в «двубожии» (на том основании, что о. С[ергий] Б[улгаков] отождествляет Божественную Софию с сущностью в Боге), то ничего кроме чистого недоразумения здесь нельзя видеть. Как различие «сущности» и «триипостасного бытия» в Боге, лежащее в основе христианской догматики, совсем не есть «двубожие», так не есть «двубожие» и то, что развивается в своем учении о Софии Божественной о. С[ергием] Б[улгаковым]. Вполне понятны и законны сомнения относительно отождествления у о. С[ергия] Б[улгакова] «сущности» в Боге (Усии) с божественной Софией, — но вовсе не потому, что это ведет к «двубожии», — чего нет, — а потому, что это вызывает различные богословские трудности.

Разобрав главные аргументы в обвинении о. С[ергия] Б[улгакова] в гностицизме и признав их необоснованными, комиссия отвергает тем самым обвинение его в ереси.

II. Комиссия не может признать основательным и тот мотив в обвинении о. С[ергия] Б[улгакова] в ереси, который основан на указании, что учение о. С[ергия] Б[улгакова] является «новым» и чуждым святоотеческой мысли. По историческому опыту и убеждению Православной Церкви, не всякое учение новое или кажущееся новым должно быть отвергаемо как ересь, а только то, которое противоречит существу наших догматов, внутренне искажает их, представляет опасность для нашего спасения. Одних справок о неизвестности данного учения из документов предания недостаточно для объявления его ересью. Новое учение является объектом академического и всецерковного обсуждения с перспективой, может быть, стать и ересью, а может быть, и утвердиться в кафолическом предании. Церковь осуждает только упорное и горделивое противопоставление церковному учению частных и личных мнений, вы-

даваемых за непогрешимую истину. В данном случае комиссия не считает доказанным ни диалектически, ни сотериологически, что учение о. С. Булгакова есть ересь.

III. Обращая внимание на то, что все построения о. С[ергия] Б[улгакова] и особенно его основная книга «Агнец Божий» ставят своею главною целью разрешение вопросов православной догматики, как цельной внутренно, диалектически связанной системы, Комиссия в привлечении автором патристической экзегезы, литургического и иконографического материала и всякого рода историческо-богословских экскурсах видит должное стремление о. С[ергия] Б[улгакова] опереться на данные церковного предания и подчеркивает его желание во всем согласоваться с учением Церкви. Комиссия, однако, не может считать эти его исторические доводы до конца убедительными. Как видно из патристической и литургической письменности, основная линия церковного предания, следуя св. Ап. Павлу, под именем Софии-Премудрости Божией разумела Второе Лицо Пресв. Троицы — Логос. В таком смысле и истолковывалась VIII гл. Книги Притчей. Но наряду с этой главной магистралью церковного предания было и другое предание — малоазийское, представленное св. Феофилом Антиохийским и св. Иринеем Лионским, разумевшими под Премудростию Божиею — Третью Ипостась Св. Троицы — Духа Святого. Однако это мнение не было принято большинством других Отцов.

IV. Что касается иконографического материала, которым пользуется о. С[ергий] Б[улгаков] в своих софиологических построениях, то Комиссия не может признать верным использование этого материала при обосновании о. С[ергием] Б[улгаковым] его построений.

V. Считая своим долгом высказаться в самой краткой форме по существу учения о. С[ергия] Б[улгакова], Комиссия признает, что основное значение принадлежит здесь двум проблемам. Прежде всего вопросу о соотношении Бога и тварного мира (здесь имеется в виду учение некоторых св. отцов о первообразах, от века существующих в божестве и в то же время связанных — по мнению о. С[ергия] Б[улгакова], тождественных — с идеальными началами мира). Это учение, являясь христианской интерпретацией платонизма, вошло в состав христианской метафизики. Из него вытекает дальнейшая проблема о так называемой тварной Софии или премудрости Божией, имеющей свой образ в тварном мире и потому отличающейся в этом тварном своем образе от Премудрости Божией в существе Божией. Уже у св. Афанасия в его истолковании Премудрости Божией и премудрости сотворенной (что он относил к двум природам в Богочеловеке) заложена связь указанной проблемы с христологией. Затем в халкидонском определении о двух природах во Христе, неслиянно но и нераздельно соединенных в едином лице Богочеловека, та же проблема навеки поставлена пред христианским богословием. Это учение о соединении в Богочеловеке божественной и тварной природы, божественного и тварного бытия ставит со всей силою вопрос о том, как возможно это сочетание разноприродных начал в Богочеловеке, т. е. ставит перед богословием задачу такого построения богословской системы, при котором неизъяснимая тайна соединения Божественного и тварного бытия могла бы все же вмещаться в систему основных догматических понятий.

Если тварному миру, о котором сказано, что он «сотворен Премудростию» и носит образ Ее в себе, усваивать именование тварной Софии, то, поскольку идеальные основы

тварного мира связаны с первообразами ее в Боге, постольку наличествует проблема соотношения тварной Софии и Софии Божественной — в силу чего эта проблема в такой ее постановке и получает внутреннюю связь с коренной для христианской догматики христологической проблемой. Поэтому самую постановку «софиологической» проблемы в связи с христологией в системе о. С[ергия] Б[улгакова] Комиссия находит оправданной.

VI. Комиссия считает своим долгом указать те пункты, в которых она видит трудности согласования построений о. С[ергия] Б[улгакова] с привычным пониманием церковной традиции. Не входя в критику терминологии, усвоенной о. С[ергием] Б[улгаковым], Комиссия не видит возможности принять отождествление Софии тварной и Софии Божественной или, что то же, отождествление идеальной стороны в тварном мире с первообразами в Боге. Еще менее возможно принять отождествление Софии божественной с Усией, т. е. сущностью в Боге. Это богословское построение, иначе говоря богословская гипотеза, имеет свои и выгодные стороны при изъяснении христологического догмата, но оно логически приводит о. С[ергия] Б[улгакова] к такому учению о творении мира, которое, по разумению Комиссии, спорно и богословски, и философски.

VII. Высказывая эти свои критические замечания, комиссия имеет в виду отделить самые проблемы, которыми занят пр[отоиерей] С[ергий] Б[улгаков], всю реальность и неустрашимость которых невозможно отрицать, от тех их решений, какие предложены о. С[ергием] Б[улгаковым]. Вместе с тем, Комиссия считает необходимым подчеркнуть, что критика учения о. С[ергия] Б[улгакова], констатирование его расхождения с святоотеческой традицией, невозможность согласиться с иконографическими и литургическими обоснованиями его построений, все это не дает оснований для признания их еретическими. Это — частные богословские мнения или теологемы, не выходящие за пределы принятых догматов православной Церкви.

Комиссия подчеркивает что и сам о. С[ергий] Б[улгаков] не выдает своего учения за общецерковное, а видит в нем свое личное частное мнение, и потому, по собственному признанию, подлежащее широкому и свободному и всестороннему рассмотрению и обсуждению, какового до сих пор еще не было. Посему комиссия находит неправильным и бесполезным всякое поспешное церковное осуждение мнений пр[отоиерея] С[ергия] Б[улгакова] и тем более наложение на него каких-либо церковно-административных прещений и кар, могущих привести не к разъяснению, а только к еще большему запутыванию и обострению данного богословского спора.

VIII. Комиссия, представляя этот предварительный отзыв, считает долгом указать, что, если бы признано было необходимым составление более детального обоснования ее заключения, она ходатайствовала бы пред Его высокопреосвященством о продлении ее занятий, каковые потребуют продолжительного времени.

IV

Основные вопросы для доклада Комиссии

1. Вопрос об «ереси», недопустимость установления «ереси» путем подбора несовпадений к[акого-]либо учения с учениями Св. Отцов. Неотменимость проблематики в догматической сфере.

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

2. Вопрос об истолковании ветхозаветных и новозаветных текстов о Премудрости Божией. Можно ли считать патристическую экзегезу закончившей вопрос.

3. Патристическая традиция в экзегезе В[етхо]-З[аветных] и Н[ово]-З[аветных] текстов, ее внутренняя диалектика. Примеры выхода современной экзегезы за пределы патристической традиции.

4. Раскрытие догматических оснований для постановки софиологической проблемы. Различие самой проблемы в ее существовании от различных решений. Пределы допустимых вариантов в этом вопросе.

5. Принципиальная внутрицерковность догматических построений о. Сергия.

6. Частные вопросы:

а) Отношение о. Сергия к аполинарианству;

б) [Отношение о. Сергия] к гностицизму;

в) Обвинение в «двубожи»;

г) Вопрос об «источниках» учения о. Сергия.

V

Доклад о работе комиссии по поводу «Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей о новом учении прот. Сергия Булгакова о Софии-Премудрости Божией»

Осень[ю] прошлого года на имя его Высокопреосвященства от председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей Митрополита Антония поступила копия доклада Соборной Комиссии, обсуждавшей учение прот. Сергия Булгакова о Св. Софии, а также и просьба к Владыке Евлогию Архиерейского Собора «побудить прот. Сергия Булгакова к публичному отречению от своего еретического учения».

Его Высокопреосвященство, следуя примеру Святейшего Патриарха Сербского Варнавы, передавшего подобный же доклад Соборной Комиссии на заключение профессоров Богословского факультета Белградского Университета, признал нужным образовать особую комиссию из профессоров Богословского Института и некоторых священников для рассмотрения возводимых на прот. С. Булгакова обвинения (sic!) и для составления своего заключения. В Комиссию под председательством о. протопресвитера Иакова Смирнова были назначены профессора: о. игумен Кассиан, о. Георгий Флоровский, А. В. Карташов, В. В. Зеньковский и Б. И. Сове, и священники: о. прот. Иаков Ктитареv и о. прот. Сергей Четвериков (он же и заместитель председателя). Комиссия имела ряд заседаний, посвященных тщательному обсуждению порученного ей вопроса. Весь ход работы Комиссии изложен в четырех протоколах общих собраний и в заключениях или тезисах, составленных отдельными членами Комиссии.

Настоящий доклад имеет целью дать объективную, возможно точную картину происходившего в Комиссии обмена мнений. Ввиду краткости времени и незаконченности своих занятий, Комиссия пока не предлагает никакой общей резолюции и предоставляет самим читателям или слушателям самим сделать те или другие выводы из предлагаемого материала.

Внимание Комиссии прежде всего было обращено на ознакомление с имевшимися в ее распоряжении материалами — Определением Соборной Комиссии и До-

кладной запиской прот. Сергия Булгакова на имя Митрополита Евлогия, являющейся ответом на предъявленное ему обвинение. При этом перед Комиссией стал ряд вопросов и тем: понятие «ереси», понятие «нового учения», границы теологумена, о гностицизме, об отношении к отцам Церкви, проблема Софии, философия и ее отношение к христианской догматике, право учительства в Церкви и т. п., разъяснение и разработка которых являлись необходимыми для того, чтобы заключения Комиссии имели ясный и общедоступный смысл. При этом Комиссия не могла не отметить ненужности тех поспешных и страстных выступлений на публичных собраниях и в печати, какие были допущены некоторыми защитниками о. Сергия Булгакова. Признавая важность, сложность и трудность вопросов, стоящих перед комиссией, и краткость времени, которым она располагала, Комиссия не могла не видеть, что в данный момент она может произвести только некоторую предварительную работу, детально же рассмотрению богословского учения о. Сергия по существу она признавала необходимым посвятить особое время, испросив на это благословение митрополита Евлогия. Внутри самой Комиссии ясно наметилось двойное отношение к богословскому учению прот. Булгакова. У одних членов Комиссии мысли о. Сергия не вызывали никакого беспокойства и тревоги и они видели в них естественное и желательное углубление и проникновение свободной творческой мысли в тайны богословия и, хотя сами не во всем разделяли взгляды о. Сергия, находили, что его ученые домыслы не только не заслуживают осуждения, но являются полезными для церкви, поскольку они не становятся в противоречие с догматами веры, соблазн же вызывается Карловацким определением, а также указанной выше поспешностью некоторых защитников о. Сергия. По мнению этих членов Комиссии, все обвинения против о. Сергия снимаются его докладной запиской Митрополиту, защищающей свободу богословского мнения без притязания на непогрешимость. Для других членов Комиссии учение прот. Булгакова во многих своих пунктах казалось соблазнительным, вызывающим беспокойство и богословскую тревогу, вносящим, по их мнению, разложение в православное самосознание. Слышалась даже речь, полная горечи и боли, называвшая учение прот. Булгакова создающим недоумение и неправославных. Отношение его к отцам Церкви некоторыми членами отмечалось как «высокомерное». Следя за ходом занятий Комиссии, можно ясно различать эти две линии, которые Комиссия все время стремилась сблизить и объединить, что иногда и удавалось, и если не удалось до конца, то единственно потому, что занятия Комиссии не могли быть доведены до конца по недостатку времени.

Одним из первых вопросов, на котором остановилось внимание Комиссии, был вопрос о том, является ли учение о. Сергия о Софии-Премудрости Божией учением Церкви, т. е. содержится ли оно в церковном сознании, Священном Писании Ветхого и Нового Завета, в святоотеческой письменности, в богослужебных книгах, в иконографии, храмоздательстве, во всех тех памятниках церкви, где прот. Сергей Булгаков сам ищет подтверждения своего учения. Ответ на этот вопрос оказывается более неблагоприятным, чем благоприятным, для учения о. Сергия. Приведем справки, какие даны были по этому вопросу членами Комиссии.

По вопросу о Ветхом Завете: «В большинстве случаев употребления еврейского слова “хохма” в канонических книгах и греческого слова “София” в неканонических

книгах Ветхого Завета ими обозначается свойство Бога и человека. Человек не может постигнуть тайн Божественной премудрости (Иов, 28). Человеческая мудрость имеет источником и отражает божественную премудрость». «В Книге Притчей (8, 22–31) «хохма» является онтологической реальностью. Главная линия патристической экзегезы 8, 22–31, следуя богословию св. апостола Павла (1 к Кор., I, 24 и Кол. I, 15–16) отождествляет «хохма» со второй ипостасью Святой Троицы, с Сыном Божиим («Имже вся быша»), через которую Бог сотворил богоподобный мир (следуют указания из еврейских текстов). Отцы применяют ἔκτισεν [создал] (стих 22) к созданию тварной природы Христа, видя в γεννά με [рождает меня. — А. К.] (стих 25) указание на предвечное рождение Логоса от Бога Отца. Это толкование Притчей 8, 22–31, объясняет употребление этого отрывка в качестве паремии на праздники Обрезания Господня и Благовещения Пресвятыя Богородицы. Это истолкование использовано и в литургических текстах. Это святоотеческое толкование не исключает возможности и другого понимания «хохма» 8-й главы. Ветхозаветный автор видел в «хохма» ипостазированную идею мира, предсуществовавшую у Бога до творения мира, основу мира в Боге, божественную энергию, которой был сотворен мир, действие Св. Троицы в мире».

«Дом Премудрости (Притчи, 9, 1–6) в святоотеческой письменности отождествляется с церковью — Телом Христовым, в котором живет Дух Святый или с Пресвятой Богородицей, Которая есть Храм Логоса. Последнее толкование объясняет богослужбное употребление этого отрывка».

«В некоторых местах неканонических книг София открывается, как предсуществующая тора (Сир., 24, особенно 24–25, Вар. 3, 36–4, 4, особенно 1, 4). Святоотеческое толкование видело в последнем тексте мессианское место. У псевдо-Соломона (Книга Премудрости Соломона) различается Божественная София внутренняя, имманентная Божеству, и Премудрость космическая, действующая и открывающаяся в тварном мире в качестве имманентного ему разума или силы. Последняя София характеризуется чертами стоического λόγος τῆς φύσεως [логос природы. — А. К.]. Космическая премудрость не отождествляется с Божественной Софией. Хохма (София) не есть метафизический посредник между абсолютным и миром, как Филоновский Логос».

Что касается Нового Завета, то «нельзя не признать, — пишет один из членов Комиссии, — что в огромном большинстве случаев имя существительное σοφία в священных книгах Нового Завета означает свойство Бога или человека и его понимание, как наименования некоей онтологической реальности не представляется вероятным».

«В Мф. II, 19 = Лука 7, 35 при всякой форме текста ἡ σοφία издревле понималась, как онтологическая реальность. Представители валентиновского гносиса, по свидетельству св. Ириней, (I, 1, 17. I, 8, 4) относили ἡ σοφία к Ахамот; церковные толкователи (Ориген на Мф.) ко Христу. Ко Христу может относиться ἡ σοφία τοῦ Θεοῦ и в Лук. II, 49 по сопоставлению указанного места с Мф. 23, 34, где те же слова составляют часть обличительной речи Христовой против фарисеев и не имеют формы цитаты».

«Понимание в приведенных примерах ἡ σοφία τοῦ Θεοῦ в смысле 2-го лица Пресвятой Троицы не исключает общего вопроса, есть ли ἡ σοφία τοῦ Θεοῦ не более, как одно из наименований Второго Лица Пресвятой Троицы, именуемого также Сыном Божиим, Логосом и иначе, или ἡ σοφία τοῦ Θεοῦ как некая онтологическая реальность получает в действовании Второго Лица Пресвятой Троицы свое ближайшее выраже-

ние, но может получать и иное выражение. Допущение этого альтернативного решения было бы основанием для введения в круг Софийной проблематики и новозаветного материала. Понимание Софии в смысле Третьего Лица Пресвятой Троицы у св. Феофила Антиохийского и св. Ириней Лионского, хотя и не совпадает с основной линией древнего толкования, тем не менее требует внимания к указанному альтернативному решению. Оно могло бы быть подкреплено ссылкой на то третье место в священных книгах Нового Завета, где Христос уже прямо называется Θεοῦ σοφία [Божия премудрость. — А. К.]: Первое Послание к Кор. I, 23–24. Два соображения оправдывают такое распространительное понимание Θεοῦ σοφία в Пер. Кор. I, 24. Первое: имя существительное σοφία не имеет при себе члена, т. е. объем понятия σοφία может и не совпадать с объемом понятия Χριστός; второе: в определении Христа понятие Θεοῦ σοφία стоит рядом с понятием Θεοῦ δύναμις [Божия сила. — А. К.]. Понятие δύναμις было употребительно для обозначения онтологических реальностей. Достаточно указать Деяния 8, 10 о почитании Симона Волхва в Самарии Οὗτος ἐστὶν ἡ δύναμις τοῦ Θεοῦ ἡ καλοῦμένη μεγάλη [Сей есть сила Божия, именуемая великой. — А. К.] и Римл. 8, 38 и друг[ие] в перечислении ангельских чинов. По Деяниям 10, 38 в земном служении Христовом явление δύναμις было связано с действием Духа Святого.

Из другой справки мы видим, что слово «София» употребляется в Новом Завете в разных смыслах. Во-первых, в смысле свойства ума, его силы и проницательности: «откуда у Него такая премудрость и сила» (Мф., 13, 54). «Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противостоять все противляющиеся вам» (Лука 21, 15). Употребляется это слово в смысле озарения свыше: «Павел по данной ему премудрости написал вам» (2-е Петра, 3, 15) Как свойство Божие: «о бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Римл., II, 33). Премудростию Божией называется Сын Божий Иисус Христос: «мы проповедуем Христа Распятого, Божию Силу и Божию Премудрость» (1-е Корин. I, 23–24). Наконец, слово «премудрость» употребляется для обозначения замысла Божия о спасении мира: «мы проповедуем премудрость Божию тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1-е Кор. 2, 6–7). «Ныне соделалась известною через Церковь многообразная Премудрость Божия по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе» (К Еф. 3, 10). Во всех этих текстах слово «премудрость» обозначается греческим «софия». Других значений слова «софия» и особенно значения, соответствующего учению о Софии о. Сергия Булгакова, в книгах Нового Завета не встречается.

В патристической письменности София относилась ко второй Ипостаси Св. Троицы. Толкование св. Афанасия взято у Оригена. У него 2-ая Ипостась София, а не Логос (Комментарий на I-ю главу Евангелия от Иоанна). Премудрость относится к Св. Духу у св. Феофила Антиохийского и у св. Ириней (который взял эту мысль у св. Феофила), а также и у св. Григория Богослова. Эти отцы сохраняют обломок малоазиатского толкования. Вся же святоотеческая экзегеза идет по линии Иустин — Ориген — св. Афанасий, т. е. под Премудростию разумеет 2-е Лицо Св. Троицы.

Что касается богослужебной церковной письменности, то она с особенной ясностью показывает расхождение учения о. Сергия Булгакова с церковной традицией. В нашем богослужении всего годового круга нет ни единой церковной службы, которая была

бы обращена к Софии, не как к Сыну Божию. О. С. Булгаков указывает на рукописную службу Премудрости Божией, впоследствии напечатанную в «Богословском вестнике». Но эта мало кому известная служба не имеет общецерковного значения. Между тем, с другой стороны, имеются православные молитвословия, в которых Премудростию Божией и притом в несомненной связи с гл. 8 книги Притчей Соломоновых именуется 2-е Лицо Св. Троицы Господь Иисус Христос. Таков, например, канон Вел[икого] Четверга на утрене, творении Косьмы Маюмского. В нем мы читаем: «Всевиновная и подательная жизни, безмерная мудрость Божия, созда храм Себе от чистыя неискусомужныя Матери: в Храм бо телесно оболкийся, славно прославися Христос Бог наш».

«Неодержимую держащая и превыспреннюю на воздухе воду, бездны обуздывающая и моря востязующая, Божия Премудрость воду во умывальницу вливает, ноги же омывает рабов Владыка».

«Содетельницу Отец прежде век Премудрость раждает мя, начаток путей, в дела созда ныне тайно совершаемая: Слово бо несозданное сый естеством, гласы присвояюся его же ныне приях».

В других песнопениях мы читаем: «Премудрость и Слово в твоём Чреве зачешшая неизреченно, Мати Божия, миру родила еси мир содержащего и на объятиях держала еси объемлющего пищедаателя всех и создателя и Господа» (Богородичен седален В[еликого] Вторника).

«О Пасха велия и священнойшая, Христе. О мудросте, и Слове Божий и Сило. Подавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего» и т. д.

Что касается посвящения Храмов Софии, Премудрости Божией, то византийская иконография отождествляет Софию с Логосом. Храм Св. Софии Константинопольский был посвящен Сыну Божию, как это видно из храмового тропаря св. Софии: «Премудрость Отчая, Сияние славы и образ Ипостаси Его, в начале небеса и землю основавый, благослови достояние Твое, сохрани в мире Царя нашего, Церковь, град твой и люди твоя спаси».

Киевская София не была Богородичным храмом до Петра Могилы. Новгородская София празднует храмовой праздник 15 августа с конца XV века.

Все вышеизложенные справки свидетельствуют о том, что в церковном сознании, как это видно из церковного предания, под именем Софии, Премудрости Божией, разумеется 2-я Ипостась Св. Троицы — Сын Божий, именуемый также Логосом, но может разумеется также и замысел Божий, и все домостроительство Божие о спасении мира. Все эти данные не были опровергнуты в Комиссии.

Однако были высказаны соображения, дающие совершенно иную постановку этому вопросу. Было указано, что Церковь, как живое Тело Христово, исполненное Божественной жизни и силы, нельзя представлять, как нечто замкнутое и неподвижное, скристаллизовавшееся однажды навсегда в своих богословских суждениях и проникновениях. И потому не всякое новое учение только потому, что оно новое, следует рассматривать, как учение еретическое, и отвергать его.

Вот что мы читаем в тезисе одного из членов Комиссии:

«Постижение Богооткровенного, библейского и церковного вероучения бесконечно и неисчерпаемо. Самим боговидцам, как апостол Павел, оно видится неясно,

“зерцалом в гадании”. Поэтому церковь и не считает свое учение внешне раскрытым, законченным. Оно медленно, в веках, прибавляет некоторые новые формулы к ранее употреблявшимся.

Все писанные источники изучения веры Церкви не отнимают у богословского ума ни возможности, ни долга расширять и углублять раскрытие смысла и содержания, как системы христианского мировоззрения в целом, так и отдельных его сторон и частных истин до бесконечности. И в этом неисчерпаемом, захватывающем, бесконечном движении вперед — величайшая радость для христианского ума, одаренного от Бога талантами творчества. Усилия индивидуальные, в случае положительной успешности, разнообразными путями становятся постепенно достоянием и соборного разума церкви. Живущий в ней и наставляющий на всякую истину Дух Божий дает ей силу и право при всех переменах и обновлениях умственной жизни человечества непогрешительно устанавливать и новые формы прежних догматов, и принимать новые по форме языковой и философской их истолкования. Благодатные права церкви в области раскрытия ее учения не уменьшились со времени классической святоотеческой эпохи. И опыт исторический неотразимо показывает, что церковь не перестает на данном незыблемом основании своих догматов строить всевозрастающее здание своего учения. Слова Писания и догматы церкви в их святоотеческом изъяснении это не какие-то греческие цепи, в кои навеки закованы все народы, как пленники в безысходном лагере. Наоборот, это путеводные звезды в надежном устремлении к свету Богопознания, это — освобождающие крылья, переносящие ограниченный человеческий ум через неодолимые для него безд[н]ы всяких антиномий. С компасом символов, соборных определений и святоотеческих толкований мы можем, если имеем силы, надежно продвигать вперед раскрытие и постижение церковной доктрины. При этом наша проверка и самопроверка состоит не в том, чтобы внешне сравнивать нововозникающие богословские изыскания с составом заветанных нам историей формул предания и механически воспрещать и отвергать все, о чем не писали св. отцы. Нет, мы должны отклонять все, что по существу и по внутренней диалектике догматов им противоречит, но не обязаны с места отвергать те новые, или дополнительные изъяснения догматов, к которым призывает умы, просвещенные церковью, состояние философии и мысли нашего времени. Св. отцы первых 8-ми веков христианства не имели перед своим сознанием ни тех философских предпосылок, ни тех проблем, которые ставятся перед нами, чадами новых культур. Мы не архивариусы и музейные хранители эллинских форм догматики, а живые носители их существенного содержания, которое обновляется “яко юность Орля” и соответственно преломляется в соборном сознании всех времен церковной истории, варьируясь в различиях народов, рас, языков и культур. Наши славянские первоучители восстали против монополии античных языков на богослужбное употребление, справедливо назвав ее “триязычной ересью”. Мы также не признаем исключительной монополии одной классической эпохи золотого века святоотеческого богословия на построение раз навсегда церковного богословия. Признавая всю силу авторитета и священности этого предания, мы, по примеру св. Кирилла и Мефодия, могли бы назвать “античной” ересью воспрещение переводить на язык новой европейской и славянской мысли все содержание христианского учения и трактовать

его в свойственных нам формах новейшей проблематики. Как философское вооружение святоотеческих умов античной мудрости не представляет никакой абсолютной обязательности для нас при восприятии православного учения, так, тем более, необязательны для нас и технические приемы их экзегетики. Это уже почти относительная область меры позитивных знаний филологических археологических [sic!]. Достаточно вспомнить, что греческие отцы, за немногими исключениями, не знали еврейского подлинника Ветхого Завета. Ограниченные только греческой буквой, они иногда терпели чрезвычайные затруднения в экзегезе. Известны муки защитников единосушия Сына Божия при Арианском фехтовании словом ἐκτίσται, ἐκτίσσει (создал) в то время, как оригинал “канá” (установил, положил мерилом) мог бы освободить их мысль от обязательства видеть здесь ответ на вопрос о бытии 2-й ипостаси и дать право видеть тут указание только на действие в мире 2-й ипостаси, и вместе на действие в творении премудрости Божией во всем многообразии ее проявлений. Таким образом, ограничение критерия в православности какого-либо богословского мнения механическим его сравнением с буквой записанного церковного предания или с текстами творений св. отцов может вести к ошибочным заключениям, ибо Свящ[енное] Предание потому и предание, а не Священное Писание, что в нем многое не записано и не могло быть записано, ибо это живое, соборное сознание церкви, которое не исчерпано в прошлом, которое и в настоящем и в будущем, под руководством Св. Духа, способно помогать церкви творить новые формулы для ее учения. Если бы в эпоху Вселенских Соборов церковь ограничилась одними справками, записанными преданиями, мы не имели бы ни учения о “Единосушии”, ни о “Богородице”, ни о “двух естествах и волях”, ни об “иконах”. Восточная и греческая иерархия 60 лет сопротивлялась принятию единосушия, не находя его в писаном предании, 80 лет колебалась в вопросе о двух волях на том же основании и свыше 100 лет в вопросе об иконах, несмотря на вероопределения 1, 6 и 7 Вселенских Соборов. Православие и Вселенские Соборы победили, вопреки консерваторам, ограничившимся только критерием святоотеческой письменности. Насколько трудно даже самым православным, но не привычным формулировкам завоевывать право гражданства в церковной среде, свидетельствует богословское движение «исихастов», в конце концов канонизированное церковью. А началось с того, что самого св. Григория Синаита, в начале 14-го века, монахи погнали с Афона за уроки созерцательной аскезы и умной молитвы со словами: “не учи нас пути, которого не знаем”. Против православных паламитов восстали не только латинствующие варлаамиты, но и масса своих греческих консерваторов. Поэтому исихастический собор на Афоне в 1341 году под председательством Филофея Коккина (впоследствии патриарха Константинопольского, канонизовавшего св. Гр. Паламу), развивает целую теорию эволюции догматов. Новозаветные истины были тайнами Моисеева Закона, видимыми только пророками. Так и теперь не духовные люди (не исихасты) не видят таинств Духа, доступных «познанию только очищенных добродетелью». На Соборе 1351 г. паламиты говорили, что их учение есть ἀνάπτυξις (развитие) ороса VI Вселенского Собора о двух волях и энергиях. А герой православия на Флорентийском соборе, Марк, м[итрополит] Ефесский, в своих Κεφάλαια συλλογιστικὰ περὶ οὐσίας καὶ ἐνεργείας [Главах силлогистических о сущности и энергии. — А. К.] защищает исихазм, кажущийся

новизной, тоже теорией развития догматов. Он говорит, что раскрытие догматов подчинено закону постепенного во времени усвоения их церковным сознанием. Защищая своеобразную доктрину Григория Паламы о различии энергии от сущности Божией при причастности их Божественности, Марк говорит, что триадологические споры IV в. были только этапом. Когда умы, смущенные эллинской мудростью, усвоили первое различие в существе Божиим, т. е. три Ипостаси, тогда божественная мудрость благоволила открыть и дальнейший способ отвержения тщетной философии (подразумевается аристотелизм и томизм), пытающейся отвергать различные энергии Божии.

Словом, не всякое учение новое или кажущееся новым, по историческому опыту и убеждению Восточной Церкви, должно быть отвергаемо, как ересь, а только то, которое противоречит существу наших догматов, внутренне искажает их, подкапывается под правильный путь нашего спасения. Доказать диалектически и сотериологически, что данное учение есть ересь, есть долг, лежащий на обвинителе, помимо справки об известности или неизвестности его из документов предания. Кроме того, веское и трагическое имя ереси правильно приложимо только к учениям, которые жизненно и подлинно взволновали церковь, а не к тем, может быть, иногда и потенциальным ересям многочисленным богословским мыслям, которые миллионами рассеяны по христианской некафолической литературе, которые никого не волнуют, жизни церковной реально не задевают и, в конце концов, никому не известны, кроме специалистов. До времени, пока они не ожили в гуще церковной мысли, они не ереси, а объекты академических споров, с перспективой, может быть, и стать ересями, а может быть, и кафолическим учением. Это уже духовные пути, предрешать которые механически и спешно часто значит попадать в положение синедриона, одернутого мудрым предупреждением Гамалиила».

Признавая всю значительность только что приведенных слов, один из членов комиссии отмечает, что они требуют оговорки. Сам автор изложенного мнения делает оговорку, что новое учение не может быть приемлемо, если в нем заключаются противоречия догматам православной веры. Думается, что границы неприемлемости должны быть расширены. Частные богословские мнения несомненно допустимы, но Церковь не может выношенную в церковном сознании истину заменять другой истинной. Понятие Софии Премудрости Божией в церковном сознании имеет вполне определенный, от Апостолов идущий смысл и этот определенный смысл нет никакой необходимости подменять другим, не колебля веры в правильность и единство Церковной мысли. Если церковь в течение десятков и сотен лет воздерживалась от принятия тех или иных формул и учений, то вполне законно и соответствует ее вере в себя («Верую во едину, Святую, соборную и апостольскую церковь») противодействие изменению понятий, относящихся к внутренней жизни в непостижимом существе Божиим. К сказанному нужно прибавить еще и то, что к познанию тайн Богословия недостаточно подходить только во всеоружии современных философских и научных познаний, но нужны еще и другие, внутренние, условия для успешного проникновения в эти тайны.

Как было указано, Комиссия, не располагая достаточным временем, не имела возможности заняться детальным рассмотрением всех сторон учения о С. Булгакова по существу. Было только указано, что не все члены Комиссии разделяют это учение.

Тем не менее, в Комиссии было отмечено, что учение о. С. Булгакова не имеет ничего общего ни с гностицизмом, ни с пантеизмом.

Приводим соображения по этому поводу одного из членов комиссии. «Основное обвинение о. С. Булгакова в ереси сводится к тому, что “его учение имеет гностические корни”. Ошибочно последовав за книгой Архиеп. Серафима, искавшего корней учения о. С. Булгакова совсем не там, где следовало искать, “Определение” настойчиво обвиняет о. С. Булгакова в гностицизме. Но это обвинение не может быть оправдано ни по существу дела, ни в порядке историческом (ибо ни в одном труде о. С. Булгакова нельзя найти следов влияния на него кого-либо из гностиков). Если же коснуться вопроса по существу, то достаточно указать следующее: а) системы всех гностиков — системы теогонические (в учении об эманации или диалектическом процессе в плироме), — в то время как о. С. Булгаков, следуя учению Церкви, везде категорически отвергает всякую теогонию и твердо исповедует догмат единосущия, не допускающий никакой теогонии; б) в вопросе о творении мира системы гностиков сильно варьируют, но все же они постоянно отделяют Бога, как Абсолют, от Демиурга или творца мира, в то время, как о. С. Булгаков твердо исповедует учение Церкви о том, что Бог, как Абсолют, и есть Творец мира; в) хотя в учении о Софии о. С. Булгаков и выдвигает идею о “посредстве между богом и миром”, но это учение не может быть сближаемо с гностицизмом, ибо для гностицизма вовсе не специфична идея посредства (корни идеи “посредства” лежат вообще в ветхозаветном богословии, как это превосходно раскрыто проф. Муретовым в его книге о Филоне). Такой замечательный и в высшей степени осторожный историк, как Болотов, признает даже возможным поставить вопрос, имела ли идея посредства вообще руководящее значение в теогонической диалектике гностики; г) что касается, наконец, обвинения в “двубожии” (на том основании, что о. С. Булгаков отождествляет Божественную Софию с Сущностью в Боге), то ничего, кроме чистого недоразумения, здесь нельзя видеть. Как различие “сущности” и “триипостасного бытия” в Боге, лежащее в основе христианской догматики, совсем не есть “двубожие”, так не есть “двубожие” и то, что развивает в своем учении о Софии Божественной о. С. Булгаков. Вполне понятны и законны сомнения относительно отождествления у о. С. Булгакова сущности в Боге (Усии) с Божественной Софией, — но вовсе не потому, что это ведет к “двубожью”, чего нет, — а потому, что это вызывает различные богословские трудности».

В Комиссии была указана «наличность существенных разногласий у о. С. Булгакова с экзегетическими, а отчасти и богословскими положениями, высказанными св. отцами, но вместе с тем и отмечалось, что в пределах догматического учения Церкви допустимы различные богословские построения в изъяснение и систематическое раскрытие догматов, особенно тех вопросов, к которым церковное сознание не имеет обязательных догматических формулировок».

Переходя к рассмотрению в самой краткой форме учения о. Сергия о Софии, указывалось, что «основополагающее значение, принадлежит здесь двум проблемам, с двух сторон освещающих [sic!] вопрос о Софии, премудрости Божией. Прежде всего дело идет о соотношении тварного мира и Бога, как это выражено в учении св. отцов о “первообразах”, от века наличествующих в Боге и в то же время связанных (а по уче-

нию о. С. Булгакова — тождественных) с идеальными началами мира. В этом учении, которое исторически должно быть истолковано как христианская интерпретация платонизма, вошедшего в этой форме в состав христианской метафизики, заключается та проблема, которая ложится в основу учения о так называемой тварной Софии, или Премудрости Божией, имеющей свой образ в тварном мире, и потому отличаемой в этом тварном своем образе от Премудрости Божией в Существое Божием.

Уже у св. Афанасия, в его истолковании различения Премудрости Божией и премудрости сотворенной, что он относил к двум природам в Богочеловеке, заложена связь указанной проблемы с христологией, как она была навеки утверждена в халкидонском определении о двух природах во Христе, неслиянно, но и нераздельно соединенных в одном лице Богочеловека. Это учение о соединении в Богочеловеке Божественной и тварной природы, Божественного и тварного бытия, ставит со всей силой вопрос о том, как возможно это сочетание разных природных начал в Богочеловеке, т. е. ставит перед богословием задачу такого построения богословской системы, при котором неизъяснимая тайна соединения Божественного и тварного бытия могла бы все же вмещаться в систему догматических понятий. Поскольку тварному миру, о котором сказано, что он «сотворен Премудростию» и носит образ ее в себе, усваивается и наименование тварной Софии, поскольку идеальные основы тварного мира связаны с «первообразами» ее в Боге, постольку наличествует проблема соотношения тварной Софии и Софии Божественной, в силу чего эта проблема в такой ее постановке получает внутреннюю связь с коренной для христианской догматики христологической проблемой».

Формулируя те пункты, в которых видятся трудности согласования построений о. С. Булгакова с вероучением церкви, в Комиссии указывалось, что «не входя в критику терминологии, усвоенной о. Сергием Булгаковым, т. е. именованию тварного бытия в целом как тварной Софии, не видится возможности принять отождествление Софии тварной с Софией Божественной или, что то же, отождествление идеальной стороны в мире с «первообразами» в Боге. Еще менее возможно принять отождествление Софии Божественной с Усией, т. е. сущностью в Боге. Это богословское построение, иначе говоря богословская гипотеза, имея свои выгодные стороны при изъяснении христологического догмата, логически привела о. С. Булгакова к такому учению [sic!] о творении мира, которое не может быть оправдано ни богословски, ни философски».

«Разграничивая проблемы, которыми заняты догматические построения о. С. Булгакова, реальность и неустранимость которых неоспоримы, от тех решений этих проблем, какие предлагаются о. Сергием, нужно отметить, что все это, т. е. и критика учения о. Сергия, и признание его расхождения со святоотеческой традицией, и невозможность согласиться с литургическим и иконографическим основанием построения о. С. Булгакова, все же не дают оснований для признания их еретическими и не препятствуют их характеристике, как теологуменов, не выходящих за пределы основных догматов православной церкви».

Отметим еще один пункт, о котором шла речь в Комиссии в связи с учением о. С. Булгакова о Софии, именно о необходимости признания Софии, как некоторого посредствующего начала, связующего тварный мир с Богом, без которого невозможно общение Бога с тварным миром, — по этому поводу, со ссылкой на св. Афанасия Ве-

ликого и на св. ап. Павла, было высказано мнение, что Бог не нуждается в существовании особого посредствующего начала для Своего общения с миром. Если, по словам св. Афанасия, Бог мог явиться Моисею в горящей купине и купина не сгорела, если Пресвятая Дева могла зачать во чреве под наитием Св. Духа и Ее человеческая природа от этого не пострадала, то ясно, что мир может непосредственно соприкасаться с Богом и не погибать от этого, но оживотворяться, как об этом говорит св. ап. Павел: «Мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деяния, 17, 28).

Из всего сказанного видно, что Комиссия стоит еще только на пороге той огромной и сложной задачи, которая на нее возложена. Определение Архиерейского Собора, как и указ Митрополита Сергия Московского, только еще ставят, но не разрешают вопроса об учении прот. С. Булгакова о Софии, Премудрости Божией. И здесь да будет позволено высказать то, в чем Комиссия в полном своем составе, без всякого исключения, была единомысленна на своих собраниях. Учение о. С. Булгакова, несмотря на всю его спорность, и даже соблазнительность для некоторых, Комиссия не находит возможным назвать «ересью». Наименование «ереси» является последним, самым крайним и решающим действием церкви по отношению к тому или другому неправильному богословскому мнению; ему должен предшествовать целый ряд предварительных действия. Учение о. Сергия еще не подвергалось широкой всесторонней и научной богословской критике, необходимости и желательности которой не отвергает и сам о. С. Булгаков. Книга архиепископа Серафима Болгарского является первым опытом подробного рассмотрения богословских мнений о. С. Булгакова. Она еще не успела вызвать никакого значительного отклика. Богословское учение о. С. Булгакова еще ожидает самой широкой и свободной критики. Сам автор этого учения не настаивает на бесспорности своих богословских мнений и считает их своими личными, частными домыслами, какие всегда существовали в православной церкви. Так, в своем ответе митрополиту Сергию он пишет: «Я отнюдь не считаю свою систему непогрешимой, она нуждается в обсуждении, которое, однако, даже еще не начиналось». И в другом месте он опять говорит: «Моя Софиология есть богословская доктрина, которая составляет доселе мое личное достояние. Я никогда ни в мыслях, ни в делах, ни в чувствах не думал обвинять в ереси или в неверности православия с ней несогласных, считая всю эту проблематику и доктрину еще принадлежащей к области богословского обсуждения, хотя и содержащей в себе зерна теологумена. Такого обсуждения, по тяжким условиям нашей жизни, она пока еще почти не имела». При столь скромном и церковно-правильном отношении о. С. Булгакова к своим богословским мнениям и при его готовности выслушать и обсудить каждое возражение, не видно никакой необходимости становиться по отношению к нему в положение судей, а его самого ставить в положение упорного лжеучителя и требовать от него покаяния и отказа от своего учения. Имеется полная возможность спокойного и благожелательного всестороннего обсуждения как в печати, так и на собраниях спорных мнений, и пока этот путь не исчерпан, бесполезно и преждевременно прибегать к каким-либо церковно-административным карам. Такие меры можно применять только к упорным еретикам, отвергающим учение Церкви и горделиво противопоставляющим ему свое собственное частное мнение, как непогрешимую истину. О. С. Булгаков к таковым не принадлежит.

Материалы второго этапа работы Комиссии (1936–1937 гг.)

VI

Тезисы к докладу прот. С. Четверикова

[Имеется в виду доклад «О плане работы». — А. К.]

I. Ни в Свящ[енном] Писании Нового Завета, ни в святоотеческой письменности, ни в богослужебных книгах, ни в посвящениях храмов не имеется того учения о Софии-Премудрости Божией, какое излагается в сочинениях о. Сергия Булгакова. Наоборот, наименование Софии, Премудрости Божией, почти всюду относится ко второму Лицу св. Троицы, Сыну Божию.

II. Параллельные учению о. С. Б[улгакова] мысли о Софии можно найти не в свящ[енном] Писании и Церковном предании, а в сочинениях Влад[имира] Серг[еевича] Соловьева и западно-европейских философов и мистиков.

III. Учение о. Сергия Б[улгакова] о Софии не является совершенно ясным, определенным и тождественным во всех его сочинениях. Оно все время находится в процессе развития и непрерывной разработки. От этого получается, что никакое заключение о нем не может считаться окончательным. И если некоторые его определения Софии, напр[имер] как совокупности идей, образов и энергий в Боге, не вызывают возражений с православной точки зрения, то другие определения, как, напр[имер], учение о Софии, как о некоей живой сущности, третьем бытии, промежуточном между Богом и миром, связанном с Богом взаимною любовью, или как о единой идеальной основе Божественного и Тварного бытия, с православной точки зрения вызывают сомнения и недоумения.

IV. Защита о. Сергием Булгаковым учения Аполлинария о соотношении Божественной и человеческой природы в Богочеловеке Иисусе Христе, вопреки осуждению этого учения Вселенскими Соборами, является несомненно противоречащей учению Православной Церкви

V. Осуждение о. Сергием Б[улгаковым] Святоотеческого учения о взаимоотношении трех Лиц Св. Троицы и характеристика этого учения, как «порождения абстракции и многовекового гипноза», а также и его общая оценка святоотеческого богословия — также не представляются правильными с православной точки зрения.

VI. В учении о Вознесении Господнем не представляется достаточно обоснованным и необходимым умаление и сведение на нет исторического факта Вознесения на небо прославленной плоти Господа Иисуса Христа.

VII. В учении о предложении Св. Даров в Таинстве Св. Причащения представляется ненужным и неверным неоднократно употребляемое выражение о «включении Евхаристических элементов хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы для причащения», тогда как по православному учению евхаристические хлеб и вино не включаются только, а становятся самим пречистым Телом и самою Честною Кровью Господа Иисуса Христа.

VIII. Все вышеизложенное не дает, однако, основания провозглашать учение о. Сергия Б[улгакова] о Софии еретическим, а его самого еретиком, прежде чем это учение не будет тщательно, подробно и всесторонне разобрано в богословской лите-

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

ратуре и на церковных соборах Православной Церкви, при непременном личном участии самого о. Сергия. Только после тщательного и всестороннего рассмотрения этого учения, если о. Сергий Б[улгаков] будет упорно противопоставлять (от чего да сохранил нас Господь) свое частное мнение вселенскому учению Церкви, Высшая Церковная Соборная власть (одна имеющая на то право) может признать его учение ересью, а его самого еретиком.

VII

Членам комиссии по делу о сочинениях профессора протоиерея о. Сергия Булгакова

Прилагаемый доклад не подлежит опубликованию. Он имеет лишь вспомогательное значение для самой Комиссии, намечая возможный порядок ее работы. Первая, большая часть доклада является лишь мотивировкой для второй части, состоящей из ряда вопросов, на каждый из которых необходимо иметь определенное заключение комиссии, всего лучше единогласное; в случае же невозможности, в нескольких редакциях. Из совокупности заключений составит общий ответ Комиссии на «Определение» Карловацкого Собора, а также и оценка богословских мнений самого о. Сергия.

К имеющимся в докладе 17 вопросам нужно прибавить еще один, также связанный с карловацким «Определением»: «Разъяснение о. С. Булгаковым Вознесения Господня не стоит ли в противоречии с новозаветным рассказом об этом событии? И может ли оно быть рассматриваемо, как частный домысел, не противный Учению Церкви?»

Первое заседание Комиссии предполагается между 15 и 31 Октября, на рю Дарю, 12, о чем будут разосланы особые повестки.

Члены Комиссии, лишённые возможности личного участия в заседаниях Комиссии, благоволят прислать письменные свои заключения по каждому из 18 вопросов не позже 1-го Января 1937 года, а по возможности и раньше.

Председатель Комиссии
протоиерей Сергей Четвериков

1936 г. 20.IX
Париж

VIII

План работы Комиссии по делу проф. прот. о. Сергия Булгакова в наступающем году

[Список вопросов, подлежащих рассмотрению Комиссией, составленный прот. Сергием Четвериковым. Извлечен из «Плана работы Комиссии...». — А. К.]

1. Можно ли считать несомненным, что учение о. С. Булгакова о Софии, Премудрости Божией, не находит себе подтверждения в Св. Писании Нов[ого] Завета, в святоотеческой письменности, в богослужебных книгах, в посвящениях храмов, где почти всег-

да под Софией Премудростью Божией разумеется 2-е Лицо Пресв[ятой] Троицы, и в немногих случаях 3-е Лицо, и что текст кн[иги] Прит[чей] VIII, 22, в святоотеческой письменности также относится ко 2-му Лицу Пр[есвятой] Троицы — Сыну Божию?

2. Следует ли общепринятое в православной Церкви понимание слова «Софии, Премудрости Божией» подменять другим пониманием, и не вносится ли этой двойственностью понимания путаница в церковное самосознание? Не правильнее ли было бы для нового понятия выбрать и новый термин?
3. Можно ли установить генезис, и какой именно, для термина «София, Премудрость Божия» в русской религиозной философии конца XIX и нач[ала] XX века?
4. Какой смысл заключается в понятии «Божественная София» по учению о. С. Булгакова — означает ли этим именем природа Божия, внутренняя жизнь в Боге, совокупность идей, образов и энергий в Боге, или же некая живая сущность или существо в Боге, отличное от Бога, но неотделимое от Него и связанное с Ним неипостасной любовью?
5. В последнем случае: какова природа этого существа — божественная или тварная? Каково его место в Св. Троице?
6. Как понимать Божественную Софию по отношению к тварному миру: является ли она образом этого мира в Боге до его возникновения? Или же Бож[ественная] София есть активно действующее существо или начало, участвующее в создании тварного мира?
7. Как нужно понимать посредствующее положение Софии между Богом и миром? В каком смысле ею соединяются Бог и мир? Является ли она некоею общею онтологическою основой Бога и мира?
8. Может ли Божественная София быть предметом молитвенного обращения и почитания? Ощутима ли она как живое существо?
9. Если возникновение тварного мира является следствием «погружения» Божественной Софии в «ничто», то не является ли София тварная ничем иным, как пребывающей в мире Софией Божественной?
10. В чем проявляется действие в лице Софии тварной, или, что то же, Софии Божественной? И нельзя ли отождествить ее с промыслом Божиим?
11. Что такое София, Премудрость Божия, — «падшая»?
12. Можно ли признать правильным определение природы или состава человека, как состоящего из тела и разумной души или, что то же, — из тела, души и духа?
13. Сохраняется ли целостный или полный состав природы или естества человека при отсутствии в нем духа? Или иначе — является ли наличие духа необходимым условием совершенного человека?
14. Ущерблялась ли, и в чем именно, совершенная человеческая природа в Богочеловеке Иисусе Христе, по учению Аполлинария?
15. Следует ли признать святоотеческое богословие IV–VIII веков и вселенских соборов как подлинное выражение православного церковного самосознания, или же как исторический богословский материал, не имеющий обязательного значения для последующих поколений?

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

16. Обязательна ли для членов православной Церкви забота о сохранении церковного единомыслия, или же Церковь предоставляет своим членам неограниченную свободу индивидуального богословствования?

17. Признавая в богословствовании о. С. Булгакова несомненные ошибки и неясности, нельзя вместе с тем отметить в нем и такие достоинства, которые делают его ценным и полезным для Православной Церкви? Какие именно достоинства?

20.IX.1936 г.

IX

Заключительный доклад председателя комиссии

Подводя итоги более нежели годовой работы комиссии на основании бывшего в комиссии обмена мнений, а также докладов и тезисов отдельных членов Комиссии, нельзя не признать, что комиссия не достигла единогласного решения всех вопросов, связанных с выдвинутыми против о. Сергия Булгакова Карловацким «Определением» обвинениями, хотя в некоторых пунктах и оказалась единогласной.

I. Прежде всего в Комиссии обнаружилось расхождение по вопросу о том, согласна ли учение о. Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией, со Свящ[енным] Писанием и Свящ[енным] Преданием Православной Церкви.

Одни, ссылаясь на книгу притчей Соломоновых (глава VIII ст. 22 и др.) и на некоторые места в творениях св. Григория Богослова и преп. Максима Исповедника, находили в них некоторое основание для учения о. Сергия; другие, принимая во внимание общее толкование отцов Церкви, а также ясные слова св. ап. Павла и свидетельство богослужебных книг, и посвящения храмов Св. Софии, утверждали, что общее Церковное предание относит наименование Софии, Премудрости Божией, исключительно ко второму Лицу Св. Троицы. Источники же учения о Софии о. Сергия они видели в другом месте. Не отвергая этого мнения, первые утверждали, что отцы Церкви относили наименование Софии ко второму Лицу св. Троицы по обстоятельствам своего времени, но что в настоящее время возможно и иное понимание Софии по праву творчества, предоставленному Церкви пребывающим и действующим в Ней Духом Святым.

II. Что касается самого содержания учения о Софии о. Сергия Булгакова, то по общему признанию всей комиссии у о. Сергия нет единого, неизменного учения о Софии, и оно находится у него в процессе непрерывной переработки. И если судить об этом учении на основании только последних книг о. Сергия «Агнец Божий» и «Утешитель», — то тут между членами комиссии возникает существенное разногласие: одни не видят в нем ничего противного учению Православной Церкви и рассматривают его, как допустимое и подлежащее критике частное богословское мнение. Другие же, хотя и рассматривают его как частное богословское мнение, но видят в нем существенное расхождение с учением Православной Церкви. Расхождение это заключается в том, что между Богом и миром, Им созданным, допускается некоторое третье, промежуточное бытие, не Бог и не тварь, а некая живая сущность, являющаяся общею основой бытия Божественного и бытия тварного.

И хотя этому промежуточному бытию усваивается наименование мыслей, и образов, и энергий Божиих, но, по учению Православной Церкви, и мысли, и образы, и энергии Божии нельзя рассматривать как промежуточное бытие между Богом и тварью, ибо и мысли, и образы, и энергии в Боге составляют неотъемлемую принадлежность Божественного Бытия, хотя и находят свое осуществление в тварном мире.

III. Следующим пунктом разногласия в комиссии является вопрос об учении Аполлинария. Одни из членов Комиссии, по-видимому, не придают существенного значения этому пункту и не видят у о. Сергия разногласия с учением Церкви. Другие же, наоборот, отмечая согласие о. Сергия с учением Аполлинария, осужденным вселенскими соборами, видят в этом его несомненное расхождение с учением Церкви. Заслуживает внимания отзыв одного из авторитетнейших в данном вопросе членов комиссии, утверждающего, будто все православное восточное богословие, начиная от св. Кирилла Александрийского, несвободно от влияния аполлинаризма и о. Сергей является в данном случае н[а]иболее консервативным выразителем Церковной традиции, т. е. наиболее подвергшимся влиянию Аполлинаризма.

IV. Обнаружилось в Комиссии разногласие и по вопросу об отношении о. Сергия к святоотеческому богословию вообще. В то время как у одних членов комиссии это отношение не вызывает никакого смущения, на других оно производит тяжелое впечатление и кажется им проникнутым духом высокомерия и пренебрежения.

Такова, напр[имер], оценка о. Сергием Святоотеческого учения о причинном взаимоотношении между Лицами св. Троицы, каковое взаимоотношение о. Сергием совершенно отвергается, как неправильное. Противопоставляя ему свое собственное учение, о. Сергей характеризует святоотеческое «как порождение абстракции и многовекового гипноза». Это он усматривает и у каппадокийцев, и у св. Иоанна Дамаскина. Подробнее об этом можно читать в соответствующих докладах.

* * *

Таковы главные пункты разногласия, обнаружившегося в комиссии. Примирить или устранить это разногласие невозможно.

Что касается наименования учения о. Сергия Б[улгакова] «ересью», никто из членов комиссии не настаивает на нем, но и в этом пункте есть разделение. В то время как одни члены вообще не видят в учении о. Сергия ничего их смущающего, другие, замечая его расхождение с учением Православной Церкви, с тревогой видят в этом опасность если не ереси, то возможной путаницы и произвола в богословских суждениях и ослабления единства православного самосознания. Нельзя не отметить при этом, что сам о. С[ергий] не считает свое учение безошибочным и ожидает и просит критики своего учения, каковой до сих пор не было. В Комиссии указывалось и то, что наименованиям «ереси» и «еретичества» должно предшествовать тщательное и всестороннее изучение и обсуждение неправильного учения, как в богословской литературе, так и на церковных соборах, с непременно́м заслушанием объяснений автора учения. И только при упорном противопоставлении им своих частных мнений общему учению Церкви — наличность «ереси» и «еретичества» устанавливается судом высшей Церковной власти. Этот предварительный путь в данном случае еще не

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

пройден. Он почти еще и не начинался. Таков общий итог работы комиссии, каковой почтительнейше представляется на благовоззрение Вашего высокопреосвященства с испрошением благословения на окончание работы комиссии.

Председатель Комиссии
протоиерей Сергей Четвериков
1937.
22.VI.

Х

Письма архиеп. Ниццкого Владимира (Тихоницкого) прот. С. Н. Булгакову, 1927–1928 гг.

1

Высокопочтимый отец протоиерей.

Поздравляю Вас с светлым и радостным праздником Святой Пасхи: Христос Воскресе! В сей Великий праздник Любви и Мира хотелось бы пожелать скорейшего восстановления мира в нашей Церкви. С прибытием из священного Иерусалима Миротлюбивого Святителя Анастасия загорелась была некая надежда на умиротворение. А так как он с пальмой мира доселе еще пребывает среди тех, от коих зависит мир, то, может быть, наше упование не посрамит и мы не сегодня-завтра получим радостную весточку.

Позвольте принести вам, дорогой отец Сергей, душевную благодарность за вашу присланную мне новую книжечку «Купина неопалимая». Поражаюсь, когда это вы успеваете работать, в особенности теперь, при столь сложных и разнообразных послушаниях. Помогите Вам, Господи!

Прошу передать мой сердечный пасхальный привет добрейшей матушке Елене Ивановне и ближайшим соратникам Вашим С. С. Безобразову и Е. М. Киселевскому⁵.

С любовью во Христе
Ваш богомолец А. Владимир
10/23, IV, 27. Ницца.
P. S.

Известный Вам Никиф[ор] Соколов вполне успокоился, поговоривши и причастившись; оставил все свои прежние мысли и принялся за работу. Жена у него католичка, а также и дети — трое; дочка будто бы намеревается возвратиться в православие.

⁵ Киселевский Евгений Михайлович — бывший прокурор Тифлисской судебной палаты, секретарь Богословского института.

2 декабря 1928 года

Высокочтимый и дорогой
отец протоиерей.

Простите, что я задержал так долго присланную с Тамарой Вл[адимировной] Ельчаниновой⁶ «Сотницу Иисусову»⁷, а также доселе не мог собраться ответить Сергею Сергеевичу⁸ на письмо с приглашением на предстоящую в Лондоне Конференцию.

«Сотница» для келейного правила весьма полезна всякой душе Христианской; в кратких словах вся история спасения нашего молитвенно воспоминается, чем сугубая польза достигается. Обращения к Пресвятой Богородице, пожалуй, было бы полезнее особой сотницей или десятирицей изобразить, а не под текстом каждой десятирицы. В Молитвенном правиле Оптиной пустыни, Глинской, Саровской, Покровской и иных так именно и указывается, т. е. предварительно Иисусову молитву сто раз или триста, затем — *особо* Богородице столько же или половину и *особо* Ангелу-Хранителю... И это имеет значение, при молитвенном углублении...

Впрочем, не мне говорить Вам, отец протоиерей, Вы сами благоговейно углубленно всегда молитесь.

М[ожет] б[ыть], некоторые выражения можно выпустить или заменить славянскими.

Что же касается «Конференции», то, конечно, мне там не место. Ведь я решительно ничего не понимаю, не в смысле знания только английского языка, а и вообще всякой науки. Привести такого олуха, — это значит провалить всю Конференцию. У меня давно плесенью мозги покрылись и не сумею дать ответа ни на один вопрос. Если же для пользы дела необходимо сейчас же дать только согласие, а на самом деле не ехать, как пишет Сергей Сергеевич и подтверждает Тамара Вл[адимиро]вна, то охотно даю таковое. Как надо сделать, лично мне написать — ответить на приглашение, или на основании сего заявления ответит за меня в Лондоне Сергей С[ергееви]ч.

Испрашивая Ваших свв. молитв, с любовью во Христе.

Ваш А. Владимир.

Р. S. Сегодня, 2 дек[абря], у нас было общее приход[ское] Собрание для выборов церк[овного] старосты. Избранным оказался А. В. Оноприенко, получивший из 125 голосов — 91, а кн. Крапоткин — 31. Собрание на сей раз прошло совершенно спокойно, без всяких выступлений, и скоро.

⁶ Левандовская Тамара Владимировна (1897–1981) — иконописец, супруга Александра Викторовича Ельчанинова (1881–1934), в эмиграции принявшего священство. Сразу после его смерти составила на основании его дневников и отдельных записей и издала (1935 г.) книгу свящ. Александра Ельчанинова «Записи», выдержавшую множество изданий во Франции и в России. Оригинальный полный текст дневников прот. А. В. Ельчанинова остается неизданным.

⁷ Текст составленной прот. С. Булгаковым «Сотницы молитв ко Святой Троице и Господу Иисусу с созерцанием дел Божиих миру и человеку» (Сергиевские листки. № 3 (77) 1934. С. 2–9) сохранился в рукописи в нескольких редакциях.

⁸ С. С. Безобразову.

XI

Письма еп. Севастопольского Вениамина (Федченкова)
прот. С. Н. Булгакову, 1926–1931 гг.

1

Дорогой о. Сергей!

Ныне получили Ваше письмо и приписку А[нтон] Вл[адимировича] — Ваше предупреждение принято во внимание. Все делаем с предварительного совета с А[нтоном] Вл[адимировичем] —

Дело затягивается все туже. Особенно запутывает всё Берлин. И мы здесь дуем с А[нтоном] В[ладимировичем], что поездка м[итрополита] Е[влогия] — не необходимая — запутает дело.. Увы! Господи, помилуй.

Заметка в «Возр[ождении]» о м[итрополите] Сергии означает гораздо больше того, что там напечатано. Пока у нас связаны уста. Но м[итрополита] Е[влогия] мы уведомили.⁹

Конференции привет. Вот люди потихоньку делают свое *д е л о*.

Как это отрадно.

Но Божья воля! Чему быть, того не миновать. —

Привет всем.

От Е[вгения] М[ихайловича] Кис[елевско]го жду дополнительных материалов об «Академии» (так думает назвать ее м[итрополит] А[нтоний])

Кстати: ради Бога, скажите Бобр[овско]му¹⁰, чтобы К. Зернов¹¹ напечатал письмо м[итрополита] Антония к нему (лучше в газете Воз[рожде]ние); а то он все думает: будто не хотят. А Ф[еофана ?]¹² он не боится тут. —

Хорошо пока не занимать от Гинцбурга¹³.

Вы правы. —

Большакова¹⁴ м[итрополит] А[нтоний] *п р о с и т* принять. И я присоединяюсь. Поэтому дождитесь меня; и тогда пересмотрим дело. Особенно если будет примирение —.

⁹ Этот абзац обведен слева фигурной скобкой, вдоль которой сверху вниз поставлены три восклицательных знака. Строки дважды перечеркнуты посередине наискось снизу вверх слева направо, вдоль перечеркивающих текст линий сверху надпись: «Секретно!»

¹⁰ Бобровский Георгий Анатольевич (1902–1952) — в это время состоял студентом Свято-Сергиевского Православного богословского института (окончил в 1928 г.). Впоследствии диакон.

¹¹ Зернов Николай Михайлович (1898–1980) — в это время был соредактором журнала «Вестник русского студенческого христианского движения». Упомянутого письма в «Возрождении» найти не удалось.

¹² Возможно, речь идет об архиепископе Полтавском Феофане (Быстрове).

¹³ Моисей Гинцбург — торговец углем, выдавший беспроцентный заем в 100 000 французских франков Комитету по сооружению Сергиевского подворья.

¹⁴ Большаков Сергей Николаевич (1901–1990) был принят в Богословский институт, однако для обучения не приехал. Повторно подавал прошение о приеме, в чем ему было отказано. Впоследствии зарекомендовал себя в качестве инициатора ряда сомнительных околоцерковных начинаний, в том числе как создатель мифического «Православного братства преп. Венедикта». После Второй мировой войны опубликовал несколько книг. О нем см.: *Белобровцева И.* Тартуский русский богословский кружок «Логос» и подпоручик Кижэ //

А. К. Клементьев

Господи! Помоги —
Любящий Е[пископ] Вениамин.

2

+

Дорогой и глубокоуважаемый
о Господе батюшка о. Сергей!

Мир Божий да не отступит от нас и ныне и вовеки!

Только что получил, — по доверию м. Анны, — письмо Ваше (и др.) со вложением ей дара на Пасху. Она поручила мне развернуть письмо и написать ответ о получении тому, от кого прислан дар, — что и делаю с благодарностью от нея (и себя за нее). —

Книгу Вашу получили: спаси Господи! Ответ я написал, «на ходу», но тем непосредственнее. —

Это учение о «софии» не утешает меня, грешного, о Вас.

«Философия» собственная.

Надеюсь лишь, что 1) после кончины Вашей не поставит Господь Вам во грех сего, ради невольного увлечения, —

и 2) что это учение («мнение») не найдет себе продолжателей даже и на одно поколение. —

Простите, но пишу по любви (не сентиментальной, а о Господе, духовной)

Молитесь о грешном Еп. Вениамине.

Поклон матушке и всему Институту.

3

+

Воистину Христос
воскресе!

Дорогой батюшка о. Сергей!

Получил книгу.

Благодарю.

Поклон профессорам и всей Академии.

Любящий Е. Вениамин.

А все же никакой ипостасной Софии, кроме Божественной Премудрости, Бога Слова *НЕТ*.

Ни Слово Божие, ни службы (а я усердно их проучил [sic!]), ни Св. Отцы этого не знают (в Вашем смысле)

След... —

Сохрани Вас Господь!

Люб[ящий] Е. Вен[иамин].

Поклон Ел[ене] Ив[ановне] и всей семье Вашей.

Пишу в поезде: потому и почерк таков.

Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация: мат-лы междунар. семинара (25–29 сентября 1996 г.). Tartu: TÜ Kirjastus. С. 354–366. (Vene diasporree kultuur).

В нашем мон[астыре] Петковице устраивается женская обитель.
М[онасты]рь же переезжает.
У меня сердце в *России*.
Там-то *очень* тяжело.
Помолитесь.

4

Вена. 1927 10-23/1

+

Глубокоуважаемый и
дорогой Батюшка, о. Сергей!

Прошу прощения, что уехал, не успев дожидаться. Теперь выяснилось практически, что иначе я не попал бы на заседание Архиерейского Синода (13/26 I), — взяв билет через Вену (о чем подробно написал М. М. Осоргину, покупавшему билет). А Бог знает: может быть, что и доброе выйдет из моего присутствия там, — по Благодати Божией. —

— Но вместо прощания я и пишу это письмо о том, что хотелось бы сказать:

1. Об академических делах не буду писать: сами с Советом все устроите. Да и нет никаких трудностей. А вмешиваться лучше не буду.

2. Вероятно, я уже более не возвращусь в Париж, за исключением прямого послушания, — чего, однако, не ожидаю.

3. А потому тем свободнее могу высказать то, что Вы уже знаете от меня по прежним разговорам.

Я Вас Именем Господним (тогда лично¹⁵) — а теперь письменно — умоляю: не настаивайте на своем учении о «софии». Я и больше скажу: откажитесь от этого, именно «мнения», — как Вы говорили. В лучшем случае оно не нужно; в худшем — неверно. Мое мнение: — последнее.. А между тем, именно этот вопрос столько наделал путаницы о Вас; что из-за него не только к Вам лично, но и к делам, к которым Вы причастны по своей работе, составилось предубеждение. И я скажу: не без оснований; ибо если и я, м. б., наиболее терпимый, и то всегда беспокоился по этому поводу, — что же говорить о других?!

Это первое.

А второе: вообще о богословствовании — т. е. о методе его.

Насколько я понимаю: Вы и доселе философствуете. Это влечет Вас. И не мудрено.

Но если уж Вы находите это нужным, то не опирайтесь на *себя*, на *свои* домыслы. А стойте на *святоотеческих творениях*. Здесь голос *Церкви* подлинный. Вы помните, что еще в Англии я говорил вам, что Вы (как и м[итрополит] Антоний) богословствуете *от себя*; и к *себе* привлекаете потом и свв. отцов.

Это не правильно. И такое богословствование всегда будет ненадежно.

В *крайнем* случае необходимо уже «свои» мысли подтверждать *основательным* образом многими ссылками на св. отцов.

Первые Отцы, Отцы Соборов, и до св. Григория Паламы включительно, — в пресыщенном изобилии подводили под свои богословские положения цитаты из Святых Отцов.

¹⁵ Говорил и даже писал в Прагу. [Примечание еп. Вениамина. — А. К.]

Но они и воспитались предварительно на них же. Не говорю уже о духоносной их жизни.

Они боялись изречь что-либо «свое». И Св. Нил Сорский, несмотря на всю свою мощь духовную, все извлек из Отцов.

Впрочем, это и Вам известно. И усердно молю: не примите этого совета (=ов) недружелюбно; не от злого сердца они идут: знаете это. Но пусть уже и поскорбите на меня, — только бы удержали и исполнили то, что написано от совести.

Ваш по Бозе благожелатель недостойный Епископ Вениамин.

Р. S. Другим не говорите о сем. Ел[ене] Ив[ановне] поклон. Оч[ень] жалел, что не забежал проститься: очередь студентов стояла; и заторопили меня с такси. Простите. — помолитесь. — С[ергею] С[ергеевичу Безобразову], В[ладимиру] Н[иколаевичу Ильину], А[нтону] В[ладимировичу Карташеву] и всем профессорам поклон. Простите Христа ради! —

5

Глубокоуважаемый батюшка,
о. Сергей!

Благодарю Вас за поздравление.
Поздравляю взаимно.

Совершившееся Ваше отделение от русской Церкви положило преграду: уже чем-то чужим стало мне ощущаться все то, что совершается вне русской православной Церкви в отколовшихся от нее частях; — и даже в «Евлогианской» более, чем в «Карловацкой».

Таковы последствия всяких расколов.

Ваш богомолец, Епископ Вениамин.

1931.29/ХП.

Р. S. Читал книгу «Михаила священника»¹⁶: лживая по духу (хотя и «искренняя[»]). Это «премудрость», о коей Ап. Павел сказал: «душевная, земная, бесовская».

Еще более (по принципу: от обратного) зришь правду и творчество в Русской Церкви.

И кто же его защищает? Безбожник П. Н. Милюков... разве это одно не знак лжи духа книги?

Слава Богу, что мы остались в благодатной канонической Церкви.

Е. Вениамин.

¹⁶ Священник Михаил Афанасьевич Польский (1891–1960) — в 1930 г. бежал из советской России через Персию, поселился в Иерусалиме. Речь идет о книге: *Михаил, свящ.* Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. 122 с. Автор отказывался признавать за официальной советской церковной организацией митр. Сергия (Страгородского) право именоваться Церковью. Автор известного двухтомника «Новые мученики Российские» (Джорданвилль, 1949; 1957), ставшего первым систематическим собранием документов по истории уничтожения советской администрацией православного духовенства и мирян.

XII

Письмо архиеп. Чикагского Леонтия (Туркевича) прот. С. Н. Булгакову, 1935 г.¹⁷

+

1935, November 2nd

Досточтимый и дорогой
о. протоиерей Сергей Николаевич!
Христос посреде нас!

Газеты принесли оглушительную новость, что Архиерейский Собор в Карловцах вынес обвинение Вам в «еретичестве». Это — ясно — злобное средство в церковной политике подорвать кредит Православного Богословского Института при Сергиевском Подворье в Париже... Как тяжело Вам, дорогой о. протоиерей! И как тягостно Владыкам Евлогию и Феофилу, если они еще присутствуют на этом собрании... Но — Господь судитель праведный и обелит Своих верных рабов!

В письме на имя Вл[адыки] м[итрополи]та Евлогия я все же пишу, что — ради удержания морального и финансового кредита в Америке среди епископалов — необходимо будет издать какой-то хороший Statement от лица Его Высокопреосвященства, чтобы предупредить агитацию против сборов на Парижскую Православную Русскую Академию.

Не знаю, в какой форме это лучше сделать. Быть может, даже без опубликования среди широкой публики, но только для заправил драйва.

Свидетельствую свое искреннее почтение к Вам и супруге Вашей от своего и о. С. и его семьи имени. Прошу св. молитв. Желаю всего наилучшего.

Остаюсь — при желании еще раз Вас видеть.

Ваш во Христе Иисусе, почитающий и уважающий,
+Леонтий, Еп. Чикагский.

XIII

Письмо Н. Арсеньева прот. С. Н. Булгакову, [1936 г.]

10 июля [1936]

Дорогой и глубокочтимый о. Сергей!

Спасибо большое за Вашу открытку. Статью Вашу посылайте прямо в Кенигсберг по адресу проф. Hans Koch'a, кот[орый] уже позаботится о переводчике. Попросите его прислать Вам корректуру (или машиночную копию перевода), чтобы Вы могли контролировать, насколько верно переводчик передал Вашу мысль.

Нахожусь сейчас в предгорьях Исполиновых Гор в Силезии; в конце июля вернусь в Кенигсберг. В августе, м[ожет] б[ыть], буду в Швейцарии на экуменических съездах.

¹⁷ На бланке:
Bishop Leonty
Holy Trinity Cathedral
1121 North Leabitt Street
Chicago, Ill.

Что касается моей полемики с Вами, хочу, во-первых, сказать, что очень *не* люблю полемики (и с годами все больше не люблю) и плохо полемизирую, а во-вторых, так легко полемизировать *внешне*, как бы играя в шахматы или фехтуя! Здесь требуется трепет при касании святости. А этому мне нужно еще учиться. Много учиться, *в частности и у Вас*. Вообще неправильно, по-моему, громкое выслеживание односторонностей и — скажем даже — некоторых неправильных или сомнительных формулировок у тех, которые *гораздо ближе к Полноте Истины — которая есть Христос — и жизнью и всем вдохновением своим, чем те, которые их выслеживают*. Конечно, с неубедительными мыслями, которые считаешь ошибочными или сомнительными, следует не соглашаться. Но зная, как полемика почти всегда несущественна и при лучших даже намерениях *неадекватна* (ибо вспыхивает мысль, бросающая свет на одну сторону рассматриваемого предмета, и то стилизованно: в этой стилизации, которая почти всегда присуща, невольно присуща, даже самой искренней и старающейся быть честной полемике, — ее опасность, ее, часто непреодолимая, невольная, неправда), то я давно решил уже воздерживаться от полемики — покуда от меня не требуют ответа, выяснения моей позиции. Тогда более опасно и неправильно молчать: ибо тогда мысль замирает. И вот, скрепя сердце, полемизирую, и *плохо* полемизирую. Простите, *Христа ради*, за все погрешности и недочеты, за все невольные «фехтовательные» приемы. Конечно, все это не соответствует достоинству предмета, достоинству оппонента, и во все это *невольно* впадаешь, ибо все это так переплетено с полемикой. Все это мне больно, и во все это не буду впадать, если не буду полемизировать вовсе, к чему и стремлюсь. Вот это — «*pro domo mea*». Простите за все невольные огорчения и легкие невольные «царапины» (не мне их Вам наносить!) и все неадекватности, и все недомыслия, и нетонкости, и грехи моей полемики. Она по намерению честна и искренна, и полна уважения, и доброжелательности, и любви, но она невольно стилизуется в пылу рассуждения, и тем самым она становится недостаточно тонкой и мало адекватной.

Теперь по существу. Я хотел только высказать мысль — и не сумел сделать это достаточно тонко и осторожно, — что, по-моему, этот путь понимания может привести к липковщине (которой, конечно, у Вас в Вашем намерении *нет*). А вышло, как Вы верно заметили, от демагогии. Публично я бы никогда не позволил себе так суммарно и недостаточно осторожно высказать свою мысль.

Почему в Тите и Тимофее нельзя видеть прототипов епископата?

Я считал крайне важным подчеркнуть данности сверху, *из факта предания*, т[ак] сказать, «извне» власти «пасти овцы». Боюсь, что при Вашей концепции этот момент исчезает или загушевуется. Вы говорите о необходимости если не исторически, то догматически обосновать иерархию. Но Вы забываете, по-моему, что частью этого и догматического обоснования должно быть — и так было оно уже в Церкви 2-го века — сознание, что это *получено, приятно от апостолов*, а не выделено самой эмпирической Церковью из себя. Во всяком случае, тут *две концепции*, различные между собой.

Что касается моей статьи о «софиологии», кот[орая] только что вышла, то не знаю, откуда еп[ископ] Иоанн ее прочитал. Я послал в Париж только *один* экз[емпляр] (именно моему брату Юрию в «Русском Доме», Ste Geneviève). М[ожет] б[ыть], он прочитал ее в «Вестнике Братства Правосл[авных] Богословов» (брошюрка есть оттиск оттуда), но этот №, по-моему, еще не вышел. Кроме того я послал этот оттиск

Материалы к истории полемики о творчестве профессора прот. С. Н. Булгакова...

еще П. Б. Струве, Н. О. Лосскому (в Прагу), бар[ону] Таубе (в Мюнстер), о. Лялину (в Атау) и Ю. Н. Данзас (в Лилль). Иерархам же посылать не собираюсь и в Париж больше посылать не собирался и не собираюсь. Вам, конечно, пошлю, как только вернусь в Кенигсберг (в последних числах июля).

И этой своей полемической статьей я также недоволен, даже еще больше: она слишком «фехтовательна» (хотя подчеркивает глубокое уважение к другой стороне), она не глубока, она внешна, она недостаточно серьезна. С Вашей мыслью я не согласен, но своей статьей я недоволен. Она *примирительна* (это ее хорошая сторона), но в ней есть какой-то ненужный «фехтовательный», внешний, поверхностный тон. Простите за все это и примите *доброе и честное намерение* и подчеркнутое — и в статье — *единение в любви и горячее сознание единства в вере*. Молитесь обо мне. Прошу Вашего пастырского благословения. Любящий Вас Ник. Арсеньев.

P. S. Я написал еще небольшое дополнение к этой статье о софиологии (выйдет также в «Вестнике прав[ославных] богословов»), которое неск[олько] более написано по существу и меня неск[олько] больше удовлетворяет. Я пришлю и его Вам, как только оно выйдет.

При всех *очень больших недостатках* моей полемики она всем тоном своим и намерением своим *иренична*; в этом — ее — очень малая — заслуга. Она не растревляет и не направляет и полна глубокого уважения к взглядам другого и к церковности другого.

Еще раз прошу *Ваших молитв и благословения*.

Ваш Ник. Арсеньев.

XIV

Письмо С. Л. Франка прот. С. Н. Булгакову, 1935 г.

Berlin — Halensee

Nestorstr. 11

30 октября 1935

Дорогой о. Сергей!

Только что — из случайно попавшегося мне номера «Возрождения» — я узнал более или менее точное содержание того известия, которое в неопределенной форме было мне известно уже ранее — именно *осуждение Вашего учения митрополитом Сергием и Московским Собором*. Чувствую потребность написать Вам — не для того только, чтобы выразить Вам мое сочувствие, в котором Вы, я думаю, не сомневаетесь — да вряд ли и нуждаетесь, но чтобы вообще поделиться с Вами моими мыслями и чувствами по этому поводу. Я хотя и считал себя обязанным оставаться в юрисдикции русской патриаршей церкви и, в свое время, когда этот вопрос решался, не видел достаточно религиозных оснований для откола от нее, но я уже давно чувствую себя духовно неуютно в ее заграничном отделе. И митрополит Елевферий, и наш добрейший здешний батюшка о. Григорий Прозоров своей духовной узостью и нетерпимостью давно уже ощущаются мною, как помеха в моей церковно-религиозной жизни. О. Григорий Прозоров¹⁸, кото-

¹⁸ Протоиерей Григорий Яковлевич Прозоров (1864–1942) — кандидат Киевской духовной академии (1888 г.), священник Софийского собора в Киеве. В эмиграции в 1926 г. остался в подчинении митр. Евлогия, а с

рый почти в каждой своей проповеди ежевоскресно ограничивает действие Св. Духа только храмами — в Берлине на Fasanenstrasse, а в Париже — rue Petel — и этим по моему сознательно совершает непростительный грех хулы на Св. Духа, почти отучил меня посещать церковь.

Я не знал до сих пор, что и московское возглавление патриаршей церкви мыслит так же. Из Вашего случая начинаю думать, что это действительно, по-видимому, так. Психологически в Вашем осуждении, очевидно, сыграла существенную роль Ваша принадлежность к “отлученной” церкви. Нельзя, конечно, отрицать принципиального права высшей церковной власти охранять чистоту Церковного учения, тем более, что мнения ее по догматическим вопросам ведь строго обязательной силы не имеют. Но если подумать, что это осуждение коснулось Вашего учения о Св. Софии, в котором Вы не затрагиваете и не колеблете ни одного из общепризнанных догматов и которое — как бы не относиться к нему по существу — касается проблемы, еще никак не решенной православным сознанием, то приходишь в смущение и отчаяние от обнаружившейся здесь духовной узости, которая очевидно требует от ученых профессоров догматического богословия, чтобы они ограничивались повторением катехизиса. Как далеки мы от того блаженного времени, когда и Тареев¹⁹, и Несмелов²⁰ могли беспрепятственно писать и быть профессорами, а Флоренский²¹ — защищать свою книгу как диссертацию в духовной академии, не будучи обвиняем в еретичестве! А когда подумаешь, что это происходит в царстве безбожия, в языческом мире, где, казалось бы, у церкви должны были бы быть совсем другие заботы, то начинаешь ощущать всю бездну того безумия, среди которого мы живем.

Что касается меня лично, то первым, инстинктивным моим побуждением при этом было — из чувства моральной солидарности с Вами выйти из состава патриаршей церкви. Но подумавши, я сообразил и почувствовал, что по разным причинам это было бы неосновательно: 1) нельзя из несогласия с отдельным шагом церковной власти, закономерность которой в принципе признаешь, отказывать ей в этом признании; 2) выход из прихода “патриаршей церкви” требовал бы перехода в приход “евлогийской” церкви — а это для меня трудно, во-первых, потому что я с ее принципиальной позицией все-таки не согласен, и многое в ее духе, сильно пахнущем эмигрантщиной и политикой, мне не по душе, а во-вторых, потому что по нашим эмигрантским условиям жизни это было бы демонстрацией, оказательством, предметом сплетен, а все в религиозной жизни, носящее характер публичности, моему религиозному сознанию невыносимо. На старости мне хочется жить в тишине со своим Богом и в этом [1 сл. нрзб.] отрешиться от всего земного. Так что мне остается только чувствовать себя православным в том широком мистическом смысле, в котором православие совпадает с единой святой церковью, и не заботиться о том, к какому толку и направлению я приписан.

Горячо обнимаю Вас и прошу Вашего благословения и молитв.

Сердечно любящий Вас

С. Франк

1931 г. служил в новом приходе в юрисдикции митр. Елевферия.

¹⁹ Тареев Михаил Михайлович (1867–1934) — профессор Московской духовной академии (1902 г.).

²⁰ Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — профессор Казанской духовной академии (1898 г.).

²¹ Флоренский Павел Александрович (1882–1937) — завершил свою работу «Столп и утверждение истины» в 1914 г. (М.: Изд. «Путь», 1914) и защитил в Московской духовной академии.

Ил. 1. Протоиерей Сергей Николаевич Булгаков, 1924 г.

Ил. 2. Протоиерей С. Н. Булгаков, митрополит Евлогий и священник Александр Калашников в группе участников Съезда РСХД в замке Аржерон, 1924 г.

*Ил. 3. Протоиерей С. Н. Булгаков и настоятель храма РСХД
протоиерей С. И. Четвериков*

*Ил. 4. Протоиерей С. Н. Булгаков и монахиня Евдокия (Кургэн)
в Кэнси, 1935 г.*